ISSN 1998-5053

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (136). Т. 1. Ноябрь, 2013

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ)», 2013

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)

И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)

В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)

А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)

МАРЕК ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)

Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)

И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)

ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)

И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)

СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)

Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)

А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)

МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)

Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)

С. Г. ВЕРИГИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)

РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)

П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)

Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)

Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)

А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук (Петрозаводск)

В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)

С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)

М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

ISSN 1998-5053

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

(following up 1947–1975)

№ 7 (136). Vol. 1. November, 2013

Social Sciences & Humanities

Chief Editor
Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Vladimir S. Syunev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

© FBSEI «Petrozavodsk State University (PetrSU)», 2013

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)

I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)

V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)

A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)

MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)

N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)

I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

V. ORPHINSKY
Doctor of Archtecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)

PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)

I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)

E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)

HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)

L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)

A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)

M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)

R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series
"Social Sciences & Humanities"

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)

R. GRYÜNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)

P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)

T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)

A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)

V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)

S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Пашков А. М.
Н. В. Кофырин: сельские учителя и модернизационные процессы среди крестьянства Олонецкой губернии в начале XX века 7

Шумилов М. И., Шабалин Г. С.
К вопросу об использовании накопительного опыта подготовки молодой квалифицированной рабочей смены 13

Никонов С. А.
Покрут промышленных людей на мурманский рыбный промысел Николо-Корельского монастыря во второй половине XVII века 17

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Никольский С. А.
Виртуальная реконструкция утраченного объекта наследия на примере церкви Св. Мирония лейб-гвардии Егерского полка 23

ПЕДАГОГИКА

Гавриков А. Л., Лисицына Т. А.
Формирование образовательного контента с использованием облачных технологий 29

Дмитриева Н. К.
Experimental results on academic mobility development in university students in process of foreign language acquisition 35

ПОЛИТОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

Рожнева С. С.
Свободные политические выборы и безопасность общества 39

Шедий М. В.
Специфика социальной архитектоники коррупционных отношений 44

ФИЛОЛОГИЯ

Широкова Е. Н.
Глаголы *медлить* и *мешкать*: семантика и функционирование 48

Ломакина О. В., Макарова А. С.
Особенности употребления крылатого выражения-галлицизма *медовый месяц* в современной российской публицистике (на материале Национального корпуса русского языка) 52

Юдина Т. М.
Структурные типы и системные отношения терминов в ЛСГ «Названия лиц по профессии» в горнозаводской терминологии начала XVIII века . . . 57

Захарова Е. В.
Славянские суффиксы в субстратной топонимии Восточного Обонежья 62

Трофимова Ю. М.
Личностный фактор текста как аспект художественного текстопостроения (на материале романа А. Стриндберга «Красная комната») 66

Ковригина Л. Ю.
Концептуальные различия подходов к описанию статистической структуры текстов (на примере «Сказания о Мамаевом побоище») 71

ФИЛОСОФИЯ

Марков Б. В.
Априорное знание в гуманитарных науках 77

Егорычев И. Э.
Неполнота аксиоматических теорий как истина реальности 82

ЭКОНОМИКА

Белозёров С. А.
Защита банковских вкладов 86

Краснопевцева И. В.
Проблемы материального стимулирования роста производительности труда рабочих промышленных предприятий 91

Падисов С. Г., Волова Ю. А.
Оценка межрегиональной экономической дифференциации регионов Севера 97

Овчинникова Н. Э.
Адаптивная устойчивость банковской системы: теоретический аспект 103

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Душнюк Н. В.
Полномочия суда апелляционной инстанции 107

Уханова А. П.
Современный подход к содержанию и стадиям избирательного процесса в Российской Федерации 112

Рецензии

Веригин С. Г.
Рец. на кн.: Макуров В. Г. Великая Отечественная война в Карелии: Историографический очерк . . 117

Пивоев В. М.
Рец. на кн.: История и философия науки: Основные имена и понятия 121

Кунильский Д. А.
Рец. на кн.: Фатеев В. А. Жизнеописание Василия Розанова 122

Научная информация

Иванова Т. В.
Международная конференция Тургеневского сообщества в г. Баден-Бадене 123

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Требования к оформлению статей см.:
http://uchzap.petrsu.ru/files/reg.pdf

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Г. А. Мехралиева. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Ивановой

Подписано в печать 11.11.2013. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 394

Индекс 66094. Цена свободная
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Ноябрь, № 7. Т. 1 **История** **2013**

УДК 930.85

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ
доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории дореволюционной России исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
pashkov@psu.karelia.ru

Н. В. КОФЫРИН: СЕЛЬСКИЕ УЧИТЕЛЯ И МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ СРЕДИ КРЕСТЬЯНСТВА ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА*

На примере деятельности сельского учителя из с. Песчаное Пудожского уезда Олонецкой губернии Н. В. Кофырина показан вклад сельских учителей в модернизацию жизни крестьян Олонецкой губернии в начале XX века. По его инициативе в селе была открыта библиотека-читальня, возникло потребительское общество, построена пароходная пристань. По важнейшим вопросам, волновавшим крестьян с. Песчаное, Н. В. Кофырин печатал заметки в местной периодике Олонецкой губернии и взаимодействовал для их решения с земскими органами. Таких учителей, своей деятельностью менявших привычный патриархальный сельский уклад, было довольно много. В начале XX века под влиянием сельского учительства деревня Олонецкой губернии переживала процессы модернизации в виде медленных, но заметных эволюционных изменений. Этот позитивный процесс притормозила Первая мировая война и окончательно перечеркнула революция 1917 года и Гражданская война.

Ключевые слова: Н. В. Кофырин, Олонецкая губерния, сельское учительство, крестьянство, земство, модернизация

Во второй половине XIX века в Олонецкой губернии начался быстрый рост числа начальных сельских школ. В 1868–1896 годах их количество выросло с 214 до 463[1], а к 1913 году достигло 793[2]. В связи с этим на селе появилась новая многочисленная группа интеллигенции – сельские учителя. На 1 января 1913 года в сельских школах Олонецкой губернии было 1014 учителей (без священников, преподававших Закон Божий), в том числе 612 учительниц[3]. Сельские учителя занимались не только своей основной работой – обучением детей в начальных школах, но и активно проявляли себя как создатели новой социокультурной среды, исследуя свой край, публикуя в местной печати статьи и заметки о жизни деревни, создавая библиотеки, развивая инфраструктуру и т. д. Деятельность школьного учителя из с. Песчаное Пудожского уезда Олонецкой губернии Николая Васильевича Кофырина – лучшее тому подтверждение.

Село Песчаное фактически представляло собой 5 деревень. По данным на 1905 год, там имелось 153 дома, в которых проживало 1093 крестьянина (545 мужчин и 548 женщин, всего 170 семей), имевших 238 лошадей, 314 коров и 334 головы прочего скота. Некрестьянское население было незначительным (3 дома, 5 семей, 11 мужчин и 8 женщин)[4]. В 1872 году в Песчаном было открыто земское одноклассное училище (позднее оно было преобразовано в двухклассное)[5]. В 1884 году сюда прибыл новый учитель – выпускник Вытегорской учительской семинарии Н. В. Кофырин (1867–1933)[6] [4], который отработал в училище почти 50 лет. По данным на конец 1893 года, он был женат и имел двоих детей[7]. По данным на конец 1906 года, с ним проживали мать, жена и трое детей[8]. Н. В. Кофырин не тяготился ни необходимостью жить в деревне, ни своим статусом сельского земского учителя. Был на хорошем счету у начальства – в 1900 году ему было даровано звание личного почетного гражданина, дававшее ему личное дворянство. Со временем Н. В. Кофырин завел большое хозяйство, корову, огород и пасеку[9] [4].

На 1 января 1907 года в Песчанском училище в трех отделениях училось 60 детей. Их обучали местный священник И. В. Беляев, учитель Н. Ф. Кофырин и помощница учителя П. Н. Шумилович. За свою работу Н. Ф. Кофырин в 1906 году получал 480 руб. в год, а П. Н. Шумилович – 300 руб. Учителям предоставлялись бесплатные квартиры при школе[10]. Помимо работы в школе, Н. Ф. Кофырин в 1890–1918 годах заведовал приемкой и отправкой корреспонденции, т. е. был местным почтальоном, а в 1892–1917 годах состоял внештатным корреспондентом Министерства земледелия [4].

К концу XIX века Н. Ф. Кофырин уже настолько хорошо адаптировался в Песчаном и изучил жизнь и быт местных крестьян, что стал публиковать в выходившей в Петрозаводске газете «Олонецкие губернские ведомости» (далее – ОГВ) краеведческие статьи, посвященные фольклору и этнографии этого села. Публикация «Свадебные обряды и обычаи в селе Песчаном (Пудожского уезда)» печаталась в 10 номерах газеты с ноября 1899 по январь 1900 года[11]. Он подробно описывает свадебный обряд и приводит тексты сопровождавших его песен.

Осенью 1900 года в ОГВ появилась его новая краеведческая публикация «Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского уезда»[12]. В самом

© Пашков А. М., 2013

начале статьи Н. В. Кофырин дает яркую картину невежества местных крестьян: «Я ведь темный человек, говорит наш крестьянин, когда речь идет о предмете, превышающем его понимание. И действительно, наш крестьянин “темный”, т. е. неграмотный, малосведующий и невежественный, вследствие чего у него сильно господствуют заблуждения, поверья и нехорошие обычаи. У него сильна вера в гаданья, приметы, сны, встречи и особенно в колдовство и наговоры». Данное описание позволяет понять, в каком окружении приходилось работать сельским учителям. Можно предположить, что за годы работы в деревне Н. В. Кофырин сумел завоевать доверие крестьян и собрал множество разных заговоров. Цель своей статьи он сформулировал так: «опишу лечение некоторых болезней наговорами у людей и у скота, “присушные наговоры”, которые, по уверению ворожей, вызывают любовь между супругами, между молодыми людьми и др., “остудные наговоры”, вызывающие ненависть между супругами, влюбленными, друзьями; опишу святочные гаданья и перечислю несколько примет на различные случаи». Один из разделов статьи посвящен любовной магии – «присушным словам». В нем приведено 25 способов девичьих рождественских гаданий на жениха.

Судя по этой публикации, Н. В. Кофырин был уникальным этнографом и фольклористом. Он, будучи образованным человеком, долгое время жил в той крестьянской среде, где бытовало множество примет, гаданий, различных магических практик, и был своим в этой среде. От него ничего не скрывали, и это дало ему возможность составить большое собрание описаний крестьянских примет, гаданий и пр. В силу этого современные этнографы и фольклористы широко используют данные указанной публикации Н. В. Кофырина. Так, известный современный фольклорист А. Л. Топорков писал: «Среди публикаций в ОГВ следует особо выделить обширную работу Н. Кофырина “Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского уезда”» (1900), включающую более 50 заговоров [8]. Эта же публикация Н. В. Кофырина отмечена в аннотированном библиографическом указателе «Восточнославянские заговоры», составленном Т. А. Агапкиной и А. Л. Топорковым [2].

В январе 1904 года Н. В. Кофырин поместил в ОГВ несколько легенд-апокрифов, также записанных им в Песчаном в соавторстве с неким И. Сп.[13] Эти легенды наглядно показывают, что у крестьян Песчаного были сильные традиции народного православия и в их представлениях повседневная крестьянская жизнь была тесно переплетена с жизнью потусторонней (своими опрометчивыми поступками крестьяне помогали расковать сатану в аду, святые помогали крестьянам в полевых работах и ходили к ним в гости и пр.). В этой среде учитель, объяснявший многие явления окружающей жизни с позиций рациональности, в определенной мере противостоял крестьянскому миропониманию и боролся с ним.

Большое социальное значение имела еще одна публикация Н. В. Кофырина «Увоз мальчиков и девочек из села Песчаного, Пудожского уезда, в Петербург»[14]. В этой заметке Н. В. Кофырин поднял вопрос о массовой отправке детей и подростков от 10 до 14 лет из крестьянских семей Пудожского, Петрозаводского и Повенецкого уездов Олонецкой губернии на обучение в Петербург. Поддавшись на уговоры вербовщиков, родители отправляли детей в Петербург без всяких договоров или письменных обязательств. По прибытии «живой товар» продавался в первые попавшиеся мастерские и лавки. Н. В. Кофырин замечает: «Из всех детей счастливцев найдется не больше 10–20 человек, а остальные определяются в плохие мастерские». Отдавали детей «в учение» на 4–5 лет. Н. Ф. Кофырин оценивает результаты такого «учения» крайне негативно: «Удачников очень немного. Большинство выходит недоучками, кроме того, предаются пьянству, разгулу, карточной игре и многому другому. Домой не посылают писем по целым годам. Привод этапным порядком не редкость. Приезжает столяр домой – не умеет сделать сундука, стула, портной – сшить простой шубы, брюк, сапожник – простого сапога и т. д.». Большую часть времени ученики помогают на кухне или служат «на посылках». В мастерских детей часто избивали за различные проступки и упущения, кулачная расправа «по словам мальчиков, сильно развита в мастерских; бьют чем попало: кулаком, палкой…». Другим серьезным последствием вывоза детей в Петербург, по мнению Н. В. Кофырина, является их социальная деградация: «От крестьянства отвык, да и жизнь деревенская ему не нравится: жизни мало, живут не по-питерски. Опять едет в Петербург, и там опять ничего. Участь девушек еще хуже: большинство предается разврату, фабричные – пьянству. Домой приезжают барышнями, одетыми по моде: браслет, брошка, часы почти у каждой. Иначе как по имени и отчеству не называйте их, а то обидятся. На работу послать не подумайте – не умеют… Девушек, живших в Петербурге, деревенские парни брать замуж избегают… Питерский разгул заражает и деревню: молодежь пьет водку и играет в карты. Несмотря на это, отправка детей с каждым годом все увеличивается…».

В этой заметке Н. В. Кофырин выступил с осуждением имевшего в то время широкое распространение вывоза (фактической торговли) крестьянских детей «в учение» в Петербург. Это явление он осуждал с гуманных и педагогических позиций. Его заметку можно считать и упреком властям в бездействии. Н. В. Кофырин проявил себя как один из лучших представите-

лей русской демократической интеллигенции начала XX века. Показательно, что эта заметка перекликается с опубликованным в 1886 году рассказом А. П. Чехова «Ванька».

Активная краеведческая и публикационная деятельность Н. В. Кофырина и ценность сообщаемых им сведений сделали его краеведом, труды которого знали не только в Олонецкой губернии, но и в С.-Петербурге. Его имя зафиксировано даже в известном «Критико-биографическом словаре русских писателей и ученых», издававшемся профессором С.-Петербургского университета С. А. Венгеровым: «Кофырин Н., этнограф, сот<рудник> “Олонецких губ<ернских> ведом<остей>”, 1900-е гг.»[15].

Попытки модернизировать с. Песчаное – другое направление социальной активности Н. В. Кофырина. В январе 1900 года умер известный русский книгоиздатель Ф. Ф. Павленков, завещавший 100 тыс. руб. на устройство 2000 бесплатных библиотек-читален в селах России, которые в 1901–1911 годах были открыты в 53 губерниях России[16], и одна из них (им. Ф. Ф. Павленкова) по инициативе Н. В. Кофырина открылась в Песчаном в ноябре 1903 года. Помимо средств Ф. Ф. Павленкова, на открытие библиотеки были выделены средства Пудожского уездного земства (софинансирование со стороны уездных земств было одним из условий душеприказчиков Ф. Ф. Павленкова). Первоначально библиотека-читальня помещалась в крестьянском доме и получала журналы «Природа и люди», «Русский паломник», «Русское чтение», «Юный читатель», «Всходы» и «Крестьянское хозяйство»[17]. В конце 1906 года она находилась уже при школе «в особо построенной для этой цели комнате»[18].

Летом 1909 года по инициативе Н. В. Кофырина в Песчаном была открыта потребительская лавка. Обстоятельства ее возникновения описаны в журнале «Вестник Олонецкого губернского земства» (далее – ВОГЗ): «Возникла она на почве общей тяжелой зависимости крестьян от местного торговца, пользовавшегося своим положением и сбывавшего зачастую самые низкосортные товары по высокой цене. Мысль о создании потребительской лавки возникла уже давно… Обычная недоверчивость крестьян к новым начинаниям… тормозила дело. Однако, в конце концов, лавка все-таки открылась, благодаря, между прочим, упорному труду и настойчивости учителя местного земского училища Н. В. Кофырина…» Средства лавки слагались из вступительного взноса в размере 50 коп. и ежегодных паевых взносов по 5 руб. Уже к сентябрю в потребительское общество вступили 43 чел. (7 представителей местной интеллигенции и 36 крестьян) и было закуплено товаров на 500 руб. Из-за возникшей конкуренции и местный торговец вынужден был понизить цены в своей лавке, и крестьяне окончательно убедились в пользе от «своей магазеи»[19].

О роли Н. В. Кофырина в создании потребительского общества в Песчаном говорит тот факт, что он был избран председателем. Под его руководством общество успешно действовало. По отчету за 1911 год оно получило прибыли на сумму свыше 754 руб. и на 1 января 1912 года располагало средствами на сумму 4025 руб. На 1 января 1912 года в обществе состояло 90 чел.[20] Вскоре по инициативе того же Н. В. Кофырина в Песчаном было создано кредитное товарищество[21].

21 ноября 1909 года в Песчаном состоялось празднование 25-летия педагогической деятельности Н. В. Кофырина. В юбилейной заметке по этому поводу было сказано: «Заброшенный сюда своей судьбою, он целых 25 лет безотлучно трудился на ниве народного просвещения, употребив все свои силы на пользу просвещения песчанцев. Тернист был пройденный им путь, он надорвал его силы и здоровье, но утешением остается сознание исполненного долга и глубокая благодарность учеников и их родителей». На юбилей собрались учителя из соседних школ, родственники, односельчане и ученики. По случаю юбилея местный священник Иоанн Беляев отслужил в приходском храме литургию, а в школе – благодарственный молебен «с провозглашением многолетия Государю Императору, Св. Синоду, земству, юбиляру, учащим и учащимся». По окончании молебна И. Беляев выступил с речью, в которой, «отметив все его заслуги за 25 лет службы, душевно поблагодарил <юбиляра> за истинно-товарищеские отношения». Земское собрание выдало в награду юбиляру 100 руб.[22]

К 1909 году Н. В. Кофырин был учителем, лояльным к властям и православной церкви, пользовался большим уважением и любовью местных жителей и был известен за пределами своего села. Ученик Песчанской школы А. Т. Масляков вспоминает о Н. В. Кофырине как о человеке спокойном, доброжелательном, хорошем рассказчике, называя его «божественным человеком» [4].

Укрепив свой авторитет среди крестьян с. Песчаное, Н. В. Кофырин решил реализовать еще одну свою идею – построить в селе пароходную пристань. По его инициативе местные крестьяне несколько раз обращались в Пудожское уездное земство с просьбой выделить средства на постройку пристани. Но всякий раз получали отказ. Чтобы добиться успеха, Н. В. Кофырин решил повлиять на общественное мнение, используя местную периодику. В октябре 1912 года в журнале ВОГЗ была помещена заметка о постройке пристани в Песчаном за подписью «Песчанец» (вероятно, под этим псевдонимом скрывался сам Н. В. Кофырин). Автор подробно обосновывал необходимость постройки пристани: «…постройка пристани в Песчаном вполне возможна… и необходима; начиная с Шальского устья вплоть до Повенца, на восточном берегу Онежского озера нет пристани, между тем

столько стоит сел на этом берегу и вблизи его, а центр между ними село Песчаное… Ближайшая к Песчаному пристань на восточном берегу – Шальское устье – 50 верст, а на западном берегу Кижская – 35–40 верст. Чтобы попасть человеку из Песчаного на эти пристани или с этих пристаней в Песчаное, нужно заплатить за лодку от 3 до 6 руб., а иногда и дороже. В [других] селах есть частные торговцы и общества потребителей, доставка товаров которым, за отсутствием пристани, обходится дорого, благодаря чему населению приходится переплачивать за предметы первой необходимости и переплачивать много сравнительно с другими местностями. А сколько терпят убытков торговцы рыбою и дичью. Иногда им приходится сидеть на берегу по неделям и ждать у моря погоды. Товар портится и его приходится бросить. Пароходы "Онежского пароходства" и других, вероятно, будут заходить в Песчаное, потому что заход им на пути из Великой губы в Кузаранду будет небольшой – верст 12–15, заход этот они вполне оправдают: кла́ди будет сколько угодно, а равно и пассажиров»[23].

Потеряв надежду на помощь Пудожского уездного земства, Н. В. Кофырин решил строить пристань силами и средствами самих песчанских крестьян. Уже знакомый нам «Песчанец» так описал эти действия: «Село Песчаное стоит на восточном берегу Онежского озера. Пароходной пристани на нем не было и вблизи их нет; до ближайшей пристани 30 верст и находится она на другом берегу озера, благодаря чему продукты первой необходимости приходится жителям получать по очень дорогой цене, а равно и приезд и отъезд в наш край и из нашего края стоит очень дорого. Население прекрасно понимало, что будь у них своя пароходная пристань, то такой дороговизны на товары и прочее не было бы, но помочь своему горю первое время они никак не могли: не было у них никаких средств. Пытались крестьяне по совету своего учителя Н. В. Кофырина много раз просить земское собрание отпустить им средства на постройку пристани, но всякий раз по разным причинам собрание им отказывало. Наконец, по инициативе того же учителя Н. В. Кофырина было открыто в Песчаном общество потребителей, а потом и кредитное товарищество. Благодаря этим кооперативам у крестьян образовались свои средства. В прошлом 1915 году на общих собраниях общества потребителей и кредитного товарищества… председатель правления учитель Н. В. Кофырин предложил начать постройку пристани на средства кооперативов и просил отпустить на это дело несколько сот рублей и часть работы произвести натурой – привезти бесплатно бревна»[24]. Как видно из приведенного отрывка, именно Н. В. Кофырин играл главную роль в постройке пристани.

В соответствии с достигнутыми договоренностями общество потребителей и кредитное товарищество выделили на постройку пристани 400 руб., кроме того каждый член товарищества должен был привезти бесплатно по 2 бревна или заплатить 50 коп. В итоге удалось собрать 500 бревен, и в середине марта 1915 года приступили к работам. В конце апреля работа остановилась из-за израсходования средств. Общество потребителей и кредитное товарищество вновь выделили 250 руб., а каждый член товарищества должен был или привезти бесплатно по 1 бревну, или заплатить 50 коп., или отработать бесплатно 1 день на постройке пристани. Осенью 1915 года Пудожское уездное земство наконец откликнулось на просьбу крестьян и выделило на достройку пристани в Песчаном 200 руб.[25] Кроме того, Н. В. Кофырин договорился, чтобы 50 руб. выделило Купецкое общество потребителей, местный торговец И. К. Елин дал 150 руб., а крестьянин Кижского прихода М. Е. Медведев – 25 руб.

В апреле 1916 года работы по строительству пристани возобновились. «Песчанец» так писал о завершающем этапе работ: «Крестьяне привезли бесплатно 420 бревен и опять закипела общественная работа, и на этот раз работа шла еще быстрее и веселее: рядом с платным работником работал и бесплатный. 15 апреля вышло на работу бесплатно 100 человек мужчин, женщин и подростков, нужно было ускорить засыпку пристани камнем по льду, и в этот день они, как говорится, гору своротили: засыпали почти всю достроенную часть пристани камнем, надрублено 6 рядов, а длина-то пристани 52 сажени… Работа кипела, как в муравейнике. 5 мая закончили постройку давно жданной пристани и кладовых при ней. Таким образом, песчанцы и их соседи, можно сказать, на гроши построили пристань, сто́ящую в настоящее время несколько тысяч. Поистине, в единении сила. Теперь песчанцы ждут и не дождутся, когда к ним придет пароход и привезет хлеба»[26]. Можно сказать, что Н. В. Кофырин пользовался большим авторитетом в своей деревне. Крестьяне его уважали, доверяли ему и с готовностью откликались на его призывы жертвовать деньги на общее дело. В этом случае Н. В. Кофырин умело использовал общинные традиции коллективного труда, характерные для северной деревни.

О жизни и деятельности Н. В. Кофырина после 1917 года известно немного. В 1918–1919 годах он заведовал Песчанским волостным управлением народного образования. В 1924 году исполнилось 40 лет его работы в школе. В этой связи на Пудожской уездной учительской конференции его чествовали как героя педагогического труда [4].

Посвятив всю жизнь работе в Песчанской школе, Н. В. Кофырин и умер здесь же 11 января 1933 года на уроке в 4-м классе. Когда ему стало плохо, его отвели в учительскую, где он и произнес последние в своей жизни слова: «Подайте звонок на урок» [4]. Так закончилась жизнь на-

стоящего сельского интеллигента Николая Васильевича Кофырина.

В конце необходимо отметить, что в исследованиях советского периода сельские учителя были показаны как люди, задавленные нуждой, жившие в бедности, имевшие небольшую заработную плату и низкий социальный статус. Так, в одной из работ советского периода написано: «Общественное положение учителей начальных школ… характеризовалось приниженностью, бесправием и зависимостью от любых представителей бюрократического аппарата, вплоть до волостного старшины, от священников и торговцев, местных кулаков» [1; 25]. Применительно к Н. В. Кофырину, который был неформальным лидером крестьян села Песчаное, такая характеристика представляется неверной. Для решения поставленных задач он был в состоянии привлечь ресурсы Пудожского уездного земства, финансовую помощь местных торговцев и богатых крестьян, не говоря уже о средствах и безвозмездном труде местных крестьян. Благодаря Н. В. Кофырину качество жизни в Песчаном значительно улучшилось на протяжении каких-нибудь 15 лет. Следует добавить, что таких учителей, своей деятельностью менявших привычный патриархальный сельский уклад, было довольно много. Достаточно вспомнить И. Ф. Григорьева из Падан, П. А. Коренного из Космозера, братьев А. Д. и М. Д. Георгиевских из Муравли и Святозера и др. В начале XX века под влиянием сельского учительства деревня Олонецкой губернии переживала процессы модернизации в виде медленных, но заметных эволюционных изменений. Этот позитивный процесс притормозила Первая мировая война и окончательно перечеркнула революция 1917 года и Гражданская война.

В наши дни фигура Н. В. Кофырина привлекает внимание. О нем писали пудожский краевед А. Г. Костин [4], [5], [6], петрозаводская журналистка и блогер Ю. Г. Свинцова [7], писатель В. П. Судаков. Забытая фигура Н. В. Кофырина чрезвычайно интересна и для историков, поскольку в ней отразились многие процессы жизни России накануне 1917 года и в первые годы советской власти.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Чуков Н. К. Краткий очерк народного образования в Олонецкой губернии в XIX столетии. Петрозаводск, 1902. С. 5–6.

2 Школьная статистика: Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии в 1912 году. Вып. 1. Петрозаводск, 1913. С. 5.

3 Там же. Вып. 1. С. 40.

4 Благовещенский И. И. Список населенных мест Олонецкой губернии по сведениям за 1905 год. Петрозаводск, 1907. С. 242–243.

5 В 1896 году в Песчаном была открыта еще и женская церковно-приходская школа. См.: Село Песчаное [Корреспонденция об открытии бесплатной библиотеки] // ОГВ. 1903. № 132 (подпись: И. Сп.).

6 Матросов В. Село Песчаное, Пудожского уезда (Скромный юбилей учителя) // ВОГЗ. 1909. № 24 (от 30 декабря). С. 22–23.

7 Список личного состава служащих в 3-м районе Олонецкой губернии за 1893 год // НА РК. Ф. 17. Оп. 2. Д. 29/308. Л. 140 об.

8 Сведения о школах Пудожского уезда // НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 50/682. Л. 5.

9 Там же. Л. 5–6.

10 Там же. Л. 5.

11 Кофырин Н. В. Свадебные обряды и обычаи в селе Песчаном (Пудожского уезда) // ОГВ. 1899. № 84–86, 91 (от 3, 6, 10 и 27 ноября), 93–94, 96 (от 4, 8 и 15 декабря); 1900. № 3–5 (от 6, 8 и 11 января).

12 Кофырин Н. В. Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского уезда // ОГВ. 1900. № 100, 107, 109, 112, 114 (от 12, 16, 23 и 28 сентября), 116–117, 126–128 (от 5, 26, 28 и 31 октября), 134–138 (от 14, 16, 18, 21 и 23 ноября) (отд. изд.: Петрозаводск, 1900. 76 с.).

13 Из области народного творчества (записано в с. Песчаном, Пудожского у.). Легенды. I. О царе Соломоне. II. О пророке Илье и Св. чудотворце Николае // ОГВ. 1904. № 2 (от 6 января) (подпись: Зап. И. Сп. и Н. Коф<ырин>).

14 Кофырин Н. В. Увоз мальчиков и девочек из села Песчаного, Пудожского уезда, в Петербург // ОГВ. 1902 № 47 (от 25 апреля).

15 Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала образованности до наших дней). 2-е, перераб. ил. изд. Т. 1 (Вып. 1–3). Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Вып. 1. (Аарон – Куликов). Птг., 1915. С. 409.

16 Хотя в Олонецкой губернии на средства Ф. Ф. Павленкова было основано более 10 библиотек, эта страница в истории библиотечного дела Карелии остается практически неизвестна и о «павленковских библиотеках» Олонецкой губернии не упоминается даже в новейших работах по истории библиотек Карелии (см., напр.: [3; 117–124]).

17 Село Песчаное, Пудожского уезда [Корреспонденция об открытии бесплатной библиотеки] // ОГВ. 1903. № 132 (подпись: И. Сп.).

18 Сведения о школах Пудожского уезда. Л. 6.

19 Село Песчаное, Авдеевской волости, Пудожского уезда [Создание потребительского общества] // ВОГЗ. 1909. № 17 (от 15 сентября). С. 13–14 (подпись: В. К-ч).

20 Кофырин Н. Песчанское общество потребителей Пудожского уезда [Отчет о деятельности за 1911 год] // ВОГЗ. 1912. № 15 (от 15 августа). С. 20–21.

21 Село Песчаное, Пудожского уезда // ВОГЗ. 1916. № 11 (от 15 июня). С. 17.

[22] Матросов В. Село Песчаное, Пудожского уезда (Скромный юбилей учителя) // ВОГЗ. 1909. № 24 (от 30 декабря). С. 22–23.
[23] Село Песчаное, Пудожского уезда (к постройке пристани) // ВОГЗ. 1912. № 19 (от 15 октября). С. 18–19 (подпись: Песчанец).
[24] Село Песчаное, Пудожского уезда // ВОГЗ. 1916. № 11 (от 15 июня). С. 17.
[25] Пудожское очередное уездное земское собрание сессии 1915 года // ВОГЗ. 1916. № 8 (от 30 апреля). С. 16–18.
[26] Село Песчаное, Пудожского уезда // ВОГЗ. 1916. № 11 (от 15 июня). С. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. И. Великий октябрь и становление советской культуры в Карелии: 1918–1927. Петрозаводск, 1983. 240 с.
2. Восточнославянские заговоры: аннотированный библиографический указатель / Сост. Т. А. Агапкина, А. Л. Топорков. 2-я версия, испр. М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: verbalcharms.ru›biblio/agapkina_ukazatel_2012.doc
3. Илюха О. П. Общественные библиотеки Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX века // Музей и краеведение на Европейском Севере. Петрозаводск, 2001. С. 117–124.
4. Костин А. Г. Учитель из Песчаного // Пудожский вестник. 1991 (от 19 сентября).
5. Костин А. Г. Библиотека прошлых лет // Пудожский вестник. 2010 (от 27 мая).
6. Костин А. Г. Становление и развитие пудожского краеведения (XIX–XX вв.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pudoga.livejournal.com/114382.html
7. Свинцова Ю. Г. Только живи! // Интернет-журнал «Лицей» от 07.12.2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: gazeta-licey.ru/blogs/juliasvintsova/…/4725-tolko-zhivi
8. Топорков А. Л. История и современное состояние заговоров Прионежья (Обзор источников) // Рябининские чтения – 2007 / Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2007. С. 394–397 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/478.html

---

Pashkov A. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

NICHOLAS KOFYRIN: COUNTRYSIDE TEACHERS AND MODERNIZATION PROCESSES AMONG PEASANTRY OF OLONETS GUBERNIYA (PROVINCE) IN EARLY XX CENTURY

The article describes social activities of the countryside teacher Nicholas Kofyrin (1867–1933) from Peschanoe village located at Pudozh yezd (district) of Olonets guberniya (province). An example of his service is used to portray the countryside teachers' contribution into the everyday life of Olonets province peasants in the early XX century. Having graduated from Teacher training seminary (college) in Vytegra in 1884 N. Kofyrin worked as a schoolteacher at Peschanoe for about 50 years. At his personal initiative a local library for peasants was opened, a consumers' co-operative society was established, and a steamboat pier was built. N. Kofyrin published articles in periodicals of Olonets province raising and discussing important problems, which worried local peasants of Peschanoe village, and tried to solve them by cooperating with local 'zemstvo' authorities. Olonets province had many other teachers who by their active involvement altered the peasants' habitual and patriarchal way of life. In the early XX century under the influence of local countryside teachers, the village of Olonets province became a subject of modernization processes, which were slow, but resulted in apparent evolutionary changes. These positive processes of evolutionary modernization were slowed down by the First World War and came to a complete halt because of the Russian revolution of 1917 and subsequent Civil war.

Key words: Nicholas Kofyrin, Olonets province (guberniya), countryside teachers, peasantry, zemstvo (local government authorities), modernization

REFERENCES

1. Afanas'jeva A. I. *Velikii oktyabr' i stanovleniye sovetskoy kul'tury v Karelii: 1918–1927* [The Great October and formation of Soviet culture of Karelia: 1918–1927]. Petrozavodsk, 1983. 240 p.
2. *Vostochnoslavyanskie zagovory: annotirovannyy bibliograficheskiy ukazatel'* [Eastern Slavonic incantations: annotated bibliography]. Moscow, 2012. Available at: verbalcharms.ru›biblio/agapkina_ukazatel_2012.doc
3. Ilyukha O. P. Public libraries of Olonets guberniya in the late 19th – early 20th century [Obshchestvennye biblioteki Olonetskoy gubernii v kontse XIX – nachale XX veka]. *Muzey i kraevedeniye na Evropeyskom Severe* [Museum and local lore at the European North]. Petrozavodsk, 2001. P. 117–124.
4. Kostin A. G. Teacher from Peschanoje [Uchitel' iz Peschanogo]. *Pudozhskiy vestnik* [Pudozh herald]. 1991. September, 19.
5. Kostin A. G. The Library of old times [Biblioteka proshlykh let]. *Pudozhskiy vestnik* [Pudozh herald]. 2010. May, 27.
6. Kostin A. G. *Stanovleniye i razvitiye Pudozhskogo kraevedeniya (XIX–XX vv.)* [Formation and development of Local lore at Pudozh region (19th – 20th centuries)]. Available at: http://pudoga.livejournal.com/114382.html
7. Svintsova Yu. G. Let's live only! [Tol'ko zhivi!]. *Internet-zhurnal "Litsey"* ot 07.12.2012 [Internet-magazine "Liceum". 07.12.2012]. Available at: gazeta-licey.ru/blogs/juliasvintsova/…/4725-tolko-zhivi
8. Toporkov A. L. The History and current state of Prionezhje region incantations (Review of sources) [Istoriya i sovremennoye sostoyaniye zagovorov Prionezhya (Obzor istochnikov)]. *Ryabininskiye chteniya – 2007* / Otv. red. T. G. Ivanova [Ryabinin's conference – 2007 / Ed. by T. G. Ivanova]. Petrozavodsk, 2007. P. 394–397. Available at: http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/478.html

Поступила в редакцию 02.07.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **История** **2013**

УДК 377.3(470+571)

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
Shumilov@petrsu.ru

ГЕОРГИЙ СИМОНОВИЧ ШАБАЛИН
аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
shabalings@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАКОПИТЕЛЬНОГО ОПЫТА ПОДГОТОВКИ МОЛОДОЙ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ РАБОЧЕЙ СМЕНЫ

Рассматривается проблема пополнения рынка труда профессионально подготовленными рабочими кадрами, обращено внимание на необходимость совершенствования современной подготовки молодой рабочей смены в системе профтехобразования и использования опыта, накопленного базовыми предприятиями в 1980-е годы.

Ключевые слова: базовое предприятие, профессиональное обучение, шефство трудовых коллективов над училищами профтехобразования

Несмотря на огромные потери в экономике и в квалифицированной рабочей силе за годы Великой Отечественной войны, в послевоенный период в России произошло, по мнению зарубежной историографии, экономическое чудо. СССР не только быстро восстановил свое народное хозяйство, но и добился значительного роста масштабов производства в военных и гражданских отраслях, стал второй в мире державой после США. Эти успехи в значительной мере обеспечивались отечественными трудовыми ресурсами и увеличением производительности труда рабочих.

После войны в СССР была создана и отлажена государственная система подготовки и воспитания квалифицированной рабочей силы. Она осуществлялась в общеобразовательных школах и специальных профессионально-технических учебных заведениях, а также непосредственно на производстве в виде курсов повышения квалификации и переподготовки. На предприятиях большое внимание уделялось распространению и внедрению передовых приемов труда, общеобразовательный уровень рабочих и служащих был достаточно высоким. Сложившаяся тогда система начального профессионального образования работала стабильно и направляла ежегодно на промышленные предприятия и в соответствующие организации в плановом порядке около 42 тысяч своих выпускников [10; 148]. Была налажена тесная связь так называемых базовых предприятий с закреплением их за ПТУ. Трудовые коллективы предприятий оказывали всевозможную шефскую помощь учреждениям профтехобразования.

Но нельзя забывать и то, что с начала 1980-х годов в плановой экономике страны усилились сбои и неурядицы, стала падать ее эффективность. Затем наступила гибельная перестройка как следствие гипертрофированного развития военно-промышленного комплекса (ВПК) и распада СССР. В новых условиях рыночных отношений существовавшая система подготовки молодой профессиональной рабочей смены распалась, и система шефства утратила свое значение.

В ходе последовавших затем политических и экономических реформ в России ожил сырьевой рынок, начало развиваться частное предпринимательство, увеличились инвестиции в основной капитал машиностроения, обрабатывающей промышленности, энергетики, информатизации. Либерализация внешней политики способствовала расширению торговли с зарубежными странами и притоку иностранных инвестиций в российскую экономику. В связи с появлением новых производств и в целях преодоления кризиса в экономике стала возрастать потребность в пополнении частных предприятий рабочей силой.

В конце 1990-х годов государство вынуждено было провести реформу начального профтехобразования, преобразовав профессиональные училища в два основных типа – профессиональное училище и профессиональный лицей, ориентированные на удовлетворение потребностей рынка труда. С 2000-х годов начались совершенствование нормативных документов и повышение эффективности работы вновь созданных образовательных учреждений в соответствии с запросами рынка труда и доступности граждан для получения начального профессионального образования. Тогда же встали вопросы выбора образовательных программ, совершенствования качества содержания начального профессионального образования (НПО); в учреждениях НПО обучалось 1,6 млн чел., в том числе около 640 тыс. чел. в дневных учреждениях НПО [1; 684].

© Шумилов М. И., Шабалин Г. С., 2013

Но созданная сеть учреждений НПО не покрывала потребности рынка труда и запросы бизнеса. Особенно остро ощущалась нехватка квалифицированных рабочих на предприятиях промышленности, в строительстве и на транспорте. В ходе становления новой системы подготовки молодой рабочей смены выявилась также необходимость использования сложившихся ранее форм и методов обучения и воспитания учащихся ПТУ.

В 1980-е годы в стране был накоплен богатый опыт наставничества, осуществляющийся администрацией и общественными организациями базовых предприятий в рамках заключения договоров со школами и профессионально-техническими училищами. Этот опыт изучался и получил освещение в ряде исследований. В своих научных публикациях исследователи Ю. Р. Вишневский, Л. Г. Пихоя, А. Я. Журкина, И. И. Зарецкая, Л. И. Шилова, М. М. Каримов обращали внимание общественности на широкое использование опыта совместного наставничества рабочих коллективов базовых предприятий с молодежью, обучающейся в ПТУ.

Ю. Р. Вишневский и Л. Г. Пихоя писали, что на ряде предприятий Свердловской области распространилась такая форма наставничества, как бригада-класс, в виде соревнования производственной бригады и группы ПТУ. На базовых предприятиях (Уралмаш, Уралхиммаш, Первоуральский новотрубный завод) проводились турниры профессионального мастерства учащихся, а несколько выпусков школы-интерната Нижнего Тагила были приняты на работу в трест «Тагилстрой» в виде единых бригад [5; 15].

А. Я. Журкина, И. И. Зарецкая отметили, что предприятия Москвы, Ленинграда, Перми, Челябинска проводили совместно с учащимися профтехучилищ производственные собрания. Широкое распространение получило тогда шефство молодежных бригад рабочих над ученическими коллективами, практиковалось также индивидуальное и групповое обучение школьников на предприятиях под руководством молодых новаторов. Но те же авторы предостерегали, что плохая организация такой практики на производстве (использование школьников на подсобных работах без учета осваиваемой ими профессии, включение их в состав коллективов, не способных сформировать соответствующего отношения к труду, необеспечение средствами труда и проведение практики на морально устаревшем оборудовании) не может воспитать положительное отношение учащихся к рабочей профессии [12; 24–27].

М. М. Каримов рассказал о практике совместной профориентационной работы школ и промышленных предприятий Башкирии и Татарии в виде трудовых объединений школьников по изготовлению отдельных изделий в школьных мастерских [7; 11]. Л. И. Шилова отметила важность создания необходимых условий для достижения эффективности взаимодействия школы и производства: понимание руководителями школ и предприятий значимости взаимодействия в подготовке учащихся к труду и создание атмосферы заинтересованности в этом взаимодействии, комплексное перспективное и текущее планирование проводимых мероприятий, постоянный анализ результатов взаимодействия, создание реальных возможностей для высокопроизводительного труда учащихся путем непосредственного общения с наставниками в совместном труде, включение школьников в активную поисковую деятельность по изучению истории и традиций базового предприятия, учет региональных особенностей и специфики социального окружения и др. [16; 24–28]. В работе Л. И. Шиловой был затронут и такой аспект, как воспитание в подрастающем поколении морально-психологической готовности к труду, т. е. формирование потребности в труде на благо общества и проявление таких гражданских качеств, как ответственность, чувство долга, трудолюбие, дисциплинированность, стремление к творчеству, общественно-политической активности и т. п., а также овладение необходимыми профессиональными знаниями и навыками трудовой деятельности.

Словом, опыт наставничества был тогда настолько востребован и полезен, что формы его начали возрождаться в современных рыночных условиях. Неудивительно, что исследователь А. Н. Комов в автореферате своей диссертации «Управление интеграционными процессами на российском рынке образовательных услуг» (2007 год), рассматривая взаимодействие учебных заведений с работодателями, считает актуальным восстановление прежней практики шефства предприятий над школами [8; 15]. Он отмечает, что работодатели сами включаются в деятельность учебных заведений профобразования, создают альянсы «колледж – предприятие» [8; 14].

Современный переход к постиндустриальному обществу со всей остротой ставит вопрос о повышении квалификации и эффективности использования трудовых ресурсов. Речь идет о подготовке кадров рабочих, способных производить высококачественную продукцию, что заставляет предпринимателей не только интересоваться тем, где проходил подготовку тот или иной рабочий, но и устанавливать тесные связи с учебными заведениями. К примеру, за последние годы Мурманский траловый флот возродил былое шефство судов над группами учащихся Мурманского профессионального лицея № 6.

При обоюдной договоренности в 2002 году был разработан «План совместных действий профессионального лицея и базового предприятия – социального партнера “Траловый флот”», фактически возродивший традиции шефства. В плане предусматривалось совместное проведение традиционных лицейских морских про-

фессиональных праздников. Намечались также мероприятия, направленные на борьбу с наркоманией, алкоголизмом, воспитание нравственных устоев будущего моряка-рыбака, поощрение за хорошие знания и примерное поведение.

И этот пример не единичен, ибо речь идет о выработке новых трудовых отношений, о подготовке учащихся к работе в новых условиях. В современных СМИ широко обсуждается вопрос о необходимости возрождения в той или иной форме забытого шефства предприятий над учебными заведениями. Интернет сообщает о многих фактах возобновления шефства предприятий, заинтересованных в подготовке достойной рабочей смены. Например, мэр г. Великие Луки направил предложение 67 промышленным предприятиям разной формы собственности о намерениях сотрудничества со школами [3]. В московских профессиональных колледжах к обучению учащихся привлекаются ветераны строительства столицы [4]. В Новочебоксарске более 15 предприятий оказывают всевозможную помощь учреждениям сферы образования и культуры [14]. В Хабаровске, сохранившем опыт наставничества, предприятия начали оказывать спонсорскую помощь учебным заведениям, готовящим рабочих по ряду рабочих профессий [15]. В Мурманске депутат областной думы В. Шиганов, учитывая тяжелое финансовое состояние образовательных учреждений, рекомендовал бизнесу восстановить в полном объеме институт шефства над школами и лицеями [11].

Из Кузбасса сообщалось, что предприятие «Кемеровохиммаш», заинтересованное в выращивании рабочей смены, прикрепляет к успевающим учащимся лицея своих наставников, выплачивает лучшим учащимся стипендии и дарит подарки [13]. ППО «Лукойл-Усинсксервис» проводит для школьников профориентационные классные занятия, чтобы привлечь их для продолжения подготовки к рабочей профессии [6].

Эти факты свидетельствуют об актуальности возобновления практики шефства предприятий по ряду рабочих профессий и необходимости придания ему особого внимания. Не случайно в 2007 году работавший тогда заместителем главы правительства Д. А. Медведев, посещая в сентябре 2007 года Тульскую область, обратился к руководителям тульских предприятий с предложением «взять шефство над ПТУ», подчеркнув тем самым важность использования опыта шефства предприятий над учебными заведениями для быстрейшего преодоления экономического кризиса [2]. Проблема подготовки молодой рабочей смены настолько важна, что в конце августа 2010 года обсуждение этого вопроса было внесено на рассмотрение Государственного совета под председательством президента Д. А. Медведева. В ходе обсуждения выяснилось, что крупный бизнес взял под свое крыло лишь конкретные ПТУ, а для остальной экономики подготовка рабочих профессий остается под вопросом. Поэтому речь шла об увеличении софинансирования системы профтехобразования государством и представителями бизнеса, а также о том, что совместно с бизнесом должен формироваться и заказ на специалистов в тех регионах, где нет крупных предприятий, необходимо предлагать создавать пулы (объединения) из предпринимателей среднего уровня, заинтересованных в подготовке определенных специалистов, и использовать их средства на софинансирование образовательной сети. Члены Госсовета обращали внимание на сложившийся в стране перекос в сторону массовой подготовки специалистов с высшим образованием по гуманитарным специальностям, юриспруденции и др. и на неудовлетворительное положение в обеспечении гражданских отраслей квалифицированной рабочей силой, от производительного труда которой будут зависеть интенсификация производства, освоение новых инновационных технологий. В числе первоочередных задач была поставлена работа по повышению престижа рабочих профессий [9].

Понятно, что страна не может долго развиваться на экспортно-сырьевой основе. Для эффективного инновационного производства необходима массовая подготовка высококвалифицированных рабочих кадров из числа молодежи. В результате происходят стимулирование новых производств, овладение рабочими востребованными профессиями, возрастает озабоченность государства и бизнеса подготовкой необходимых кадров и использованием уже накопленного в прошлом опыта наставничества и участия конкретных предприятий в образовательном процессе.

Накануне Нового года (23 декабря 2011 года) глава правительства В. В. Путин по центральному телевидению в программе «Время» обратился с призывом к государственным службам и руководителям предприятий активизировать работу по подготовке высококвалифицированных рабочих через систему начального профессионально-технического образования, так как непосредственно само производство уже ощущает большую нехватку рабочих массовых профессий. Это говорит о том, что Россия вновь на подъеме, который, надеемся, будет успешным.

Достичь инновационного лидерства, о чем все время напоминают СМИ и правительство, невозможно без развития и совершенствования образовательных услуг. Это осознает не только правительство России, но и бизнесмены, руководители учебных заведений, что толкает предпринимателей и образовательные учреждения к поиску совместной деятельности по формированию наемных работников, способных обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие России, повышая благосостояние народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большая российская энциклопедия. Т. «Россия». М.: Большая российская энциклопедия, 2004. 1007 с.
2. Борисов Д., Гришина О. Д. Медведев предложил тульским предприятиям взять шефство над ПТУ // Комсомольская правда. Тула. 2007. 26 сент.
3. В Великих Луках предприятия возобновляют шефство над школами и детскими садами [Электронный ресурс]. Режим доступа: htth://informpskov.ru
4. Видеосюжет. В московских ПТУ возродится наставничество [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://stroi/ri/news
5. Вишневский Ю. Р., Пихоя Л. Г. Актуальные проблемы выбора рабочей профессии // Воспитание рабочей молодежи: опыт, проблемы, пути: Сб. Пермь, 1989.
6. Встречи усинских школьников с нефтяниками [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www/usinsk.info
7. Каримов М. М. Партийное руководство подготовкой молодых рабочих кадров промышленности между XXV и XXVII съездами КПСС: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1989. 23 с.
8. Комов А. Н. Управление интеграционными процессами на российском рынке образовательных услуг: Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2007. 25 с.
9. Кузьмин В. Профессионалы модернизации // Российская газета. 2010. 1 сент. С. 1–2.
10. Молодежь СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 255 с.
11. Следует возобновить практику шефства предприятий над школами… [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news
12. Содержание трудового воспитания школьников. М.: Педагогика, 1989. 144 с.
13. Стаценко Р. «Свои» кадры – путь к стабильности бизнеса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dekuz.ru
14. Предприятия Новочебоксарска (Чувашия) берут шефство над школами и больницами [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.regnum.ru/news
15. Хабаровску не хватает рабочих рук [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.deita.ru/news…59583
16. Шилова Л. И. Условия взаимодействия школы и базового предприятия в подготовке учащихся к труду // Совместная деятельность школы и базового предприятия по подготовке учащихся к труду: Межвуз. сб. Горький, 1989. С. 23–28.

Shumilov M. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Shabalin G. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

USE OF ACCUMULATED EXPERIENCE IN TRAINING YOUNG SKILLED WORKERS

The article deals with the problem of providing contemporary labor market with professionally skilled workers and focuses on the necessity of using vocational training experience accumulated by the basic enterprises of 1980s.

Key words: basic enterprises, professional training, working team's patronage over vocational school

REFERENCES

1. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya. T. «Rossiya»* [Great Russian Encyclopedia. Vol. "Russia"]. Moscow, 2004. 1007 p.
2. Borisov D., Grishina O. D. Medvedev offered entreprises of Tula to take technical schools under their patronage [D. Medvedev predlozhil tul'skim predpriyatiyam vzyat' shefstvo nad PTU]. *Komsomol'skaya pravda.* Tula. 2007. September, 26.
3. *V Velikikh Lukakh predpriyatiya vozobnovlyayut shefstvo nad shkolami i detskimi sadami* [In Velikiye Luki enterprises recommence supporting schools and kindergartens]. Available at: http://informpskov.ru
4. *Videosyuzhet. V moskovskikh PTU vozroditsya nastavnichestvo* [Video. In technical schools of Moscow tutorship will be revived]. Available at: http://stroi/ri/news
5. Vishnevskiy Yu. R., Pikhoya L. G. Actual problems of choosing a profession [Aktual'nye problemy vybora rabochey professii]. *Vospitaniye rabochey molodezhi: opyt, problemy, puti* [Working youth: experience, problems, ways]. Perm', 1989.
6. *Vstrechi ysinskikh shkol'nikov s neftyanikami* [Meetings of students of Usinsk and oil industry workers]. Available at: http://www/usinsk.info
7. Karimov M. M. *Partiynoe rukovodstvo podgotovkoy molodykh rabochikh kadrov promyshlennosti mezhdu XXV i XXVII s"ezdami KPSS: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Party guidance of young employees' training for working in the sphere of industry between XXV and XXVII conferences of C.P.S.U. Abstract of PhD thesis in history]. Moscow, 1989. 23 p.
8. Komov A. N. *Upravleniye integratsionnymi protsessami na rossiyskom rynke obrazovatel'nykh uslug: Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Guidance of integration processes on the Russian educational services market. Abstract of PhD thesis in history]. Moscow, 2007. 25 p.
9. Kuz'min V. Modernization professionals [Professionaly modernizatsii]. *Rossiyskaya gazeta.* 2010. September, 1. P. 1–2.
10. *Molodezh' SSSR* [Youth of the USSR]. Moscow, 1990. 255 p.
11. *Sleduet vozobnovit' praktiku shefstva predpriyatiy nad shkolami…* [Enterprises' patronage over schools should be recommenced]. Available at: http://www.regnum.ru/news
12. *Soderzhaniye trudovogo vospitaniya shkol'nikov* [Substance of working education of school children]. Moscow, 1989. 144 p.
13. Statsenko R. *«Svoi» kadry – put' k stabil'nosti biznesa* [Our own personnel – way to business stability]. Available at: http:/dekuz.ru
14. *Predpriyatiya Novocheboksarska (Chuvashiya) berut shefstvo nad shkolami i bol'nitsami* [Enterprises of Novocheboksarsk (Chuvashia) take schools and hospitals under their patronage]. Available at: http://www.regnum.ru/news
15. *Habarovsku ne khvatayet rabochikh ruk* [Khabarovsk has a lack of employees]. Available at: http://www.deita.ru/news…59583
16. Shilova L. I. Conditions of interaction of school and base enterprise in preparing of school children to work [Usloviya vzaimodeystviya shkoly i bazovogo predpriyatiya v podgotovke uchashchikhsya k trudu]. *Sovmestnaya deyatel'nost' shkoly i bazovogo predpriyatiya po podgotovke uchashchikhsya k trudu* [Joint-cooperation of school and base enterprise in preparing of school children to work: interuniversity volume of scientific papers]. Gorkiy, 1989. P. 23–28.

Поступила в редакцию 16.01.2012

Ноябрь, № 7. Т. 1 **История** **2013**

УДК 94(470.2)16/17(045)

СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории факультета истории и социальных наук, Мурманский государственный гуманитарный университет (Мурманск, Российская Федерация)
snikonov-77@mail.ru

ПОКРУТ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЛЮДЕЙ НА МУРМАНСКИЙ РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НИКОЛО-КОРЕЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА*

Рассматривается проблема организации труда на отдаленном рыбном промысле – мурманском – Николо-Корельского монастыря. Основу социальной организации промысла составлял покрут – система, в условиях которой наемный работник предоставлял организатору свои профессиональные навыки, в то время как сам организатор обеспечивал всю материальную составляющую промысла (предметы промысла, продукты и т. п.). Покрут в научной литературе XIX–XX веков рассматривался как источник социальных проблем, прежде всего закабаления поморов. Анализ документов мурманского промысла Николо-Корельского монастыря последней четверти XVII века привел нас к несколько другим выводам. Порядок найма монастырем промысловой артели, распределения внутри нее функций между промышленниками, так же как и способ распределения добычи промысла, соответствовал тем нормам, что были зафиксированы поздними учеными. Это свидетельствует об устойчивости промысловой артели как типа социальной организации. Вместе с тем доходность промысла для его рядовых участников (промышленников) была значительно выше тех предварительных издержек (ссуд, безвозмездных выплат), которые затрачивались монастырем на их содержание.

Ключевые слова: покрут, мурманский промысел, артель, монастырь, Поморье

Экономическую основу мурманского рыбного промысла Николо-Корельского монастыря в XVII–XVIII веках составлял покрут – особая система взаимоотношений организатора промысла и работников, заключавшаяся в найме промышленных людей (покрученников), которым организатор предоставлял не только предметы и орудия промысла, но и полное обеспечение всем необходимым на время промысла. Вместе с тем покрутом (покрутой) называли и определенную долю дохода, которую покрученики получали за свой труд по окончании промысла [2; 246].

В исследовательской литературе в оценке покрута преобладают негативные характеристики, отмечается кабальность отношений, втягивавших работника в экономическую зависимость от хозяина, низкий уровень оплаты труда и возникавшие вследствие этого неблагоприятные морально-нравственные нормы отношений в поморской среде. Однако, поскольку подобные характеристики формировались преимущественно на данных позднего периода существования покрута – материалах второй половины XIX века, это не позволяет в должной мере понять, были ли эти черты неотъемлемым качеством системы или являлись следствием кризиса традиционных отношений, вытесняемых вольнонаемным трудом. Поэтому крайне актуальной становится задача исследования покрута в более ранний исторический период XVII–XVIII веков, когда эта система взаимоотношений организатора промысла и наемных работников являлась системообразующим принципом. Значительное богатство материалов о покруте содержат документы монастырских архивов Поморья, в том числе и архива Николо-Корельского монастыря XVII века[1].

Не останавливаясь подробно на характеристике источников, что уже ранее было предметом нашего исследования [5; 33–34], [6], выделим основные группы документов. Во-первых, это приходо-расходные казначейские и келарские книги. С конца 1670-х годов в этих источниках выделяется особая статья «Отпуск мурманской», в которую заносились все сведения, касающиеся расходов монастыря на промысел и найм артели. Келарские книги в указанной статье фиксировали только натуральные затраты на промысел, не получавшие в источнике оценки в денежном эквиваленте[2]. Это препятствует пониманию истинных масштабов финансовых затрат монастыря на организацию промысла. Казначейские и келарские книги содержали и данные о приеме рыбы промысла, вычете у членов артели денег за ссуды и другие издержки. Во-вторых, это приходо-расходные книги Холмогорской службы, характеристика которых представлена в нашей предыдущей работе [5; 33–34]. В-третьих, документы промысла 1690-х годов, представленные «тетрадями отпускными», ведением которых занимались монастырские казначеи. В этих документах фиксировалась выдача денежных сумм промышленникам-«вешнякам». Как будет показано далее, специальные документы промысла были тесно связаны с келарскими приходо-расходными книгами.

© Никонов С. А., 2013

Таблица 1

Расходы на мурманский промысел Николо-Корельского монастыря[3]

Год	Общий расход на промысел	Расход на артель	Доля расхода на артель (%)
1680	19 руб. 13 ал.	1 руб. 13 ал. 2 ден.	5
1681	52 руб. 22 ал. 4 ден.	9 руб. 10 ал.	17
1682	6 руб. 13 ал. 8 ден.	1 руб. 10 ал.	16
1684	20 руб. 10 ал. 2 ден.	9 руб. 3 ал. 2 ден.	45
1685	16 руб. 6 ал. 8 ден.	12 руб. 6 ал. 8 ден.	75
1686	23 руб. 14 ал. 2 ден.	11 руб. 10 ал.	47
1687	23 руб. 11 ал. 4 ден.	12 руб.	52
1688	18 руб. 25 ал. 10 ден.	10 руб. 25 ал. 10 ден.	55
1689	16 руб. 28 ал.	13 руб. 6 ал. 4 ден.	81
В средн.			44

Таблица 2

Расходы на мурманский промысел Николо-Корельского монастыря[4]

Год промысла	Вид выплат				
	Свершенок		Ссуда		Дополнительные и безвозмездные выплаты
	Макс.	Мин.	Макс.	Мин.	
Вешний промысел					
1681	2 руб.	–	–	–	–
1684	1 руб. 23 ал. 2 ден.	1 руб. 20 ал.	–	–	–
1685	1 руб. 22 ал. 5 ден.	–	–	–	Сукно на вачеги
1686	1 руб. 3 ал. 2 ден.		10 ал.	–	–
1687	1,5 руб.	1 руб. 6 ал. 4 ден.	6 ал. 6 ден.	–	–
1688	1,5 руб.	40 ал.		–	–
1689	1,5 руб.	–	6 ал. 4 ден.	–	Сукно на вачеги
1690	0,5 руб.	–	1 руб.		–
1691	1 руб. 16 ал. 4 ден.	1,5 руб.	1 руб.	0,5 руб.	Посол одной бочки рыбы
1696	1 руб. 16 ал. 4 ден.	1,5 руб.	1 руб. 4 ал.	1 руб.	
1697	1 руб. 16 ал. 4 ден.	1,5 руб.	1,5 руб.	20 ал.	Сукно на вачеги, заплаты, сапоги
Летний промысел					
1681	1 руб.	23 ал. 2 ден.	–	–	–
1682	26 ал. 4 ден.	16 ал. 4 ден.	–	–	–
1684	0,5 руб.	–	–	–	–
1691	–	–	10 ал.	–	–

Опираясь на материалы казначейских приходо-расходных книг, попытаемся получить представление о масштабах финансовых затрат монастыря на мурманский промысел. Объем информации источника о затратах монастыря на промысел различен: книги за 1680-е годы содержат наиболее полные данные по интересующему вопросу, а книги за 1690-е годы в основном содержат сведения, касающиеся расходов на артель, а не на весь промысел в целом. Не исключено, что сокращение информации связано с началом ведения специальной документации мурманского промысла, от которой, к сожалению, сохранилась лишь небольшая часть.

Рассмотрим затраты монастыря на промысел в соотношении с затратами на найм артели (табл. 1). Наиболее значительные расходы, как видно из приведенных материалов, пришлись на 1681 год (более четверти, 27 % общей суммы расходов всего периода), они были связаны с приобретением монастырем становища, его оборудования, покупкой промысловых судов (ладей и шнек), предметов промысла и т. п.[5] С середины десятилетия расходы на промысел становятся стабильными, колеблясь в среднем в пределах от 16 до 23 руб. Тогда же и расходы на содержание артели начинают составлять от половины и более расходов на ведение промысла.

Незначительность затрат на артель в 1680 и 1682 годах связана с тем, что источник отразил только выплаты летним кормщикам и покрученикам.

Изучаемые источники, к сожалению, не позволяют представить все расходы на промысел. Напомним, что натуральные расходы, а это не только продукты, но и предметы промысла, не получали оценки в денежном эквиваленте в келарских книгах. Кроме этого, далеко не все расходы, связанные с промыслом, находили свое отражение и в составе статей «Отпуск мурманской» казначейских книг. Так, к расходам на промысел должны быть отнесены все те мелкие и крупные траты монастыря, связанные с починкой снастей, закупкой необходимых материалов для их производства, соли, и другие, которые скрыты в иных расходных статьях документов и вряд ли могут быть сведены воедино.

Промышленники-«вешняки», чей путь на Мурман был сопряжен с трудностью перехода от Двины до Кольского острога, получали различные виды выплат, которые прежде всего должны были компенсировать затраты на сам проход к месту промысла. Эти выплаты носили безвозмездный характер, что подчеркивалось в источниках. Помимо денежных промышленники получали и материальные выплаты. Как правило, они состояли в выдаче сукна на пошив рукавиц-вачег, а также в разрешении использовать монастырскую соль для посола одной бочки трески на себя, которую можно было беспошлинно

Таблица 3

Выплаты мурманским покрученикам Николо-Корельского монастыря[6]

Год промысла	Вид выплат					
	Свершенок			Ссуда		Дополнительные и безвозмездные выплаты
	Макс.	Мин.		Макс.	Мин.	
Вешний промысел						
1681	20 ал.	–			–	–
1684	20 ал.	–		4 гр.	–	–
1685	20 ал.			2 гр.		
1686	20 ал.	–		6 ал. 4 ден.	–	–
1687	20 ал.	–			–	–
1688	30 ал.	–		–	–	–
1689	7 гр.			6 ал. 4 гр.		Сукно на вачеги
1691	23 ал. 2 ден.	–		6 ал. 4 гр.	–	–
1696	7 гр.	–		10 ал.	–	–
1697	23 ал. 2 ден.	16 ал. 4 ден.	8 ал. 2 ден.	10 ал.	9 ал.	–
Летний промысел						
1682	16 ал. 4 ден.	–		–	–	–
1691	–	–		10 ал.	5 ал.	–

доставить обратно на монастырской ладье. Последнее, впрочем, не было регулярным.

В табл. 2 представлены размеры выплат «вешним» и летним кормщикам, включавших свершенок – безвозмездную денежную помощь монастыря «вешним» промышленникам, компенсирующую путевые издержки, и ссуду – денежную или натуральную выплату промышленникам, которая по окончании промысла вычиталась из полученных ими доходов.

По ряду лет (1682, 1689, 1698) у нас, к сожалению, нет полных данных о выдаче денег всем кормщикам: источники сохранили упоминания лишь об одном кормщике из трех. Из материалов табл. 2 следует, что размеры свершенка и ссуд вешних кормщиков на порядок превосходили аналогичные выплаты для летних. Заметна и еще одна тенденция – возрастание размера свершенка и ссуд на протяжении второй половины 1680-х – 1690-х годов. Вероятно, это могло быть следствием возрастания доходности промысла. При этом нельзя исключать воздействие и других экономических факторов – колебания цен на рыбу, увеличения затратности найма и др.

К 1690-м годам размер свершенка и ссуды для вешних кормщиков сравниваются. При этом и вешние, и летние кормщики получали далеко не одинаковый свершенок и ссуду: кто-то больше, а кто-то меньше. Для более позднего времени известно, что в расчет при выплате свершенка принимались профессиональные качества кормщика [1; 138–139]. Имел ли место такой подход при выплате свершенка в конце XVII века, по имеющимся источникам судить невозможно.

Рассмотрев выплаты кормщикам сверх их основного дохода (покруты), обратимся к аналогичным выплатам покрученик. В табл. 3 представлены данные преимущественно о тех выплатах, которые получали вешние покрученики. Источникам почти неизвестны случаи выплат летним покрученикам. По-видимому, это было связано как с незначительностью самой группы летних покрученик (основные работы на промысле в летний сезон выполняли покрученики-«вешняки»), так и с незначительностью для них затрат на поездку к месту промысла. В летний сезон, напомним, на Мурманский берег шла монастырская ладья, которая и доставляла дополнительную рабочую силу.

Размеры свершенка и ссуд, выдаваемых рядовым покрученикам, как правило, вдвое меньше аналогичных выплат кормщикам. Такое соотношение существовало и позже, в период научного изучения мурманского промысла в XIX – начале XX века. Обращает на себя внимание и отсутствие колебаний в выплатах покрученикам между максимальным и минимальным размерами. Если они и встречаются в материалах таблицы, то носят единичный характер. По всей видимости, профессиональные качества рядовых членов артели (а таковые, безусловно, должны были существовать) в глазах организатора промысла (монастыря) носили не столь существенный характер, как при найме кормщиков. В материалах таблицы присутствует и выявленная ранее тенденция – увеличение размера денежных выплат в период второй половины 1680-х – 1690-х годов.

Неравным было и распределение основного дохода (покрута), получаемого членами артели за труд. Покрут артели составлял 1/3 добычи, а монастыря – 2/3. Распределение долей добычи было выработано столетней практикой ведения промысла и просуществовало вплоть до конца XIX века. Доля покрута носила название «участок» и традиционно без изменений распределялась внутри артели следующим образом: половина участка шла кормщику, пятая доля – покрученику.

Добытая на участок рыба доставалась промышленнику не в натуральном виде, а в денежном эквиваленте: после окончания промысла монастырь исходя из текущей рыночной стоимости устанавливал цену на разные сорта рыбы. Сдача добытой трески и палтуса именно монастырю, а не какому-либо другому перекупщику была вызвана не только практическими соображениями, но и тем обстоятельством, что и кормщики, и покрученики брали у монастыря ссуды, расплата по которым производилась из причитавшихся на их участки сумм.

Таблица 4

Размеры покрута промысловых артелей Николо-Корельского монастыря[7]

Год	Состав артели (чел.)	Покрут на артель			В среднем на одного работника	
		Палтус	Треска	Итого	Кормщик	Покрученик
1680	–	8 руб. 21 ал. 2 ден.	5 руб. 3 ал. 2 ден.	13 руб. 24 ал. 4 ден.	–	–
1681	10	–	–	18 руб. 2 ал. 5 ден.	2,25 руб.	1,5 руб.
1683 (1)*	12	–	–	34 руб. 8 ал. 2 ден.	5,5 руб.	1,8 руб.
1683 (2)**	4	–	–	10 руб. 8 ал. 2 ден.	5 руб.	2,5 руб.
1685	12	–	–	58 руб. 10 ал.	9 руб.	3 руб.
1686	12	14 руб. 30 ал. 5 ден.	9 руб. 14 ал. 4 ден.	26 руб. 12 ал. 1 ден.	4 руб.	1,5 руб.
1687	12	45 руб. 10 ал. 1 ден.	–	45 руб. 10 ал. 1 ден.	7,5 руб.	2,5 руб.
1696	16	29 руб. 13 ал. 2 ден.	6 руб. 30 ал. 1 ден.	36 руб. 9 ал. 6 ден.	4,5 руб.	1,5 руб.
1699	–	–	–	11 руб. 17 ал. 2 ден.	–	–

Примечание. * – «вешняя» артель; ** – летняя артель.

Денежные размеры покрута, получаемого артелью, могут быть представлены по материалам казначейских приходо-расходных книг за 1680–90-е годы. Интересующие нас данные представлены в табл. 4. В отдельную графу вносятся сведения о количественном составе артели, если источник сохранил таковые.

Из приведенных данных следует, что размер покрута для кормщиков практически всегда, за исключением 1681 года, в 2,5–3 раза превосходил доход покрученников. Какой-либо общей динамики в развитии покрута – в сторону уменьшения или увеличения – выявить невозможно. Здесь действует общее правило, установленное исследователями мурманского промысла еще в XIX веке: доходы промышленника полностью зависели от совокупности случайных факторов (времени начала промысла, наличия наживки и т. п.).

Для одной статьи – 1696 года – выведенные средние данные доходов артели условны. Известно, что в этот год, помимо трех основных карбасов, в летнем промысле участвовал и четвертый, дополнительный. Но, как можно видеть из табл. 4 для 1683 года, доходы «вешней» и летней артелей мало чем различались.

Причитавшаяся артели покрута не составляла дохода промышленников в чистом виде. Из нее производились вычеты по ссудам, ранее взятым промышленниками у монастыря, а также за предоставленные артели монастырской администрацией в период промысла различные предметы (одежда) и продукты (чаще всего соль). Вычеты далеко не всегда отмечены в монастырских приходо-расходных книгах. По сохранившимся источникам мы знаем о вычетах, произведенных в 1682, 1683/84, 1685, 1696, 1697 годах. Так, в 1685 году вычет составил 4 руб. 23 ал. 4 ден.[8], что сократило общий доход артели от промысла примерно на 6,8 %. В 1696 году у промышленников было вычтено 2 руб. 15 ал.[9], что сократило доход артели на 5,5 %.

Приведенные цифры не соответствуют сформулированной в XIX–XX веках концепции кабальности покрута. В действительности вычеты по ссудам были незначительны.

Достаточно полное представление о распределении доходов монастыря и артели можно получить для 1697 года. Такая возможность появляется благодаря уникальности содержания одной из приходо-расходных книг – книги келаря старца Филотера[10]. Источник отразил не просто данные о полученной добыче промысла, что в общем-то типично для келарских книг, но и все сведения о ее распределении между монастырем и артелью (в натуральном и в денежном эквиваленте), а также вычетах, произведенных у кормщиков и покрученников из полученного ими дохода.

К этому же году относится и «тетрать отпускная» мурманских промышленников, в которой отражены сведения о конкретных лицах, покрученных на промысел, и о выданных им денежных и натуральных выплатах[11]. Документ был составлен казначеем Иоанникием. «Тетрать» раскрывает начальную стадию промысла – найм артели, а приходо-расходная книга его заключительную фазу – сдачу рыбной добычи в монастырь и распределение доходов от улова между организатором и работниками промысла[12].

Келарская книга в качестве участников промысла называет основную артель, состоявшую из 12 человек (3 кормщика и 9 покрученников), и дополнительную, нанятую на летний сезон, состоявшую из 4 человек (1 кормщик и 3 покрученника). С последней был произведен отдельный расчет. Подобная практика, как уже было показано, встречалась и ранее (см. табл. 4)[13].

Общий доход промысла в 1697 году составил 102 руб. 27 ал. 1 ден. (100 %). Из него 74 руб. 21 ал. пришлись на долю монастыря (72 %), а 28 руб. 5 ал. 5 ден. – на долю артели (28 %). В среднем на пай кормщиков пришлось 4 руб. 7 ал. 3 ден., а на пай покрученников – 1 руб. 23 ал.

Таким образом, при разделе артель получила чуть менее трети добычи. Распределение доходов внутри артели традиционно: кормщик по-

Таблица 5

Вычеты у мурманских промышленников Николо-Корельского монастыря[14]

Промышленник	Средний размер покрута	Размер вычет	Итого
Кормщики			
О. П. Новоселов	4 руб. 7 ал. 3 ден.	2 руб. 6 ал. 2 ден.	2 руб. 1 ал. 1 ден.
Ф. Д. Романовых	4 руб. 7 ал. 3 ден.	1 руб. 18 ал.	2 руб. 22 ал. 5 ден.
В. А. Кожин	4 руб. 7 ал. 3 ден.	1 руб. 25 ал. 2 ден.	2 руб. 15 ал. 3 ден.
Покрученики			
И. П. Новоселов	1 руб. 23 ал.	10 ал.	1 руб. 13 ал.
И. Т. Боталов с товарищи	14 руб. 26 ал. 4 ден.	2 руб. 21 ал.	12 руб. 5 ал. 4 ден.
Общий итог вычет	–	–	20 руб. 24 ал. 5 ден.

лучал примерно в 3 раза больше, чем рядовой покрученик.

Из полученных артелью доходов были произведены вычеты (табл. 5). Приходо-расходная книга содержит данные о вычетах у всех кормщиков и покручеников. Правда, вычеты у покручеников носят, если так можно сказать, коллективный характер, за исключением И. П. Новоселова, у которого они были сделаны индивидуально.

Вычеты по ссудам сокращали доходы кормщиков и покручеников примерно на 40 и 17 % соответственно. Поэтому действительная выручка от промысла была меньше тех доходов, что приходились на «участок» покручеников.

Совокупный объем затрат монастыря в 1697 году на найм артели составил 18 руб. 10 ал. 4 ден. Доходы монастыря от промысла этого года в 4 раза превзошли затраты на артель. При этом нельзя забывать, что отдельную статью доходов монастыря составили средства от выданных ранее промышленникам ссуд. Таким образом, общий доход от промысла превосходит затраты монастыря на артель более чем в 5 раз. Впрочем, реальная доходность промысла для монастыря была несколько ниже, поскольку существовали не получавшие денежной оценки натуральные затраты на промысел, а также текущие затраты, которые в 1697 году составили 9 руб.

Но доходным промысел был не только для монастыря, то же самое можно сказать и об артели. Размер задатков (ссуд) составлял явно меньшую часть вычетов из доходов промышленников. Так, для кормщиков максимальная ссуда в 1697 году составила 1,5 руб., или 37 % дохода. У покручеников, как уже было показано выше, ссуда составила порядка 17 % от общего дохода. Иными словами, доходы от промысла существенно (в 2–6 раз) превышали размер задатков. Такая ситуация кардинально отличается от положения покручеников XIX века, доходы которых не покрывали задатков, бравшихся промышленниками накануне промыслового сезона у хозяев, что втягивало их в кабалу по отношению к последним [4; 64].

Таким образом, исследование покрута промышленных людей на мурманском промысле Николо-Корельского монастыря позволяет сделать следующие выводы:

• Несмотря на значительные расходы на содержание артели, доходы монастыря от промысла (по крайней мере, для последнего десятилетия XVII века) существенно превосходили общие затраты на его организацию, поэтому мурманский промысел представлял собой вполне доходное предприятие.

• Распределение покрута (добычи) внутри артели, при котором половина дохода шла кормщику, а пятая доля – покрученику, соответствовало ситуации второй половины XIX века, что указывает на устойчивость традиционных взаимоотношений, складывающихся внутри артели.

• Колебания размеров общего покрута артели косвенно свидетельствуют о колебаниях промысловой ситуации на побережье Баренцева моря: «уловистые» года сменялись менее удачными.

• Порядок распределения доходов между организатором и артелью не дает оснований говорить о кабальности системы покрута на ранних этапах его существования. Не исключено, что негативные социальные явления покрута, отмеченные позднейшими исследователями, могут быть следствием упадка и кризиса системы покрута.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Правительства Мурманской области (проект № 13–11–51002 / а (р)).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Начало деятельности монастыря на мурманском побережье относится еще к середине XVI века, но прочно закрепиться здесь он сумел только в последней четверти XVII века, когда им было приобретено промысловое становище на острове Лицком (1680 год), ставшее основой его хозяйствования на побережье Баренцева моря [5; 35].

[2] Подробная характеристика казначейских и келарских приходо-расходных книг Николо-Корельского монастыря представлена в работе В. И. Иванова [3; 27, 29, 52–54].

[3] Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 191. Оп. 1. Д. 714. Л. 28–29; Д. 727. Л. 23 об.–27; Д. 730. Л. 31–32 об.; Д. 777. Л. 58–58 об.; Д. 789. Л. 40–40 об.; Д. 790. Л. 55–55 об.; Д. 791. Л. 47–47 об.; Д. 810. Л. 39 об.–40; Д. 826. Л. 80 об.–81 об.

[4] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 400. Л. 16 об.; Д. 727. Л. 25 об.–26; Д. 777. Л. 58; Д. 789. Л. 40; Д. 790. Л. 40; Д. 839. Л. 39 об.;

Д. 826. Л. 52 об., 81, 91 об.; Д. 896. Л. 15; Д. 914. Л. 37 об.; Д. 952. Л. 8 об., 10; Д. 1049. Л. 11 об., 31–32; Д. 1052. Л. 2–4; Д. 1078. Л. 1–2; Д. 2557. Л. 1 об.–3 об.

[5] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 727. Л. 24–26.

[6] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 400. Л. 16 об.; Д. 727. Л. 26; Д. 730. Л. 32 об.; Д. 777. Л. 55 об.; Д. 810. Л. 39 об.; Д. 1049. Л. 11 об.; Д. 1052. Л. 2–4; Д. 1078. Л. 3–5; Д. 1082. Л. 55; Д. 1083. Л. 1 об.–2; Д. 2557. Л. 4–4 об.

[7] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 727. Л. 26 об.; Д. 790. Л. 43; Д. 791. Л. 54; Д. 826. Л. 43 об.; Д. 1049. Л. 31–31 об.

[8] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 791. Л. 7 об., 16 об.

[9] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1049. Л. 11 об.

[10] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1083.

[11] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1078.

[12] Рассматриваемые источники позволяют увидеть и делопроизводственную практику мурманского промысла. Так, в «тетрать» были внесены сведения о выданных промышленникам ссудах. После того как расчет между монастырем и артелью был произведен, эти записи были зачеркнуты. Напротив записей стоят пометы, сделанные казначеем Иоанникием, – «Взято» (ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1078. Л. 3 об.–5).

[13] Отметим, что в промысловый сезон 1697 года келарем был произведен особый расчет с двумя бобылями, также дополнительно нанятыми на промысел. Каждый из них получил пятую долю добычу. Вопрос о происхождении и статусе бобылей на мурманском промысле требует отдельного исследования.

[14] ГААО. Ф. 191. Оп. 1. Д. 1083. Л. 3–5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гулевич В. Мурманский берег в промысловом и санитарном отношениях. Архангельск: Губернская типография, 1883. 183 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М.: Терра, 1995. 560 с.
3. Иванов В. И. Бухгалтерский учет в России XVI–XVII вв. Историко-источниковедческое исследование монастырских приходо-расходных книг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 256 с.
4. Книпович Н. М. Положение морских и рыбных звериных промыслов в Архангельской губернии. СПб.: Типография И. Гольденберга, 1895. 163 с.
5. Никонов С. А. Промысловые артели «мурманщиков» Николо-Корельского монастыря в XVII–XVIII веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 33–38.
6. Никонов С. А. Документы мурманского рыбного промысла XVII–XVIII вв. в архиве Николо-Корельского монастыря (по материалам Государственного архива Архангельской области). (В печати).

Nikonov S. A., Murmansk State Humanities University (Murmansk, Russian Federation)

RECRUITMENT OF TRADE LABOR FORCE FOR MURMANSK FISHERY OF NICHOLO- KORELSKY MONASTERY IN SECOND HALF OF XVII CENTURY

The problem of labor organization at a remote Murmansk fishery of Nicholo-Korelsky monastery is considered. The basis of the fishery's social organization was "pokrut" – a system in which employees provided organizers with relevant professional skills, the organizers in their turn provided all material components necessary for the fishery (fishing items, food, etc.). In scientific literature of XIX–XX centuries, "pokrut" was considered a source of social problems, and above all, a mechanism of the coast-dwellers' enslavement. Analysis of the Murmansk fishery documents dating back to the last quarter of the XVII century led us to somewhat different conclusions. The employment of fishing cooperatives by the monastery, distribution of functions between manufacturers, as well as the way of the catch distribution complied with the standards recorded by later scholars. This speaks of stability of the fishing cooperatives as a type of social organization. However, the profitability of the fishery for its ordinary participants (manufacturers) was significantly higher than any preliminary costs (loans, grant payments), which were spent by a monastery for maintenance.

Key words: pokrut, Murmansk fishery, cooperative, monastery, Pomorie

REFERENCES

1. Gulevich V. *Murmanskiy bereg v promyslovom i sanitarnom otnosheniyakh* [The Murmansk coast from the fishing and sanitary points of view]. Arkhangelsk, Gubernskaya tipografiya Publ., 1883. 183 p.
2. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. Vol. 3. Moscow, Terra Publ., 1995. 560 p.
3. Ivanov V. I. *Bukhgalterskiy uchet v Rossii XVI–XVII vv. Istoriko-istochnikovedcheskoe issledovanie monastyrskikh prikhodo-raskhodnykh knig* [Accounting in Russia of the XVI–XVII centuries. Historical-source study of the monastery's account books]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2005. 256 p.
4. Knipovich N. M. *Polozhenie morskikh i rybnykh zverinykh promyslov v Arkhangel'skoi gubernii* [The condition of marine and animal fisheries in Arkhangelsk province]. St. Petersburg, Tipografiya I. Gol'denberga Publ., 1895. 163 p.
5. Nikonov S. A. Nikolo-Korelsky monastery's fishing artels on the Murmansk coast in XVII – XVIII centuries [Promyslovye arteli "murmanshchikov" Nikolo-Korel'skogo monastyrya v XVII–XVIII vekakh]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities]. 2012. № 7 (128). Vol. 1. P. 33–38.
6. Nikonov S. A. *Dokumenty murmanskogo rybnogo promysla XVII–XVIII vv. v arkhive Nikolo-Korel'skogo monastyrya (po materialam Gosudarstvennogo arkhiva Arkhangel'skoy oblasti)* [Murmansk fishing's documents of the XVII–XVIII centuries in the Nikolo-Korelsky monastery's archives (on the materials of the State archive of Arkhangelsk region)] (In print).

Поступила в редакцию 16.04.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Культурология** **2013**

УДК 069:004

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ НИКОЛЬСКИЙ
аспирант кафедры музеологии и культурного наследия факультета мировой культуры, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
inareverie@rambler.ru

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ УТРАЧЕННОГО ОБЪЕКТА НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ ЦЕРКВИ СВ. МИРОНИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКОГО ПОЛКА

Современные социокультурные процессы в российском обществе повысили интерес к памятникам истории и культуры. Изучаются и восстанавливаются произведения культовой архитектуры, утраченные в советский период. Однако воссоздать памятники в физических формах возможно далеко не всегда. В таких случаях исследованию и презентации утраченных объектов помогают современные информационные технологии. Настоящее исследование рассматривает новое как для исторической науки, так и для музеологии понятие виртуальной реконструкции на примере утраченного памятника культовой архитектуры. Объектом изучения послужила также экспозиция музея «Разночинный Петербург», имеющая непосредственное отношение к этому памятнику. На первом этапе определены цели и задачи проекта, среди которых основной проблемой являлось совмещение результатов исторического исследования с требованиями уже сформированной музейно-экспозиционной структуры. О характере и ценности объекта наследия можно говорить на основании изученных исторических источников – свидетельств жизни памятника, отношения к нему в обществе на различных исторических этапах. Сюда примыкает и искусствоведческий анализ, позволяющий выявить типичные и уникальные черты объекта. Вкупе с результатом рассмотрения существующей музейной экспозиции сложилась источниковая база проекта, в который было решено внести дополнительные выразительные средства, а также его конечная форма – мультимедийная презентация. Проект складывается из нескольких частей: построения 3D-модели, наложения текстур, создания освещения и путей анимации, просчета видеороликов, дизайна макета презентации, сборки всех материалов в едином файле, трансляции проекта непосредственно в пространстве музея. Осмысление результата исследования – компьютерной реконструкции – позволяет говорить о повышении наглядности музейной экспозиции, что имеет как гносеологическое, так и воспитательное значение для молодого поколения посетителей музея.

Ключевые слова: виртуальная реконструкция, культовая архитектура, культурное наследие, церковь Св. Мирония, лейб-гвардии Егерский полк, мультимедийные технологии в музее

В силу драматических событий отечественной истории XX столетия в нашей стране был утрачен ряд историко-культурных объектов, представлявших особую ценность. Вместе с изменением социально-политических устоев в постсоветской России совершенно по-новому зазвучала тема возвращения уничтоженного и забытого наследия духовной культуры, что на практике вылилось в сложный процесс реституции церковного имущества [14], в том числе в восстановление утраченных или перестроенных недвижимых культовых сооружений [9].

Сохранение историко-культурного наследия в современных условиях оказалось сложной и ответственной задачей. Наряду с такими способами восстановления памятников культовой архитектуры, как реставрация и реконструкция, распространение получила и новая форма – виртуальная реконструкция [7; 15]. В данной статье предлагается оценить ее музейный потенциал на примере осуществленной виртуальной реконструкции уничтоженной церкви Св. Мирония лейб-гвардии Егерского полка в Санкт-Петербурге – выявленного объекта историко-культурного наследия [11].

Идея создания проекта виртуальной реконструкции церкви родилась в процессе сотрудничества с государственным учреждением культуры «Мемориальный музей “Разночинный Петербург”». В ходе анализа тематического содержания и предметного наполнения экспозиций музея было установлено, что информационный потенциал некоторых объектов раскрыт не в полной мере. Так, вышеупомянутый храм Егерского полка был представлен лишь двумя фотографическими изображениями, а также схематичной моделью на макете городской застройки исторического района Семенцы (храм находился между Рузовской улицей и Введенским каналом, современный адрес – наб. Обводного канала, 99). Отсутствие развернутых пояснительных текстов и несоответствие макетной модели исторической действительности[1] определили необходимость разработки единой электронной мультимедийной программы, которая помогла бы посетителям музея глубже и целостнее понять специфи-

© Никольский С. А., 2013

ку утраченного памятника. Главными задачами вышеупомянутого проекта стали:

• расширение тематического содержания существующей экспозиции музея «Разночинный Петербург»;

• привлечение внимания посетителей к проблемам сохранения утраченных памятников архитектуры;

• развитие интереса к историко-культурному пространству Петербурга в краеведческом русле.

Но для начала разъясним понятие виртуальной реконструкции.

Под виртуальной реконструкцией понимается процесс воссоздания современными техническими средствами (в том числе путем компьютерного моделирования) внешнего вида руинированного или утраченного памятника истории и культуры. При этом наряду с распространенным термином «виртуальная реконструкция» отечественные исследователи применяют термины «ненавязчивая интерпретация» и «виртуальное восстановление» [9]. Фактически виртуальная реконструкция и есть форма интерпретации памятника истории и культуры, но обязательно научно обоснованная. Это многогранная модель, которая опирается на историческую реконструкцию как метод исторического исследования, но выражается в новой форме посредством современных компьютерных технологий. Получив развитие в 90-е годы XX века и обретя статус самостоятельного междисциплинарного направления, виртуальные реконструкции становятся все более востребованными в современном музейном деле [7]. Обратимся к истории самой церкви Св. Мирония.

Церковь Св. Мирония лейб-гвардии Егерского полка – утраченный памятник культовой архитектуры Петербурга середины XIX века. Спроектирована архитектором К. А. Тоном по повелению императора Николая I, проект утвержден весной 1849 года, строительство торжественно завершено в 1855 году, когда церковь освятили в присутствии уже императора Александра II. Отметим, что изначально у Егерского полка не было отдельного здания церкви. К моменту начала возведения нового храма существующая полковая церковь находилась в одном из помещений казарм, где квартировался полк, – на Рузовской улице в Петербурге. Новому же храму Егерского полка изначально был присвоен особый, символический статус мемориала, увековечивавшего память о победе русской армии в Кульмском сражении 17–18 августа (29–30 по новому стилю) 1813 года, что нашло закономерное отражение в проекте Константина Тона. Поскольку в православной традиции дню 17 августа покровительствует св. мученик Мироний, то и церковь при лейб-гвардии Егерском полку стали именовать его именем. Св. Мирону был посвящен северный придел церкви, в то время как главный алтарь освятили в честь св. ап. Павла и Петра (в честь императора Павла I, при котором был образован Егерский полк), а южный придел – в честь покровителя Петербурга св. благоверного князя Александра Невского. Таким образом, у храма несколько имен: церковь Св. Ап. Павла, Мироновский или Мирониевский храм, Егерская церковь.

Егерский храм по праву можно назвать одним из величайших творений Константина Тона. Подобно знаменитому храму Христа Спасителя в Москве, церковь Св. Мирония имела монументальный вид, что подчеркивали прежде всего ее размеры: колокольня достигала в высоту более 60 метров. Архитектурно-художественное решение оказалось достаточно распространенным для своего времени: оно было выполнено в «русском» стиле – направлении в архитектуре второй трети XIX – начала XX века, опиравшемся на приемы русского зодчества периода позднего Средневековья. Мирониевская церковь имела трехчастную композиционную структуру: колокольня, трапезная и собственно храм с алтарной частью размещены по одной оси и составляют единое целое. Экстерьер сооружения выполнен в традициях русской архитектуры XVI–XVII веков, поэтому здесь вместо куполов – шатры, а на сочленениях основных объемов – стилизованные закомары, аркатурные пояса и другие декоративные элементы. Величественный характер памятника подчеркнул и контраст с окружающей средой: церковь Св. Мирония была возведена в непосредственной близости от границы города – рядом с казармами Егерского полка, протянувшимися вдоль Рузовской улицы, в месте впадения Введенского канала в Обводный. Пропорции церкви позволяли ей живописно отражаться в водах прилегающих каналов и в то же время выступать крупной городской доминантой, которая замыкала перспективу Рузовской улицы со стороны Загородного проспекта и была хорошо видна с Семеновского плаца, находившегося к востоку от Царскосельского (Витебского) вокзала. Кроме того, церковь Св. Мирония располагалась симметрично (относительно Введенского канала) Введенскому храму, также спроектированному Тоном.

К сожалению, судьба Мирониевского храма столь же печальна, как и участь многих других культовых сооружений Петербурга. В 1930 году храм был закрыт и оборудован под картофелехранилище, а уже через четыре года взорван и снесен до самого основания. Несмотря на то, что этот объект рекомендован к восстановлению распоряжением КГИОП [8], воссоздание памятника физически в прежнем объеме едва ли возможно. Главной причиной тому служит территория, на которой некогда находился Егерский храм: сегодня здесь пролегает несколько нагруженных транспортных автомагистралей,

проезжая часть которых частично расположена над остатками фундамента постройки. Кроме того, даже если решение о воссоздании церкви Св. Мирония имело бы положительный исход, остался бы спорным вопрос о целесообразности строительства такого сооружения[2]. Поэтому в сложившихся условиях для восстановления облика церкви был выбран метод виртуальной реконструкции, позволяющий задействовать одновременно несколько преимуществ.

Во-первых, электронная основа позволяет оформить проект в различных видах электронной публикации [9] – в качестве локального ресурса (мультимедийного киоска) на экспозиции музея, на компакт-диске или в качестве интернет-ресурса (web-сайта). Во-вторых, проект можно подвергать корректировке как на этапе разработки, так и после его публикации, внося все необходимые дополнения (вплоть до включения в другие, более крупные проекты). В-третьих, элементы мультимедиа – статичная и динамичная графика, текст, звук – делают процесс ознакомления с памятником более выразительным, ярким, доступным для широкого круга пользователей. Эти возможности были учтены в период работы над проектом, который включал несколько этапов.

Прежде всего необходимо было собрать и исследовать источниковую базу, куда вошли различные опубликованные и неопубликованные материалы. К опубликованным источникам относятся периодические и непериодические издания из фондов Российской национальной библиотеки, содержащие описания художественных и композиционных особенностей строения, отдельных фактов из истории Егерского храма, хранившихся в нем святынь. Они повествуют нам о людях, связанных с возведением и бытованием, жизнью храма, – художниках, выполнивших декоративное убранство, настоятелях и прихожанах церкви. Например, многое можно узнать об одном из ктиторов Егерской церкви полковнике С. И. Кутепове. Интересны и описания военных трофеев, реликвий и церковной утвари, а также упоминание часовен, состоявших при храме [1], [2], [3], [4], [5], [6].

Неопубликованные источники представлены рядом архивных документов, выявляющих главные этапы в истории храма – с момента его проектирования еще при императоре Николае I до постановления о сносе уже при советской власти. Среди них – документы, позволяющие восстановить план той части города, где осуществлялось строительство, а также авторские чертежи (ныне хранятся в фондах Российского государственного исторического архива и Центрального государственного исторического архива в Санкт-Петербурге[3]), раскрывающие детали убранства, неразличимые по сохранившимся фотографиям храма (хранящимся в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов[4]).

Кроме того, важную роль в создании проекта виртуальной реконструкции церкви Св. Мирония сыграли и исследования современных авторов, в которых отражены как архитектурно-художественные особенности экстерьера и интерьера, так и связь памятника с городским ландшафтом, с историей того района, где он находился (4-й участок Московской части) и которому посвящена значительная часть экспозиции музея «Разночинный Петербург». Следует подчеркнуть, что понимание исторической, художественной, мемориальной ценности храма Егерского полка потребовало осмысления данного памятника в контексте творческого наследия архитектора К. Тона и уже упоминавшегося русского стиля в целом.

После сбора необходимых источников начался следующий этап виртуальной реконструкции – создание собственно трехмерной модели Мирониевской церкви. Для этого был задействован 3D-пакет Autodesk Maya 8.5. Изначально в виртуальную «сцену»[5] были добавлены две проекции – план и разрез храма, по которым создавались основные объемы церкви. После этого модель усложнилась за счет декоративных элементов, выявленных на основе исследования подробного чертежа, хранящегося в РГИА. Затем была создана модель окружающей среды – фрагменты Обводного и Введенского каналов, здание казарм Егерского полка по Рузовской улице. Это существенный момент, так как именно из пропорционального соотношения памятника с окружающими его объектами (размерами, формой) зритель получает первичное представление о сооружении.

Затем наступила стадия текстурирования и колористического оформления модели. Дело в том, что все вышеперечисленные источники (периодика, издания, фотографии) дают лишь черно-белое изображение церкви в разные периоды. Поэтому обнаруженная акварель К. Кольмана, запечатлевшего новую Егерскую церковь в 1855 году [10], послужила одним из ключевых источников для решения вопроса о цветовой гамме памятника. Кроме того, дополнительными источниками являются сохранившиеся живописные изображения других храмов, построенных по проектам К. Тона в то же время (30–40-е годы XIX века): Благовещенской, Екатерининской, Введенской церквей при Семеновском полку (все они, как и Егерская церковь, были взорваны в советское время). Так, анализ изображений этих сооружений позволяет говорить о цветах, в которые были окрашены стены и крыша сооружения: серо-зеленый оттенок для кровли, белый и желтый – для стен и архитектурных деталей на фасадах[6]. В качестве дополнительных привязок для текстур были взяты описания строительных

материалов из проектной документации (в фондах РГИА), сопоставленные с фотографиями церкви конца XIX – начала XX века.

Завершающим этапом моделирования стало создание элементов освещения модели, наложение текстур и создание путей анимации. После этого, на этапе рендеринга (визуализации 3D-модели), было создано несколько статичных изображений (видов модели с разных ракурсов, рис. 1), а также видеоряд, монтаж которого выполнялся посредством специализированных компьютерных приложений – в графическом редакторе Adobe Photoshop CS / CS2 и в видеоредакторе Adobe After Effects.

Рис. 1. Вид церкви Св. Мирония и здания казарм Егерского полка со стороны Рузовской улицы. 3D-реконструкция

Далее в соответствии с одной из вышеуказанных задач – расширением тематики и содержания представленных на экспозиции музея «Разночинный Петербург» материалов – была определена и конечная форма проекта – мультимедийная презентация. Она позволила отразить многогранный характер историко-культурного объекта. В нее были включены такие разделы, как история строительства и бытования православного храма, судьба военных трофеев и захоронения офицеров русской армии, выступавшего самостоятельным мемориальным комплексом, а также данные о других постройках К. А. Тона в Петербурге [13].

Финальным этапом стало соединение всех полученных элементов в программе создания интерактивных приложений Macromedia Director. Сначала была выстроена структура презентации, куда входят видеоролик-заставка, основное меню (рис. 2), ведущее в разделы, и наполнение этих разделов (изображения, текст, звук, видео) (рис. 3). Звуковому сопровождению была отведена роль дополнительного выразительного средства. Оно представлено хоровыми духовными произведениями П. И. Чайковского «Литургия Св. Иоанна Златоуста» («Приидите, поклонимся») и Д. С. Бортнянского «Концерты для хора» («Господи, кто обитает в жилищи Твоем»). Проработка задачи о размещении проекта внутри экспозиционного пространства музея «Разночинный Петербург» определила выбор оборудования и места установки программы (локальный компьютер с ЖК-экраном в зале с экспозицией «Разночинный Петербург»), где главными критериями послужили простота и удобство пользования презентацией в отношении как посетителей музея, так и его сотрудников.

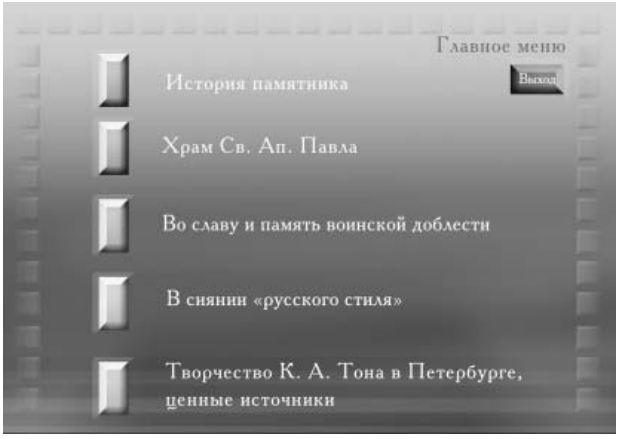


Рис. 2. Мультимедийная презентация, посвященная истории церкви Св. Мирония. Главное меню

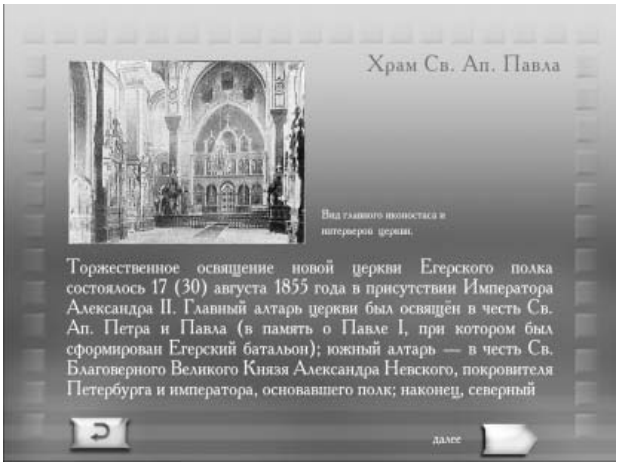


Рис. 3. Мультимедийная презентация, посвященная истории церкви Св. Мирония. Фрагмент раздела «Храм Св. Ап. Павла»

Опыт создания проекта виртуальной реконструкции церкви Св. Мирония лейб-гвардии Егерского полка позволяет говорить о данном методе как о комплексном, требующем знаний и навыков одновременно в нескольких аспектах, включая историко-теоретический (история, искусствоведение, региональная культурология, музееведение) и технический (компьютерное моделирование, графический дизайн, 3D-анимация, разработка мультимедиаприложений). Поскольку существенной особенностью создания таких проектов является умение совместить воедино несколько областей теории и практики, очевид-

но, что в данном случае музейным работникам трудно обойтись без привлечения специалистов. Следовательно, любой проект виртуальной реконструкции в музее, какие бы масштабы он ни имел, связан с необходимостью сотрудничества между специалистами музейного профиля и смежных с музейным делом профессий.

Создание виртуальных реконструкций объектов наследия – значимый фактор развития современного музея в целом. С одной стороны, работа в данной области включает исследование специфики музейной аудитории, ее потребностей; с другой стороны, более тщательное изучение памятников истории и культуры совместно с привлечением современных информационных технологий повышает уровень подготовки музейных сотрудников, развивает и обогащает их профессиональные качества, способствует налаживанию межмузейного сотрудничества.

Кроме того, изучение утраченных объектов наследия позволяет говорить о данном направлении как о культурологической проблеме, связанной с современным осмыслением музейного краеведения. Особо важным здесь необходимо признать развитие ценностных ориентаций и культурного уровня в обществе. Привлечение музеями внимания к «непарадным», малоизвестным, но не менее значимым в историческом и культурном отношении объектам наследия способствует стимулированию краеведческого движения. В свою очередь, музейная тематика проектов по сохранению утраченного культурного наследия, соединенная с передовыми компьютерными технологиями, столь востребованными в том числе и в широкой молодежной среде, помогает воспитанию и развитию в обществе потребности в сохранении своего национального достояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По нашему мнению, такое несоответствие обусловлено схематичностью и колористическим решением модели Егерской церкви, что является значительным искажением представления о данном историко-культурном объекте.

[2] Вспомним пример храма Христа Спасителя в Москве. Представители общественности полагают, что возведение многочисленных новоделов, в лучшем случае передающих внешний облик памятников, а по сути являющихся макетами в натуральную величину, бессмысленно (подробнее см. [12; 30–32]). При этом нельзя не отметить, что отношение к новоделам спорное. Существует мнение, что новоделы восстанавливают утраченные образы исторической городской застройки.

[3] РГИА. Ф. 468. Оп. 35. Д. 476, 487; Ф. 485. Оп. 2. Д. 1044; ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 102. Д. 5114.

[4] ЦГАКФФД. Гр. 78054. Д. 13178. Е. 3136, 18563 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://photoarchive.spb.ru

[5] Виртуальное пространство, где происходит построение моделей и связанных с ними дополнительных объектов – камер, источников освещения и т. п. в программе Autodesk Maya выглядит в первую очередь как одно или несколько окон с проекциями моделируемых объектов.

[6] Точные значения цвета используются в программах Adobe Photoshop и Autodesk Maya, где каждому цвету соответствует свой код и цветовой профиль, в данном случае – RGB.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добровольский К. Чествование бывшего ктитора церкви л.-гв. Егерского полка полковника С. И-ча Кутепова // Вестник Военного Духовенства. 1900. № 5. С. 151–156.
2. Жеребятьев Д. И., Кончаков Р. Б. Технологии трехмерного моделирования в ракурсе исторической информатики // Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций: Труды XI конференции Ассоциации «История и компьютер». М.; Барнаул; Томск: Изд-во МГУ, 2010. С. 145–174.
3. Инф. бюллетень Администрации Санкт-Петербурга от 4 марта 2009 г. № 7/1 (608/1). Спецвыпуск «Закон Санкт-Петербурга от 24 декабря 2008 года № 820–7 “О границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга и режимах использования земель в границах указанных зон” и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга “О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов наследия на территории Санкт-Петербурга”», п. 2.1.2-в: «Утраченные доминанты, рекомендуемые к восстановлению». СПб., 2009. С. 260–261.
4. Кутепов С. И. Главная церковная и ризничная опись церкви Св. мученика Мирона Л.-Гв. Егерского полка. СПб., 1899. 119 с.
5. Музейное дело России. 3-е изд., испр. и доп. М.: ВК, 2010. 676 с.
6. Неотвратимая классика // Квартальный надзиратель. 2005. № 35 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kn.sobaka.ru/n35/04.html
7. Описание церкви Св. Апостола Павла // Живописный сборник. СПб., 1858. Т. 5. С. 201–203.
8. Петров Г. С. Церковь лейб-гвардии Егерского полка во имя священномученика Мирона: Чтение для народа. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1896. 80 с.
9. Приказ Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры «Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» от 20.02.2001 г. [240] (с изм. на 15.03.2010) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.assembly.spb.ru/manage/page? tid=633200015&nd=8348128&nh=1
10. Проблемы воссоздания утраченных памятников архитектуры. М.: Жираф, 1998. 119 с.
11. Реституция церковного имущества в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Реституция_церковного_имущества_в_России
12. Славина Т. А. Константин Тон. Л.: Стройиздат, 1989. 151 с.
13. Церковь Лейб-гвардии Егерского полка // Воскресный досуг. 1869. № 326. С. 13–14; 1870. № 37. С. 180–181.
14. Церковь Лейб-гвардии Егерского полка // Живописная русская библиотека. 1856. Т. 1. С. 2–3.

Nikol'skiy S. A., Saint Petersburg State University of Culture and Arts (Saint Petersburg, Russian Federation)

VIRTUAL RECONSTRUCTION OF LOST HERITAGE OBJECT: ON EXAMPLE OF ST. MYRON CHURCH OF LIFE GUARD JÄGER REGIMENT

Dinamics of social and cultural processes in Russian society has increased public interest toward historical and cultural monuments. The works of religious architecture, lost in the Soviet period, are studied and restored. However, it is not always possible to restore the monuments in their physical forms. In such cases, modern information technologies help in research and presentation of the lost objects. This study is concerned with the new for both historical science and museology notion of virtual reconstruction on the example of a lost religious architectural monument. The research object included an exposition at "Raznochinnyi Peterburg" museum, which directly relates to the monument mentioned above. During the first step of the research, the project's goals and tasks were detected. The main problem consisted in the linkage of historical research results and requirements for the already formed museum and expositional structure. Descriptions and conclusions on the character and value of the heritage object are based on the information obtained from the studied historical sources: testimonials related to the life of the monument and the society's attitude toward it during different historical periods. In addition, the analysis of art criticism helped to reveal the object's typical and unique features. Together with the results of the study on existing museum exposition the project's source base was formed, as well as its end-form – a multimedia presentation, which was provided with additional means of expression. The project consists of several parts: 3D modeling, texturing, lighting and animation paths, video rendering, designing of the presentation's maquette, downloading of all materials into one file, project's demonstration directly within the museum's space. The comprehension of the research results – a computer reconstruction – speaks of the increase in the aptness of the museum exposition. The exposition has both gnoseological and educational value for young generation of museum visitors.

Key words: virtual reconstruction, religious architecture, cultural heritage, St. Myron church, Life Guard Jäger regiment, multimedia technologies in museum

REFERENCES

1. Dobrovol'skiy K. Honoring the colonel S. Kutepov, the former churchwarden of the guards Jaeger regiment church [Chestvovaniye byvshego ktitora tserkvi l-gv. Egerskogo polka polkovnika S. I-cha Kutepova]. *Vestnik Voennogo Dukhovenstva* [Journal of Military Clergy]. 1900. № 5. P. 151–156.
2. Zherebyat'ev D. I., Konchakov R. B. 3D modeling technologies in perspective of historical informatics [Tekhnologii trekhmernogo modelirovaniya v rakurse istoricheskoy informatiki]. *Krug idey: modeli i tekhnologii istoricheskikh rekonstruktsiy: Trudy XI konferentsii assotsiatsii "Istoriya i komp'yuter"* [Circle of ideas: models and technologies of historical reconstructions: Proc. of the XI conf. of association "History and computer"]. Moscow; Barnaul; Tomsk, MSU Publ., 2010. P. 145–174.
3. Inf. Byulleten' administratsii Sankt-Peterburga ot 4 marta 2009 g. № 7/1 (608/1). Spetsvypusk "Zakon Sankt-Peterburga ot 24 dekabrya 2008 goda № 820–7 "O granitsakh zon okhrany ob"ektov kul'turnogo naslediya na territorii Sankt-Peterburga i rezhimakh ispol'zovaniya zemel' v granitsakh ukazannykh zon i o vnesenii izmeneniy v zakon Sankt-Peterburga "O general'nom plane Sankt-Peterburga i granitsakh zon okhrany ob"ektov naslediya na territorii Sankt-Peterburga", p. 2.1.2-V: "Untrachennye dominanty, rekomenduemye k vosstanovleniyu". St. Petersburg, 2009. P. 260–261.
4. Kutepov S. I. *Glavnaya tserkovnaya i riznichnaya opis' tserkvi Sv. Muchenika Mirona L.-Gv. Yegerskogo polka* [The main church and sacristy inventory of the Saint Martyr Myron Life Guards Jaeger Regiment church]. St. Petersburg, 1899. 119 p.
5. *Muzeynoe delo Rossii* [Museum business of Russia]. Moscow, VK Publ., 2010. 676 p.
6. Inevitable classics [Neotvratimaya klassika]. *Kvartal'nyy nadziratel'* [The quarter warden]. 2005. № 35. Available at: http://kn.sobaka.ru/n35/04.html
7. *Opisanie tserkvi Sv. Apostola Pavla* [Description of the St. Apostle Paul Church]. *Zhivopisnyy sbornik* [The Pictorial Compendium]. St. Petersburg, 1858. Vol. 5. P. 201–203.
8. Petrov G. S. *Tserkov' leyb-gvardii Egerskogo polka vo imya svyashchennomuchenika Mirona: Chteniye dlya naroda* [Life Guards Jaeger regiment church in the name of St. Martyr Myron: A reading for the nation]. St. Petersburg, Tip. E. Evdokimova, 1896. 80 p.
9. Prikaz Komiteta po gosudarstvennomu kontrolyu, ispol'zovaniyu i okhrane pamyatnikov istorii i kul'tury "Ob utverzhdenii spiska vnov' vyyavlennykh ob"ektov, predstavlyayushchikh istoricheskuyu, nauchnuyu, khudozhestvennuyu ili inuyu tsennost'" ot 20.02.2001 [240] (s izm. na 15.03.2010). Available at: http://www.assembly.spb.ru/manage/page?tid=633200015&nd=8348128&nh=1
10. *Problemy vossozdaniya utrachennykh pamyatnikov arkhitektury* [The problems of lost architectural monuments' restoration]. Moscow, Zhiraf Publ., 1998. 119 p.
11. *Restitutsiya tserkovnogo imushchestva v Rossii* [Church property restitution in Russia]. Available at: http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Реституция_церковного_имущества_в_России
12. Slavina T. A. *Konstantin Ton* [Konstantin Ton]. Leningrad, Stroyizdat Publ., 1989. 151 p.
13. Life Guards Jaeger regiment church [Tserkov' Leyb-gvardii Yegerskogo polka]. *Voskresnyy dosug* [Sunday Leisure]. 1869. № 326. P. 13–14; 1870. № 37. P. 180–181.
14. Life Guards Jaeger regiment church [Tserkov' Leyb-gvardii Yegerskogo polka]. *Zhivopisnaya russkaya biblioteka* [Pictorial Russian Library]. 1856. Vol. 1. P. 2–3.

Поступила в редакцию 11.03.2012

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Педагогика** **2013**

УДК 378.147:004

АНАТОЛИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ГАВРИКОВ
кандидат технических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой информационных технологий и систем отделения информатики Института электронных и информационных систем, президент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Российская Федерация)
Anatoly.Gavrikov@novsu.ru

ТАМАРА АРКАДЬЕВНА ЛИСИЦЫНА
доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Российская Федерация)
Tamara.Lisitsyna@novsu.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОНТЕНТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОБЛАЧНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Представлен анализ технологических и методических решений, направленных на оптимизацию применения «облачных» сервисов в формировании предметного содержания, используемого в образовательном процессе вуза. Охарактеризованы параметры, которые целесообразно учитывать при создании контента: виды образовательной деятельности, категории пользователей, организационные принципы формирования, инфраструктурная схема, тип облачной платформы, предметно ориентированные ресурсы, дидактические требования, методическая база, формы размещения в Интернете, технологии представления в учебном процессе и управления. Отмечены позитивные тенденции в изменении качества информационно-коммуникационной среды вуза в результате использования облачных сервисов: возрастание роли социальных сетей в образовательном процессе, активизация сотрудничества при наполнении контента, реализация индивидуальных пользовательских стратегий обучения. Предложены способы решения проблемных вопросов управления контентом: универсализация подходов к созданию локальных ресурсных баз, выявление дидактических и когнитивных возможностей облачных сервисов, разработка методологии их применения. Перспективы применения облачных сервисов в данной сфере связаны с детальной проработкой моделей интегрирования информационно-образовательных ресурсов, созданием правил обмена ими, а также развертыванием алгоритмов взаимодействия субъектов образовательного процесса с учетом дифференцированного пользовательского спроса.

Ключевые слова: облачные технологии, образовательный контент, электронные ресурсы, онлайн-сервис, открытое образование, пользовательский опыт

Проблема интенсивного внедрения в российскую интеллектуальную среду информационно-коммуникационных технологий в общем виде давно поставлена: насущной потребностью является ее увязка с важнейшими научно-образовательными и учебно-прикладными задачами инновационного развития. Включение этой обязательной позиции в программные нормативные документы российских вузов лишь обнажает остроту общей нерешенной задачи – повышение эффективности работы по достижению запланированного результата [5]. Практикуемые формы и способы решения задачи создания единой информационно-коммуникационной среды в вузах обнаруживают возрастающую потребность в использовании облачных технологий в качестве ведущего инструмента информатизации высшего образования. Необходимость создания облачной платформы особенно проявляется при формировании контента инновационных научно-образовательных программ как базы клиент-ориентированной сервисной инфраструктуры вузов: к погружению в облака пользователей побуждают стремительный рост объемов специальной информации, необходимой для усвоения и критического осмысления, и усложнение ее структуры.

Ведущие тренды в реформировании образовательной системы на современном этапе связаны с созданием условий для внедрения модели образования в течение всей жизни, оптимизацией системы дистанционного обучения и введением принципов открытого образования. Предпосылочной базой успешной реализации задач по реформированию образования является создание единого сетевого банка научно-образовательных и культурно-просветительских ресурсов. В России разработки ключевого мегапроекта XXI века на сегодняшнем этапе апробации подходов и накопления экспериментального опыта разрозненны и эклектичны, а фрагменты будущей единой интеллектуально-образовательной сети разнока-

© Гавриков А. Л., Лисицына Т. А., 2013

чественны и атомарны. Типичными недостатками имеющихся локальных баз знаний являются: а) ограниченность доступа для профильных пользователей; б) неэффективность использования в информационно-знаниевой реальности и профессиональных средах; в) информационная перегруженность из-за неотслеженного дублирования ресурсных данных. В этих условиях встает задача универсализации подходов к созданию локальных ресурсных баз для облегчения их объединения в ближайшей перспективе. Ее целесообразно решать с учетом динамики качества пользовательской среды, которая остается малоизученной. Мониторинг клиентского спроса и оценка опыта разных категорий пользователей все чаще становятся основой менеджерских решений в сфере управления образовательным контентом – в рамках перехода от традиционной информационной инфраструктуры вуза к клиент-ориентированным облачным сервисам.

Облачные технологии позволяют знаниям преодолевать географические, социальные барьеры и доставляют пользователям научно-образовательную информацию наиболее экономичным и надежным способом. Между тем задача технологической организации эффективного использования интернет-ресурсов для создания качественных информационно-коммуникационных структур в образовательных практиках российских вузов системно пока не решена. Несмотря на то что использование облачных сервисов в образовании развивается нарастающими темпами, предстоит приложить немало усилий для выявления локально-предметных возможностей облачных технологий с целью их широкого внедрения в практики развития социального интеллекта. Педагогическая инноватика во многих лидирующих отраслях знаний основывается на облачных вычислениях – при этом нам не хватает сведений о методологии применения, дидактических и когнитивных возможностях облачных технологий для успешного участия в мировых образовательных трендах. Совершенствование методик и технологий использования облачных ресурсов в российском образовании требует развертывания экспериментальной базы, интенсивного обмена мнениями и опытом применения. Предлагаемая статья является попыткой конструктивного участия в этом процессе.

Облачные технологии (англ. cloud computing) представляют собой распределенную обработку данных на базе интернет-сервиса и предоставление услуг по требованию. Появившись в ответ на потребности бизнеса и сферы обслуживания на исходе XX века, облачные вычисления в течение нескольких десятилетий превратились в самую перспективную стратегическую технологию социального будущего. Из трех базовых моделей облаков вузами используются преимущественно «программное обеспечение как сервис» (SaaS), а также «инфраструктура как сервис» (IaaS). В российском образовании получают распространение системы управления обучением на основе платформ Windows Azure in education, Moodle, WebCT, E-Learning Server, Прометей и др., пользуется спросом пакет программ Microsoft Learning Suite, расширяется использование облачного продукта Microsoft Office 365. Наиболее популярные в образовательных практиках системы облачных сервисов – Microsoft Live@edu и Google Apps Education Edition – являются инструментами повышения эффективности общения и совместной работы, т. е. служат целям социальной кооперации [2], [8].

Опытно-экспериментальная работа, проведенная специалистами НовГУ в рамках программ дополнительного вузовского и послевузовского лингвистического образования для базовых специальностей всех направлений, подтвердила, что структурно-функциональное воплощение идеи создания образовательного контента на основе облачных технологий предполагает сотрудничество субъектов образовательного процесса на трех стадиях – подготовки, моделирования и практической апробации [1]. Подготовительный этап реализуется при изучении отдельных дисциплин учебного плана в виде приобретения теоретических знаний, ценностных ориентаций, сформированности коммуникативно-прикладных умений совместного обучения. На этапе моделирования накапливается практический опыт применения облачных технологий в процессе *со*-участия в формировании образовательного контента дисциплин и управления им для решения конкретных профессиональных задач. Практико-ориентированный этап нацелен на реализацию индивидуальных стратегий образовательной деятельности с использованием облачных технологий в режиме самоорганизации, диалога и обратной связи.

Образовательный контент формируется с учетом основных видов образовательной деятельности (базовая и дополнительная подготовка, переподготовка, консультирование, повышение квалификации) и категорий пользователей (абитуриенты, студенты, аспиранты, специалисты, сотрудники, кадры предприятий). Инфраструктура образовательного контента и технология управления им отражают методологию видения учебного процесса, а информационное наполнение и возможности сервисов определяют качество виртуальной информационно-коммуникационной среды вуза. Поэтому установки на формирование единого образовательного пространства, подходов к обучению и языка общения, обеспечение преемственности внутривузовского опыта управления знаниями, развитие современной корпоративной культуры вуза являются превентивным фоном для соз-

дания образовательного контента. Основные дидактические требования к образовательному контенту отражены в трех характеристиках: 1) соответствие активной модели обучения; 2) обеспечение сопровождения и поддержки текущей самостоятельной работы студентов по освоению дисциплин учебного плана; 3) возможность индивидуализации содержательной инфраструктуры отдельной дисциплины и алгоритма ее освоения. Методическая база формирования образовательного контента дисциплины обязательно включает гибкий алгоритм комплектации содержания, тренажер для итерации и самоконтроля, систему мониторинга за усвоением содержания.

Организационные принципы формирования образовательного контента определяются идеологией коммуницирования: 1. Облачные технологии стимулируют практическое взаимодействие профессионалов в процессе решения актуальных вопросов формирования, пополнения и корректировки базовых блоков образовательного контента каждой отдельной дисциплины: тематически организованного содержания (знаний), типов поэтапных заданий с образцами, тренинг-пула для текущего самоконтроля, перечня проблемных задач, набора методических рекомендаций и консультационных материалов, алгоритма обратной связи. 2. Использование облачных технологий в диалоговом сотрудничестве представителей разных предметных областей позволяет активизировать междисциплинарные связи и исследования, облегчая доступ к информационным ресурсам Google Арт-проект, мультимедийным сервисам Google Планета Земля и National Geographics. Активная визуальная поддержка базового вербально-текстового образовательного контента, представленного в электронных учебниках и пособиях по дисциплинам, как правило, устраняет когнитивно-стилевой дискомфорт, возникающий у пользователя при переходе от традиционных форм фиксации учебного содержания к стремительно размножившимся и широко доступным онлайн-видео и мультимедиа, YouTube, вики-ресурсам, е-библиотекам и т. п. 3. Возрастает роль партнерского сотрудничества преподавателей вузов, специалистов в области информатики и работников научных библиотек в решении задачи создания предметно-ориентированных электронных ресурсов языка образования – при поиске, обработке и вводе профильных ресурсов в общедоступные электронные базы, их оценке и разработке оптимальных методик использования в учебном процессе.

Основу образовательного контента составляет облачное хранилище данных – модель онлайн-хранилища в Интернете. Для структурирования базового хранилища учебной информации можно использовать корпоративную систему управления контентом Alfresco для платформ Microsoft Windows, MacOS и GNU/Linux с открытым кодом. Основные преимущества данной системы определяются возможностью обновления в режиме «до востребования»: это касается мобильности виртуальных файловых систем (вплоть до полной замены папок в локальной сети), легкого и быстрого поиска, наличия общего пространства для групповой работы пользователей, безопасности и защищенности базы данных. Сочетание операциональной системы CentOS и технологии Ovirt при создании частного виртуального облака дает серверу комплекс преимуществ: простота установки, надежность, легкость управления, высокая масштабируемость. Возможность кооперации данных с нескольких машин в одном массиве хранения (едином хранилище) в наибольшей степени отвечает практике создания образовательных контентов, при которой каждый предмет располагается на отдельной виртуальной машине, а смежные предметы могут использовать один источник информации. Такое размещение ресурсов удобно при постоянно изменяющейся учебной программе. Клиентское приложение содержит специальное программное обеспечение для проведения семинаров, трансляции лекций, тестирования [6]. Реализация эффективных инновационных технологий представления контента в учебном процессе основывается на расширении электронных форм обучения, изменении роли вузовских библиотек и обновлении моделей информатизации вузов. Выбор в качестве базовой платформы электронного обучения системы MOODLE (модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая среда) обусловлен преимущественно открытым кодом платформы, свободной лицензией и широким выбором баз данных.

Предметно-ориентированные ресурсы образовательного контента – конспекты лекций, учебные примеры, контрольные вопросы и задания, списки литературы, каталог аннотированных интернет-ссылок – должны отвечать требованиям открытости, пополняемости и системной мобильности. Эти необходимые характеристики обеспечиваются применением облачных технологий как механизма информационной и методической поддержки виртуальной учебной среды. Образовательный контент создается как распределенная база знаний, которая обеспечит накопление электронных средств обучения и информационных образовательных ресурсов, организацию их согласованного и эффективного использования всеми участниками образовательного процесса. Учебно-методические комплексы (УМК) как наиболее распространенная форма представления образовательного контента создаются на базе простого интерфейса с учетом требований универсальности, инвариантности, функциональности. Электронный учебный

контент является частью УМК дисциплины, связанной с ним системой информационных ссылок. Создание названных комплексов, имеющих модульную инфраструктуру, предполагает наполнение учебно-научными, справочными материалами и системой поддержки электронных библиотечных систем, коллекций и других информационных материалов, находящихся в открытом доступе в глобальной сети. Размещенный в хранилище контент постоянно обновляется и совершенствуется экспертами, проходит аттестацию на методических советах. Пользователю может быть предоставлен сервис обработки запроса через приложение «личный кабинет» и произведен поиск одновременно в нескольких электронных библиотечных системах. Для общего доступа к учебным ресурсам используется система управления контентом – программное обеспечение, позволяющее самостоятельно размещать и изменять опубликованную на сайте информацию. Среди популярных программных решений, используемых для управления контентом, такие CMS-системы, как DLE, Drupal, Joomla, Wordpress, Plone и др. [7].

Накопление критической массы образовательного контента, нуждающегося в инновационном мобильном механизме конвертации, вкупе с повышением уровня ИТ-компетенции участников образовательного процесса стало причиной расширения онлайн-образования. Пользователям во всех уголках мира предлагаются онлайн-версии пакетов образовательных программ, наполнение которых определяется комфортностью усвоения информации. Интерактивный контент обладает возможностями установления различных форм взаимодействия пользователя с электронным образовательным контентом: манипулирование экранными объектами, линейная и иерархическая навигация, контекстно-зависимые справки, конструктивное и рефлексивное взаимодействие, имитационное моделирование и т. д. Размещая в облаке авторские онлайн-версии учебных курсов, специалисты сегодняшнего поколения участвуют в создании глобальной сети образования грядущего информационного общества. Аналогичный опыт реализован во множестве версий: в межвузовском проекте онлайн-образования Coursera; в рамках проекта Inigral, предлагающего разработки программ для Facebook, ориентированных на образовательную деятельность. Использование технологий Knewton позволяет каждому пользователю формировать индивидуальный рабочий план на основе нескольких параметров, важнейшим среди них является возможность оценки учебных материалов по развернутой критериальной шкале из 1000 характеристик и получения рекомендаций работы с содержанием. Проект Udemy оправдал себя как инструмент для создания авторских учебных онлайн-курсов по основам бизнеса, дизайну, искусству, математике и другим дисциплинам. Интерактивные курсы дисциплин можно разрабатывать в среде программы PowerPoint для использования в Сети.

Широко востребованной формой размещения образовательного контента в Интернете стали «массовые открытые дистанционные курсы» (Massive open on-line courses): узлами внешней сети являются библиотеки, журналы, сайты, книги, базы данных или любые другие источники информации, а пользователями – клиенты со всего мира. Подобные сервисные структуры наглядно демонстрируют изменения в подходах, вызванные применением облачных технологий, к взаимодействию с конечным пользователем в образовании. Новые подходы основаны на принципах конструктивизма либо коннективизма. Пользователи получают возможность выстроить индивидуальную траекторию участия в проекте с учетом стартовых знаний и навыков, а также объединиться в сообщества на основе общих интересов. Студенты могут размещать информацию в личных блогах, портфолио, на веб-сайтах, в «Твиттере», виртуальных мирах и т. д., объединять ее можно с помощью RSS-каналов, агрегаторов [3]. Для этого каждому пользователю нужна сформированная персональная учебная среда как инструмент реализации собственных образовательных целей и потребностей (в виде рабочего стола или личного кабинета): средствами ее организации являются по преимуществу облачные социальные сервисы, например среда Symbaloo или Evernote [4].

Основные тенденции развития информационных хранилищ учебного контента вузов вытекают из превалирующего отношения к Интернету как эффективному рабочему инструменту в руках пользователя и связаны прежде всего с обеспечением нового уровня сервисных предложений потребителю, например сокращением подготовительной поисковой стадии и сосредоточением на интенсивной переработке и творческом использовании данных. Поэтому технологические и организационные процедуры для пользователей нацелены на обеспечение управления образовательным контентом через демонстрацию специфики спроса: мониторинг качества пользовательского опыта ведет к корректировке содержания и инфраструктуры ресурса, учет динамики спроса – к изменению предложения в области профильно-ориентированных ресурсов. При проектировании облачно-ориентированной образовательной среды целесообразно использовать гибридную сервисную модель ее структуры. Каждый пользователь получает возможность обратиться к тематическим разделам образовательного контента, которые в большей степени соответствуют специфическим особенностям его мышления и восприятия, а также создавать наиболее приемлемые для успешного

освоения и творческой переработки конфигурации дисциплинарного материала.

Ключевые характеристики облачных технологий (самообслуживание по требованию, универсальный доступ к сети; группирование ресурсов, гибкость и др.) значительно расширяют возможности пользователей в сфере получения услуг. Степень доступности увеличивается за счет того, что данные сервисы могут поддерживаться разными по классу устройствами – от персональных компьютеров до мобильных телефонов. Такие технологические параметры согласуются с главными принципами открытого образования: свобода выбора, инвариантность обучения, независимость от времени, экстерриториальность, интернационализация, экономичность, мобильность, равенство доступа. Будучи мощным инструментом открытого образования, сетевые облака открывают новые образовательные возможности для тех, кто не в состоянии обучаться традиционным способом в силу разных причин. Помогая реализовать на практике модель личностно ориентированного образования, облачные технологии создают благоприятные условия для раскрытия индивидуальных способностей каждого. Вместе с тем мотивы выбора пользователями индивидуальных траекторий обучения на базе облачных технологий также влияют на конфигурацию образовательного контента и динамику его развития.

Хотя в процессе создания образовательного контента технологичность решений превалирует над исчерпанностью содержательной репрезентации, не следует забывать о том, что создаваемый образовательный продукт должен не только помогать становлению профессионала, но также содействовать воспитанию и разностороннему творческому развитию личности современного студента. Обеспечивая свободу выбора индивидуальной образовательной траектории, облачные технологии оптимизируют неформальное обучение, развивающее рефлексию, повышающее внутреннюю мотивацию, академическую инициативу и авторскую активность в метапредметном поле, совершенствуя коммуникативную готовность и навыки критического мышления. В работе с таким образовательным контентом требуются уверенность поведения в новых ситуациях, готовность к нестандартным решениям, функциональная гибкость, динамичность.

В числе подтвержденных опытом дидактических преимуществ облачных технологий: интенсивное обновление образовательного контента, тренинг лидерских качеств и развитие индивидуальной творческой инициативы, практика самоорганизации в новых пространственно-временных условиях, алгоритмизация достижения цели с использованием механизмов мониторинга и контроля – главным является организация совместной научно-образовательной деятельности сообществ. Возможность привлечения к созданию образовательного контента профессионалов, заинтересованных в творческом сотрудничестве, реализуется сегодня в социальных сетях на базе технологий Web 2.0: комфортность их применения состоит в том, что они позволяют пользователям активно участвовать в формировании сетевого контента, открывая возможности для выстраивания индивидуальных траекторий обучения. Использование социальных сетей членами профессионального сообщества, совместно работающими над созданием единого учебного продукта, позволяет им находиться в постоянном контакте в режиме онлайн: обсуждать проблемные вопросы, обмениваться мнениями, делиться личным опытом, корректировать промежуточные результаты, оптимизировать пользование плодами совместного труда в учебном процессе.

Использование социальных сетей превращает обучение в важную форму приобретения социального опыта. Наиболее распространенными разновидностями социальных сервисов, возможности использования которых в образовании на сегодня еще не исчерпаны, являются: общие хранилища закладок, интернет-дневники (блоги), сервисы для хранения мультимедийных ресурсов, вики, твиттеры, карты знаний. Их интенсивное использование значительно упрощает и ускоряет работу по созданию собственных электронных учебных материалов, оптимизирует поиск и адаптацию уже существующих цифровых образовательных ресурсов к индивидуальным требованиям пользователя.

Активно формирующаяся в Интернете модель открытого образования предполагает новые требования к его содержанию, которое должно иметь черты опережающего обучения, инновационно-проективный характер, учитывать интегративность развития современной науки, формировать модели будущего на принципах собственной креативности, экологической культуры, толерантности. Открытое образование имеет более сложную структуру и философско-методологическую базу: основу образовательного процесса здесь составляет целеустремленная, контролируемая, интенсивная самостоятельная работа студентов. При этом они могут выбирать место обучения, график, используемый методический пакет, согласовывать способы контактов с преподавателем и другими студентами. Модель открытого образования выступает социальным тренажером для нового поколения специалистов, профессиональная деятельность которых реализуется в условиях грядущего информационного общества.

Анализ личного и коллегиального научно-педагогического опыта и результаты академических практик в разнопрофильных вузовских средах свидетельствуют о том, что для развора-

чивания и использования облачных технологий в вузах необходимо учитывать особенности облачной архитектуры и специфические категории пользователей, а также перестраивать под облачные технологии инфраструктуру управления и процедуры операционного менеджмента. Перспективы внедрения облачных технологий для решения информационно-образовательных задач вузов связаны с детальной проработкой моделей интегрирования наличных информационно-образовательных ресурсов в облако, созданием правил обмена информационными ресурсами между участниками облака, а также развертыванием алгоритмов взаимодействия субъектов образовательного процесса с учетом дифференцированного пользовательского спроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гавриков А. Л., Лисицына Т. А. Языковое образование – инструмент модернизации вузов // Альма-матер: Вестник высшей школы. 2011. № 11. С. 83–88.
2. Гребнев Е. Облака: от старых технологий к широким перспективам. 20.05.2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cloud.cnews.ru/reviews/index.shtml?2011/05/20/440918
3. Кухаренко В. Н. Инновации в e-Learning: массовый открытый дистанционный курс // Высшее образование в России. 2011. № 10. С. 93–99.
4. Насакин Р. 10 подсказок преподавателям по использованию Evernote от коллеги. 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://blog.evernote.com/ru/2011/01/18/10-tips-for-teachers-using-evernote-education-series/
5. Образование для инновационных обществ в XXI веке. Санкт-Петербург, 16 июля 2006 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://g8russia.ru/docs/12.html
6. Риз Дж. Облачные вычисления: Пер. с англ. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 288 с.
7. Сравнение и краткий анализ некоторых распространенных систем управления контентом // ECIT (Electronic Commercial Internet Technologie). Тамбов, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ec-it.ru/content/info/Sravnenie-i-kratkij-analiz-nekotoryh-rasprostranjonnyh-sistem-upravlenija-kontentom.html
8. The NIST Definition of Cloud Computing: Recommendations of the National Institute of Standards and Technology. Available at: http://csrc.nist.gov/publications/nistpubs/800-145/SP800-145.pdf

---

Gavrikov A. L., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod, Russian Federation)
Lisitsyna T. A., Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod, Russian Federation)

EDUCATIONAL CONTENT DEVELOPMENT BASED ON CLOUD TECHNOLOGIES EMPLOYMENT

The analysis of technological and methodological decisions aimed to optimize cloud services' application in development of the subject content studied at higher educational institutions is presented. Parameters for effective content development are described: types of educational activity, categories of users, organizational principles, infrastructural charts, types of cloud platforms, subject-oriented resources, didactic requirements, methodological foundations, forms of placement on the internet, technology of introduction during educational process and management. As a result of using cloud technologies positive changes in the quality of information and communication environment were registered: growth of the social networks' role in the educational process, activation of collaboration during content development process, realization of individual user strategies of teaching. The methods solving the problem of content management are offered: universal approach to local database development, definition of didactic and cognitive possibilities of cloud services, development of application methodology. The prospects of cloud services' application in the field of education depend upon detailed elaboration of the models integrating informative and educational resources, creation of the exchange rules, and development of co-operation algorithms involving all subjects of educational process. Differentiated user demands should also be taken into account in the process of cloud technologies' application.

Key words: cloud computing, educational content, electronic resources, on-line-service, open education, user experience

REFERENCES

1. Gavrikov A. L., Lisitsyna T. A. Language education is an instrument of modernization of higher institutions [Yazykovoe obrazovaniye – instrument modernizatsyi vuzov]. *Alma mater: Vestnik vysshey shkoly* [Alma-mater: Ve Announcer of higher school]. 2011. № 11. P. 83–88.
2. Grebnev E. *Oblaka: ot starykh tekhnologiy k shyrokim perspektivam* [Clouds: from old technologies to the wide prospects]. 20.05.2011. Available at: http://www.cnews.ru/reviews/index.shtml?2011/05/20/440918
3. Kukharenko V. Massive open on-line course [Innovatsii v e-Learning: massovyi otkrytyi distantsionnyi kurs]. *Vysshee obrazovaniye v Rossii* [Higher education in Russia]. 2011. № 10. P. 93–99.
4. Nasakin R. *10 podskazok prepodavatelya po ispol'zovaniyu Evernote ot kollegi. 2011* [10 prompts to the teachers on the use of Evernote from a colleague. 2011]. Available at: http://blog.evernote.com/ru/2011/01/18/10-tips-for-teachers-using-evernote-education-series/
5. *Obrazovaniye dlya innovatsyonnykh obshchestv v XXI veke. Sankt-Peterburg, 16 iyulya 2006 goda* [Education for innovative societies of the XXI century. St.-Petersburg, 16 July 2006]. Available at: http://g8russia.ru/docs/12.html
6. Riz Dzh. Cloud Application Architectures [*Oblachnye vychisleniya*]. St.-Petersburg, BKHV-Peterburg Publ., 2011. 288 p.
7. *Sravneniye i kratkiy analiz nekotorykh rasprostranyennykh system upravleniya kontentom* [Comparison and short analysis of some widespread control systems by content]. *ECIT (Electronic Commercial Internet Technologie)*. Tambov, 2012. Available at: http://ec-it.ru/content/info/Sravnenie-i-kratkij-analiz-nekotoryh-rasprostranjonnyh-sistem-upravlenija-kontentom.html
8. The NIST Definition of Cloud Computing: Recommendations of the National Institute of Standards and Technology. Available at: http://csrc.nist.gov/publications/nistpubs/800-145/SP800-145.pdf

Поступила в редакцию 21.10.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Педагогика** **2013**

УДК 372.8

НАТАЛИЯ КОНСТАНТИНОВНА ДМИТРИЕВА
старший преподаватель кафедры иностранных языков естественно-технических направлений и специальностей Института иностранных языков, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
nataliadmitrie@yandex.ru

EXPERIMENTAL RESULTS ON ACADEMIC MOBILITY DEVELOPMENT IN UNIVERSITY STUDENTS IN PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION*

The goal of the article is to present and analyze experimental results of the three stage experimental study aimed to substantiate effectiveness of the introduced modified project technology targeting development of academic mobility in university students in the process of professionally oriented foreign language acquisition. Academic mobility of university students is understood as a dynamic, integral personal quality consisting of a number of interrelated and interdependent components. The studied quality is essential in adaptation to a dynamic variety of the changing environment inclusive of educational and professional areas. Academic mobility is developed in the process of mastering professionally oriented foreign language. A modified project technology is employed to realize the three-tiered goal of the learning process: to develop foreign language competency, to enhance independent study skills, and to establish and strengthen academic mobility as a personal quality. Results of the experiment, presented in the article, validate our hypothesis concerning effectiveness of the project technology and the set of pedagogical conditions necessary and sufficient for academic mobility development in university students.

Key words: academic mobility, integral personal quality, interrelated components, modified project technology, language acquisition

Integration of the Russian higher education system into the single European Higher Education Area has exposed the pivotal need for students' academic mobility development essential for the system's external competitiveness and attractiveness. The category of "academic mobility" is viewed by the reformers of the Russian and European educational systems as a factor and an instrument facilitative in their enhancement and promotion. According to the statements of some representatives of the European educational community, academic mobility is understood as a social phenomenon expressed in free access to recognized centers of knowledge for the purpose of new knowledge acquisition and professional competency development [12].

To become a beneficiary of arising opportunities a person needs to develop particular qualities that would enable him or her to practice academic mobility on all its levels and enjoy the benefits of new academic and professional environment. Therefore, a number of national and foreign researchers approach academic mobility as an integral personal quality essential for comfortable adaptation to a dynamic variety of the changing environment inclusive of academic and professional settings.

One of the characteristic features of the academically mobile person is his ability to communicate and cooperate in a foreign language (predominantly English) in order to solve challenging issues and pressing problems, transfer and produce advanced knowledge. Personal qualities and characteristics develop in the process of active engagement and goal oriented education. Therefore, it is reasonable to suggest that development of academic mobility as a personal quality should be incorporated into the process of foreign language teaching targeting enhancement of communicative language competence and become one of the goals of foreign language teaching and learning.

The challenge of bringing up academically mobile individuals was laid upon universities as centers of knowledge and research. In the course of our research aimed at academic mobility development in university students it was found out that: 1) academic mobility development is not considered one of the goals of the foreign language teaching at the university; 2) most of the students have a rather segmented understanding of what academic mobility as a personal quality is; 3) in the process of foreign language teaching the potential of pedagogical technologies is not sufficiently used for enhancement and development of human qualities.

A thorough analysis of scientific, research, pedagogical and methodological literature; existing practices of teaching English helped to reveal a number of contradictions: 1) between objective demand of the society for academically mobile graduates and insufficient research and development of theoretical and methodological foundations necessary for their training; 2) between renewed content of the foreign language education and traditional, subject-oriented language teaching; 3) between significance of the academic mobility development and incomplete elaboration of education environment facilitative in its enhancement; 4) between high potential of pedagogical technologies and their insignificant use in the process of language teaching for the purpose of human qualities' development.

© Дмитриева Н. К., 2013

To solve the problem of academic mobility development we had to resolve a number of tasks: substantiate our definition of the studied personal quality; identify and substantiate component structure of academic mobility as an integral personal quality; reveal pedagogical conditions necessary for its establishment.

We understand academic mobility as a personal integral quality developed in educational environment. The quality is presented by a dynamic condition of its interrelated and interdependent components and is instrumental in adaptation to new environment, subsequent inner alteration, and further personal growth of the individual.

Having conducted comparative analysis of different types of mobilities (social, socio-professional, socio-cultural, professional, and pedagogical) [2], [4], [6], [7], [11] and personality structure [9] we identified the following interrelated and interdepended components making up academic mobility as a personal quality: value-based, cognitive, task-oriented, and reflexive-assessment components with corresponding determiners: motivation of affiliation, motivation of success; ability and readiness to use foreign language in professional and social settings; founded on tolerance ability to work in teams; ability and readiness to assess results of personal work critically. We have also defined and described each level (low. middle and high) of every component using existing practices and test materials [1], [3], [5], [8], [10], [13], 14].

We have revealed and substantiated that the following set of pedagogical conditions is facilitative in the establishment and promotion of academic mobility as a personal integral quality: integration of the competence-based, task-oriented and student-centered approaches; orientation on a complex development of key and professional competences targeted in the process of professionally-oriented language teaching; establishment of the context environment in the process of professionally-oriented foreign language teaching; provision of differential and advanced teaching when dealing with professionally significant topics and problems; use of interactive methods of teaching.

Realization of the set of the above-mentioned pedagogical conditions for the purpose of academic mobility development is achieved by the employment of the modified project technology, which is grounded on the principles of the competence, student-centered, and context based approaches by this achieving evolvement of personal qualities necessary for academic mobility establishment.

The suggested modified project technology consists of five consecutive steps aimed at the enhancement and development of each component of the targeted quality and quality as a whole entity. The modified technology is characterized by the three-tiered goal (enhancement of independent study skills instrumental in solving problems of social and professional character, development of the foreign language competence, and academic mobility establishment); use of interactive methods of teaching; regular personal assessments; authentic professionally-oriented situations based on social and professional problems of personal significance.

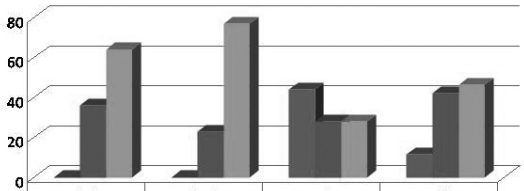
Dynamics of academic mobility components' development

Levels of development	Number of students		%		Number of students		%	
	before	after	before	after	before	after	before	after
Dynamics of "motivation of success" development								
High	7	20	28 %	80 %	4	8	15,3 %	30,75 %
Middle	12	4	48 %	16 %	14	9	53,8 %	34,6 %
Low	6	1	24 %	4 %	8	9	30,75 %	34,6 %
Dynamics of "motivation of affiliation" development								
High	5	13	20 %	52 %	6	7	23 %	26,9 %
Middle	13	11	52 %	44 %	12	13	46,2 %	50 %
Low	7	1	28 %	4 %	8	6	30,75 %	23,1 %
Dynamics of communicative competency development								
High	0	11	0 %	44 %	0	3	0 %	11,6 %
Middle	13	11	52 %	44 %	12	15	46,2 %	57,6 %
Low	12	3	48 %	12 %	14	8	53,8 %	30,75 %
Dynamics of independent study skills' development								
High	4	11	16 %	44 %	3	4	11,6 %	15,5 %
Middle	15	12	60 %	48 %	18	19	69,2 %	73 %
Low	6	2	24 %	8 %	5	3	19,2 %	11,5 %
Dynamics of team work skills' development								
High	4	10	16 %	40 %	3	5	11,6 %	19,2 %
Middle	15	14	60 %	56 %	16	16	61,5 %	61,5 %
Low	6	1	24 %	4 %	7	5	26,9 %	19,2 %
Dynamics of critical and assessment skills' development								
High	2	11	8 %	44 %	1	3	3,8 %	11,6 %
Middle	13	11	52 %	44 %	13	14	50 %	53,8 %
Low	10	3	40 %	12 %	12	9	46,2 %	34,6 %

Establishment and enhancement of academic mobility is a purposeful, task-oriented, endemic, and managed process of gradual and integrated evolution of all components making up academic mobility as a personal quality in unity. Having analyzed the works of the foreign and national researchers pertaining component structure of human qualities (inclusive of different types of mobility) [3], [9], [14] and levels of their development, we have defined three stages of academic mobility development in students: 1) Advanced level – when all components of academic mobility or most of them have high level of development; 2) Intermediate level – when all components or half of them have middle level of development; 3) Elementary level – when one of the components has a low level of development.

To test and verify our hypothesis concerning effective development of academic mobility in university students in the process of professionally-oriented foreign language teaching, which incorporates the use of the suggested modified project-based technology, we conducted an experiment.

The experiment was carried out at Petrozavodsk State University in 2010–2013 among students of Civil Engineering Faculty and consisted of three consecutive steps (background research, hypothesis construction, hypothesis testing and data analysis). The total amount of students involved in the experiment numbers 213 students, including 25 students in the experimental group (EG) and 26 students in the control group (CG). In the process of the experiment, teaching of professionally-oriented foreign language aimed at academic mobility (as a personal quality) development was conducted in CG with the use of traditional methods of teaching, in EG – with the employment of suggested modified project technology. We defined and compared the levels of academic mobility components' development: value based component ("motivation of affiliation" and "motivation of success"); cognitive component (foreign language communicative competence); task-oriented component (independent study skills, team work skills); reflexive-assessment component (critical thinking and assessment skills) in both groups (EG and CG) twice: at the initial and final stages of the experiment. The obtained results on academic mobility components development are presented in table. At the end of the experiment, when analyzing academic mobility components' development, it was revealed that students in both groups (EG and CG) demonstrate positive evolution of cognitive and reflexive-assessment components, though development dynamics of the mentioned components is much higher in student of EG: 44 % against 11,6 % in students of CG, which in turn speaks of a higher level of academic mobility development. The level of "motivation of success" has decreased in some CG students: 30,7 % against 34,6 % (low level) and does not have the same evident dynamics as in EG students. Dynamics of "motivation of affiliation", independent study skills, and team work skills' development has positive evolution in both groups, though students from EG demonstrate higher levels of the mentioned components. Considering the fact that academic mobility development is a purposeful, systemic, and gradual process occurring in conditions of educational environment we interpret this transformation of personal quality as a step by step transition from one level of development to another. It is a process of personal growth in which development of all components is interrelated and interdependent. Having applied our description formula of the levels of academic mobility development we came up with the following data presented on picture.



	EG before experiment	CG before experiment	EG after experiment	CG after experiment
Advanced	0	0	44	11,5
Intermediate	36	23,00	28	42,3
Elementary	64	77	28	46,2

Dynamics of academic mobility development

The data reflected in picture 1 demonstrate that the number of students with advanced level of academic mobility development is much higher in EG: 44 % against 11,5 % in CG. We attribute these results to the effectiveness of the modified project technology used in the course of professionally oriented foreign language teaching. The obtained results testify of the favorable effect created by the set of defined and substantiated pedagogical conditions realized by the employment of the modified project technology.

We find it necessary to stress that the modified project technology can be used for the purpose of essential personal qualities development in the course of teaching other disciplines. Most notably is the fact that existing pedagogical technologies can be modified to meet growing specific needs and requirements of contemporary educational community.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

REFERENCES

1. Бойко В. В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и других. М.: Информационно-изд. дом «Филинъ», 1996. 472 с.
2. Горюнова Л. В. Составляющие профессиональной мобильности современного специалиста // Естествознание и гуманизм: Сб. науч. тр. Т. 2 / Под ред. Н. Н. Ильинских. Ростов: РГПУ, 2009. № 5. С. 8–11.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетенции как результативно-ключевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: ИЦПКПС, 2004. 38 с.

4. К а л и н о в с к и й Ю. И. Развитие социально-профессиональной мобильности андрагога в контексте социокультурной образовательной политики региона: Дис. … д-ра пед. наук. СПб., 2001. 470 с.
5. К а р п о в А. В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики // Психологический журнал. 2003. Т. 24. № 5. С. 45–57.
6. М о р ы л е в а Э. А. Функциональное значение социально-профессиональной мобильности в подготовке педагога в вузе // Три века сибирской школы: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Тобольск: ТГПИ, 2001. С. 27–28.
7. Н о в и к о в С. Н. Социальная мобильность выпускников вузов в условиях модернизации российского общества: Дис. … канд. социол. наук. Ставрополь, 2005. 157 с.
8. О р л о в Ю. М., Ш к у р к и н В. И., О р л о в а Л. П. Построение тест-опросника для измерения потребности в достижении // Экспериментальная психология и ее история. М., 1974. С. 47–61.
9. П л а т о н о в К. К. Структура и развитие личности. М.: Наука, 1996. 226 с.
10. Р е а н А. А. Психология личности. Социализация, поведение, общение. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 416 с.
11. С о р о к и н П. А. Социальная и культурная динамика (главы из книги) / Науч. ред. Ю. В. Яковец; Междунар. фонд Н. Д. Кондратьева. М.: МФК, 1999. 77 с.
12. Designing policies for mobile students. Dutch EU Presidency Conference: Bologna-Berlin-Bergen Seminar. The Nethelands. October 10–12. Noordwijk: Ministry of Education, Culture and Science, 2004. 10 p.
13. O’ m a l l i y J. M., P i e r c e L. V. Authentic Assessment for English Language Learners. Practical approaches for teachers. USA: Addison Wesley Publishing Company, 2006. 268 p.
14. P r e g o y S., P r e g o y O. Reading, Writing and Learning in ESL. N. Y.: Longman, 2002. 288 p.

Dmitrieva N. K., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EXPERIMENTAL RESULTS ON ACADEMIC MOBILITY DEVELOPMENT IN UNIVERSITY STUDENTS IN PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION

The goal of the article is to present and analyze experimental results of the three stage experimental study aimed to substantiate effectiveness of the introduced modified project technology targeting development of academic mobility in university students in the process of professionally oriented foreign language acquisition. Academic mobility of university students is understood as a dynamic, integral personal quality consisting of a number of interrelated and interdependent components. The studied quality is essential in adaptation to a dynamic variety of the changing environment inclusive of educational and professional areas. Academic mobility is developed in the process of mastering professionally oriented foreign language. A modified project technology is employed to realize the three-tiered goal of the learning process: to develop foreign language competency, to enhance independent study skills, and to establish and strengthen academic mobility as a personal quality. Results of the experiment, presented in the article, validate our hypothesis concerning effectiveness of the project technology and the set of pedagogical conditions necessary and sufficient for academic mobility development in university students.

Key words: academic mobility, integral personal quality, interrelated components, modified project technology, language acquisition

REFERENCES

1. B o y k o V. V. *Energiya emotsiy v obshchenii: vzglyad na sebya i drugikh* [Energy of emotions in interactions]. Moscow, Publ. House “Filin”, 1996. 472 p.
2. G o r y u n o v a L. V. Professional mobility components of contemporary specialist [Sostavlyayushchie professional’noy mobil’nosti sovremennogo spetsialista]. *Estestvoznanie i gumanizm.* Vol. 2. Rostov: RGPU Publ., 2009. № 5. P. 8–11.
3. Z i m n y a y a I. A. *Klyuchevye kompetentsii kak rezul’tativno-klyuchevaya osnova kompetentnostnogo podkhoda v obrazovanii* [Key competences as result oriented key foundations of the competence approach]. Moscow, ITSPKPS, 2004. 38 p.
4. K a l i n o v s k i y Yu. I. *Razvitie sotsial’no-professional’noy mobil’nosti andragoga v kontekste sotsiokul’turnoy obrazovatel’noy politiki regiona. Diss. dokt. ped. nauk* [Development of social and professional mobility in educators for adult population in light of social and educational policy of the region. Dr. ped. sci. diss.]. St. Petersburg, 2001. 470 p.
5. K a r p o v A. V. Reflection as a psychological attribute and methods of its diagnostics [Refleksivnost’ kak psikhicheskoe svoystvo i metodika ee diagnostiki]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal]. 2003. Vol. 24. № 5. P. 45–57.
6. M o r y l e v a E. A. Funktsional meaning of social and professional mobility in the course of teacher training in higher educational institutions [Funktsional’noe znachenie sotsial’no-professional’noy mobil’nosti v podgotovke pedagoga v vuze]. *Tri veka sibirskoy shkoly: Materialy vserossiyskoy nauchno-prakt. konf.* [Three centuries of Siberian School. Materials of all Russian scientific and practical conference]. Tobol’sk, TGPI, 2001. P. 27–28.
7. N o v i k o v S. N. *Sotsial’naya mobil’nost’ vypusknikov vuzov v usloviyakh modernizatsii rossiyskogo obshchestva. Dis. kand. sotsiol. nauk* [Social mobility of university graduates in conditions of Russian society modernization. Cand. social. sci. diss]. Stavropol’, 2005. 157 p.
8. O r l o v Yu. M., S h k u r k i n V. I., O r l o v a L. P. Questionnaire design to measure the need for success [Postroenie test-oprosnika dlya izmereniya potrebnosti v dostizhenii]. *Eksperimental’naya psikhologiya i ee istoriya* [Experimental Psychology and its History]. Moscow, 1974. P. 47–61.
9. P l a t o n o v K. K. *Struktura i razvitie lichnosti* [Personality structure and its development]. Moscow, Nauka Publ., 1996. 226 p.
10. R e a n A. A. *Psikhologiya lichnosti. Sotsializatsiya, povedenie, obshchenie* [Psychology of personality: socialization, behavior, interaction]. St. Petersburg, Praym-EVROZNAK Publ., 2004. 416 p.
11. S o r o k i n P. A. *Sotsial’naya i kul’turnaya dinamika (glavy iz knigi)* [Socialization and cultural dynamics]. Moscow, MFK Publ., 1999. 77 p.
12. Designing policies for mobile students. Dutch EU Presidency Conference: Bologna-Berlin-Bergen Seminar. The Nethelands. October 10–12. Noordwijk: Ministry of Education, Culture and Science, 2004. 10 p.
13. O’ m a l l i y J. M., P i e r c e L. V. Authentic Assessment for English Language Learners. Practical approaches for teachers. USA: Addison Wesley Publishing Company, 2006. 268 p.
14. P r e g o y S., P r e g o y O. Reading, Writing and Learning in ESL. N. Y.: Longman, 2002. 288 p.

Поступила в редакцию 27.08.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Политология** **2013**

УДК 324

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА РОЖНЕВА
кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
rozhneva@mail.ru

СВОБОДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫБОРЫ И БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА*

Анализируется либеральный принцип свободы выбора в контексте политической безопасности общества. Подчеркивается, что безопасность проявляется во многих сферах общественной активности, но преодоление диктатуры становится задачей установления политической безопасности. Рассматриваются три исторических периода (Российское государство на рубеже XIX–XX веков, Советская Россия и современный этап), когда осуществлялась попытка преломления идеи свободного выбора через ценности парламентаризма в политической системе. В статье отмечается, что реального выбора у российских граждан никогда не было в силу постоянных ограничений общественной свободы. В период монархического правления в стране выборы не были всеобщими и равными. В советское время выборы становились необходимым условием легитимизации системы с высокой степенью ее партикуляризма. Современный период также неоднороден и подразделяется на электоральные циклы, которые отражают как традиционные основы выборов в стране, так и особенности их модификации на данном этапе. Это свидетельствует о невозможности построения идеальной модели политического выбора в России и ставит под угрозу безопасность общества.

Ключевые слова: свободные выборы, политическая безопасность, либерализм, парламентаризм, электоральные циклы

Политическая безопасность аккумулирует разные формы социальной активности. Несмотря на либеральность данного принципа в современных демократиях, свободные выборы в большинстве своем расцениваются как идеал, не способный воплотиться на практике. В современной России прослеживаются те же тенденции, но страна развивается в условиях отсутствия собственного опыта свободного политического выбора.

Электоральная история России начинается на рубеже XIX–XX веков. Принцип свободных выборов прочно укоренился в политической идеологии либерализма. Идея свободного выбора соседствует в первую очередь с ценностями парламентаризма, так как роль и значение парламента в системе власти позволяют определять степень свободы в стране через организацию процедуры выборов народных представителей. Считается, что именно ведущее положение парламента в системе государственной власти способно в наибольшем объеме реализовать либеральную идею реальной свободы выбора.

Идея свободного выбора транслировалась в массовое сознание элитой. В периоды либерализации системы, послабления авторитарных признаков либерально настроенная часть русской интеллигенции, как правило, становилась оппозиционной силой режиму.

Условно историю России можно разделить на три этапа, когда предпринимались попытки внедрения принципа парламентаризма, тесно коррелирующего с идеей свободного выбора, в политическую систему государства и в электоральный процесс. Это период существования дуалистической монархии (с даты подписания Николаем II двух царских манифестов от 6 августа и 17 октября 1905 года), советский период (с даты принятия первой Конституции СССР от 31 января 1924 года) и современный период (с даты принятия Конституции РФ от 12 декабря 1993 года). Поскольку идею выбора и принцип парламентаризма следует рассматривать в каузальной зависимости, наиболее полно эта связь начинает прослеживаться в период существования дуалистической монархии.

Государственная дума в Российской империи избиралась путем непрямого голосования. Выборы были куриальные, а состав выборщиков определялся территориальным и имущественным цензом. Следует отметить, что голосование не было всеобщим и, несмотря на четкий фракционный состав парламента, выборы не носили партийного характера. Поэтому политическая система Российской империи не была подвержена партикуляризму и депутаты объединялись во фракции согласно своим идеологическим предпочтениям. Несмотря на сильные позиции различного рода фракций в парламенте, они находились в зависимом положении от воли царя, обладающего правом роспуска высшего представительного органа власти.

Политическое беспокойство периода дуалистической монархии оказывало существенное влияние как на расстановку партийных сил в стране, так и на формирование среди них стройных кругов оппозиционеров царскому правлению. В среде оппозиции начала XX века сформи-

© Рожнева С. С., 2013

ровались разные идеологические течения. Здесь были и консерваторы, и социалисты, и националисты, но, пожалуй, только либералы четко формулировали свои требования и предлагали варианты решения проблем по предоставлению бóльших свобод гражданам Российской империи. Политической платформой либералов на данном этапе стала партия кадетов. Главной задачей создаваемой партии в 1905 году ставилось «вступление в Думу с исключительной целью борьбы за политическую свободу и за правильное представительство»[1]. Видные идеологи партии как до Октябрьской революции 1917 года, так и после нее, уже в эмиграции, выступали за парламентаризм в стране, за политические свободы, за всеобщее избирательное право.

Таким образом, либералы на этапе дуалистического правления под свободными выборами понимали их всеобщность и равенство при прямом и тайном голосовании народных представителей без различия вероисповедания, национальности и пола[2], следуя классическим традициям западного либерализма. Основное отличие идей отечественного либерализма от западного в этот период заключалось в том, что предлагались пути реализации свободы выборов исходя из специфических особенностей имперской политической системы и электорального процесса.

События 1917 года можно расценивать как идейный проигрыш отечественного либерализма и вытеснение его с национальной почвы, когда большая часть либерально мыслящей интеллигенции была вынуждена эмигрировать. Вместе с тем принятие новых советских конституций продолжало традицию парламентаризма. Так, в Конституции 1936 года при избрании Верховного Совета СССР за советскими гражданами было закреплено всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании[3]. Данный принцип сохранился и в Конституции СССР 1977 года. Конституции союзных республик, в том числе и РСФСР, во многом дублировали положения Основного закона СССР. Однако либеральный принцип свободы выборов лишь декларировался, так как официально была закреплена и реализовывалась руководящая роль коммунистической партии[4]. Идея свободы выборов была необходима советской власти для легитимации своего правления. Либеральные идеи создавали образ демократии в Советской России, но в реальности ее не было, и она не могла противостоять партийной диктатуре, насаждаемой сверху. В итоге подобная ситуация приводила к формированию оппозиции, настаивающей на реальном воплощении принципа свободных выборов в политических процессах страны. При этом в самом государстве оппозиция появлялась в те моменты, когда наблюдалось послабление режима. В период сталинизма оппозиция существовала за пределами Советского Союза в лице русской интеллигенции.

В советское время яркими, назовем их, оппозиционными вспышками были идеи русской эмиграции первой половины XX века и диссидентского движения 1960–70-х годов. Либерально настроенная часть интеллигенции в эмиграции критиковала советский режим за ложность принципов свободы, за то, что на практике они были необходимы партийному руководству для оправдания своих действий, за то, что не было создано условий для гармоничного развития личности, как заявлялось властями. Никаких новых политических сил, способных составить конкуренцию КПСС, властвующее руководство не допускало. Из-за партийного фильтра в формировании высших органов государственной власти в Советском Союзе не было ни парламентаризма, ни народного представительства в истинном значении этих либеральных положений.

Диссидентское движение в СССР стало идейным следствием эмиграции. Диссидентство состояло из интеллигентов, которые также выступали против советского строя. Диссидентское движение было неоднородным, но людей в нем объединяло то, что они не могли открыто выражать свои мысли и желали донести до общественности официальную лживость позиции властей, когда провозглашаемые Конституцией либеральные принципы на практике становились прикрытием диктаторской деятельности советской системы. Так, в своих воспоминаниях Е. Г. Боннэр писала: «Ужас, оттого, что этой лжи совершенно невозможно противостоять. Совершенно невозможно знать, где, когда еще они будут фальсифицировать нашу жизнь» [2; 166–167]. Диссиденты апеллировали к советским законам и провозглашенным в них ценностям либерализма, за что и подвергались гонениям со стороны системы. Если оппозиция в эмиграции не оказывала столь сильного влияния на умонастроения советской общественности в силу закрытости системы, то диссидентство, несмотря на нелегальный характер своей деятельности, появилось и функционировало в Советском Союзе и стало одной из причин дальнейшей либерализации политического режима.

Итогом политических процессов 1980-х годов в СССР послужили перестройка советской системы и распад советской империи. Образование суверенных государств и стремление воплотить принципы либерализма на практике можно расценивать как третий (современный) этап в истории России. Данный этап неоднороден. Его уместно подразделить в зависимости от тех изменений, которые происходили в избирательном законодательстве (за исключением выборов президента 1992 года и учредительных парламентских выборов 1993 года).

В России электоральный цикл включает в себя выборы в Госдуму РФ и президентские выборы. К настоящему времени в России состоялось пять полных электоральных циклов. В 2008 году были внесены изменения в Конституцию РФ по срокам полномочий депутатов Госдумы РФ и президента РФ, произошли изменения в избирательном и партийном законодательстве. В 2001 году был принят «жесткий» закон о политических партиях. В 2005 году была изменена на пропорциональную избирательная формула на выборах депутатов Госдумы РФ с повышением заградительного барьера до 7 %. Столь высокие для страны цифры после парламентских выборов 2007 года стали основанием для принятия президентского указа о плавающем барьере. Также было принято законодательное решение о том, что в парламентских выборах могут участвовать только политические партии. В избирательных бюллетенях была отменена графа «против всех» и снят порог явки. Интересным фактом является и то, что за это время изменилась демографическая ситуация в стране. Выросло новое поколение, и, как представляется, появился новый тип избирателя, не имеющий связи с советским прошлым.

Хотя данные изменения оказали влияние на степень свободы выборов в современной России, выборы не могут быть свободными, потому что свободный выбор каждого человека ограничен различного рода ресурсами. Построить идеальную модель политического выбора для современной России тоже не представляется возможным. В стране наблюдается постоянное стремление к диктатуре либо через преемственность высшей государственной власти, либо через политическую партию, находящую поддержку у главы государства. Сравнение электоральных циклов демонстрирует эти особенности и показывает, с какими проблемами сталкивается общество на пути установления собственной политической безопасности (табл. 1).

В обозначенный период снижается количество избирательных объединений, участвующих в выборах, при этом нет никакой динамики по количеству избирательных объединений, преодолевших заградительный барьер. Это свидетельствует о том, что реальной свободы выбора у граждан России практически не было. Более того, депутатские мандаты в государственных думах 2007 и 2011 годов распределяются между одними и теми же четырьмя политическими партиями. Сугубо отечественный феномен «партии власти», позиции которой поддерживаются главой государства и которая выступает опорой кандидата – победителя на выборах президента России, четко прослеживается по результатам парламентских выборов, при этом с 2003 года данная партия становится партией большинства в парламенте, которая продолжает объединять законодательные и исполнительные структуры как в центре, так и на местах. Это свидетельствует о партикуляризации политической системы страны и представляет мощный манипулятивный, информационный и административный ресурс. Можно наблюдать, что процент явки избирателей к 2011 году немного растет, что является следствием формирования несистемной оппозиции, вызванной консервацией государственной власти и либерализацией общественных настроений нового поколения избирателей. Само понятие оппозиции имеет место, но результативность ее действий стремится к нулю. До 2011 года она носила формальный характер в работе государственных дум, многие политические силы придерживаются позиций

Таблица 1

Выборы депутатов Государственной думы РФ 1995–2011 годов

Показатель	Год				
	1995	1999	2003	2007	2011
Количество избирательных объединений	43	28	23	11	7
Количество избирательных объединений, преодолевших процентный барьер (политическая сила / «партия власти», позиции которой поддерживаются главой государства)	4 КПРФ (22,3 %); ЛДПР (11,18 %); «Наш дом – Россия» (10,13 %); «Яблоко» (6,89 %)	5 КПРФ (24,29 %); «Единство» («Медведь») (23,32 %); «Отечество – Вся Россия» (13,33 %); «Союз правых сил» (8,52 %); «Блок Жириновского» (5,98 %); «Яблоко» (5,93 %)	4 «Единая Россия» (37,57 %); КПРФ (12,61 %); ЛДПР (11,45 %); «Родина» (9,02 %)	4 «Единая Россия» (64,30 %); КПРФ (11,57 %); ЛДПР (8,14 %); «Справ. Россия: Родина / Пенсионеры/ Жизнь» (7,74 %)	4 «Единая Россия» (49,32 %); КПРФ (19,19 %); «Справ. Россия» (13,24 %); ЛДПР (11,67 %)
Процент явки избирателей	64,76 %	61,85 %	55,75 %	59 %	60,1 %
Системная оппозиция	+	+	+	+	+
Несистемная оппозиция	–	–	–	–	+

Примечание. В таблицах допускается небольшой процент погрешности данных в силу того, что менялось избирательное законодательство. Так, например, процент голосов на выборах 1995, 1999 и 2003 годов высчитывался с учетом голосующих «против всех», а для выборов 2007 и 2011 годов этих данных нет.

Таблица 2

Выборы президента РФ 1996–2012 годов

Показатель	Год				
	1996	2000	2004	2008	2012
Количество кандидатов-участников	10	11	6	4	5
Процент явки избирателей	I тур – 69,8 % II тур – 69,4 %	68,64 %	64,38 %	69,70 %	65,34 %
Наличие II тура голосования	+	–	–	–	–
Избранный президент РФ	Б. Н. Ельцин – 53,82 % (во II туре)	В. В. Путин – 52,99 %	В. В. Путин – 71,31 %	Д. А. Медведев – 70,28 %	В. В. Путин – 63,60 %
Партийная поддержка победителя в президентских выборах	Беспартийный	«Единство»	Самовыдвиженец	«Единая Россия»	«Единая Россия»

партии большинства в парламенте и проявляют лояльность к ее законодательным инициативам, по большей части поддерживая их. Несмотря на протестные настроения и формирование несистемной оппозиции, оппозиция внутри парламента по результатам голосования по законопроектам продолжает демонстрировать лояльность режиму. Требования же несистемной оппозиции удовлетворяются лишь частично без кардинального изменения самой политической системы.

Анализ выборов президента представлен в табл. 2. Они не являются полностью свободными. Наблюдается сокращение количества участников электоральной гонки. Избрание главы государства в первом туре голосования начиная с 2000 года свидетельствует о предсказуемости результатов выборов. Можно наблюдать еще очень интересный факт: с 2000-х годов у кандидата-победителя появилась законодательная возможность заручаться партийной поддержкой на выборах. По крайней мере, в законодательстве не существует каких бы то ни было запрещающих норм. Таким образом, констатируется влияние личностных, манипулятивных, информационных, административных ресурсов. Так, например, победа уже непопулярного на тот момент главы государства Б. Н. Ельцина во втором туре вошла в историю как победа манипулятивных технологий в российской электоральной практике. Уход в отставку 31 декабря 1999 года Б. Н. Ельцина и предоставление колоссальных информационных и административных возможностей исполняющему обязанности президента РФ, председателю Правительства РФ В. В. Путину обеспечили ему высокий общественный кредит доверия и победу в первом туре президентской гонки в 2000 году.

Характерная для современной России преемственность высшей государственной власти становится еще одним из ограничителей свободы выбора. Формирование резких протестных настроений в 2011 году официальной властью воспринимается как опасность. Власть корректирует законодательство, тем самым консервируя свое положение (нашумевшие поправки в закон о митингах, принятие закона об НКО, финансируемых из-за рубежа, и придание им статуса «иностранного агента»). На каждом из выделенных ранее этапов политической истории России предпринималась попытка реализации абстрактной либеральной идеи свободного выбора на практике (табл. 3). На степень свободы выборов постоянно воздействовали разнообразные факторы, в реальности ограничивая ее. Безусловно, нельзя однозначно оценивать проведенный анализ. И также верно, что современная Россия более либеральна по сравнению с советской Россией. Но реального выбора, отражающего в наиболее полном объеме политические предпочтения граждан, не было. В стране наблюдается постоянное стремление к диктатуре либо через преемственность высшей государственной власти, либо через политическую партию, находящие поддержку у главы государства. Возмож-

Таблица 3

Факторы, влияющие на свободу выборов в электоральной истории России

Фактор	Дуалистическая монархия	Советская Россия	Современная Россия
Принцип парламентаризма	Провозглашен, в реальности наблюдаются его элементы	Провозглашен, а в реальности наблюдается сращивание законодательных и исполнительных структур при доминанте последних	Не провозглашен и в реальности отсутствует
Характер парламента по отношению к исполнительной власти	Подчиненный царской воле	Подчиненный партийному руководству	Отчасти подчинен президенту (ст. 111 и 117 Конституции РФ)
Характер выборов в парламент	Непрямые, куриальные	Прямые, всеобщие	Прямые, всеобщие
Уровень партикуляризма	Низкий, практически сводится к нулю	Очень высокий	Высокий
Наличие / отсутствие оппозиции и ее характер	Существующая оппозиция носит легальный характер	Существующая оппозиция нелегальна	Существующая оппозиция носит легальный характер

но, что гражданские волнения после выборов в Госдуму РФ 4 декабря 2011 года открыли новый этап в либерализации страны. Инициированные президентом России изменения, касающиеся системы голосования в Госдуме РФ, облегчение процедуры регистрации партий, скорее всего, будут способствовать расширению общественного представительства через участие большего количества партийных сил в электоральном процессе в высший законодательный орган власти. Однако проблематика свободного выбора, являющегося одним из условий политической безопасности общества, не будет разрешена. Можно говорить лишь о том, что внутри предоставленного гражданам и тем самым уже ограниченного выбора самого выбора будет больше, но все же недостаточно для отражения всех возможных общественных интересов.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Вступительная речь П. Н. Милюкова // Съезды и конференции конституционно-демократической партии: В 3 т. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 1. 1905–1907 гг. С. 21–22.
[2] Программа конституционно-демократической партии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://his95.narod.ru/party/kadet.htm
[3] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. Гл. XI. Ст. 134 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#11
[4] Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. Гл. X. Ст. 126 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm#11; Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета ССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Гл. I. Ст. 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm#iv

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боннэр Е. Г. Выступление в Комиссии по иностранным делам Конгресса США (май 1986) // Сахаров А. Д. Воспоминания: В 2 т. М.: Права человека, 1996. Т. 2. С. 564–566.
2. Боннэр Е. Г. Постскриптум. Книга о горьковской ссылке // Сахаров А. Д. Воспоминания: В 2 т. М.: Права человека, 1996. Т. 2. С. 5–240.
3. Гельман В. Я., Елизаров В. П. «Учредительные выборы» в контексте российской трансформации // Первый электоральный цикл в России (1993–1996). М.: Весь мир, 2000. С. 13–43.
4. Рожнева С. С. Возрождение традиций либеральной интеллигенции начала XX столетия в политической системе современной России // «Новая» и «старая» интеллигенция: общее и особенное. М.: РГГУ, 2012. С. 273–280.

Rozhneva S. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FREE POLITICAL ELECTIONS AND SOCIETY'S SECURITY

This article analyzes a liberal principle of free choice in the context of political security of the society. It emphasizes that issues of security manifest themselves in many spheres of social life; however, overcoming of dictatorship becomes the goal of establishing political security. Three historical periods are studied (Russia at the turn of the XXth century, Soviet Russia, and contemporary period), when attempts to diffract free election ideas through parliamentary values in the political system are undertaken. The article notes that Russian citizens have never had a free choice due to constant restrictions of their political freedom. At the time of monarchial regime, elections were neither universal, nor equal. During the Soviet time, elections were necessary to legitimize the system characterized by a high degree of particularism. The contemporary period is heterogeneal and is divided into electoral cycles, thus, it reflects traditional foundations of national elections, as well as their modification during contemporary period. This indicates the impossibility of establishing an ideal model of political choice in Russia. At the same time, such model imperils security of the Russian society.

Key words: free elections, political security, liberalism, parliamentary, electoral cycles

REFERENCES

1. Bonner E. G. Speech for Commission of Foreign Affairs of US Congress (May, 1986) [Vystuplenie v Komissii po inostrannym delam Kongressa SSHA (may 1986)]. *Sakharov A. D. Vospominaniya* [The Memoirs]: In 2 vol. Moscow, Prava cheloveka Publ., 1996. Vol. 2. P. 564–566.
2. Bonner E. G. Postskriptum. The Book about Gor'kiy's deportation [Postskriptum. Kniga o gor'kovskoy ssylke]. *Sakharov A. D. Vospominaniya* [The Memoirs]: In 2 vol. Moscow, Prava cheloveka Publ., 1996. Vol. 2. P. 5–240.
3. Gel'man V. Ya., Elizarov V. P. "Constituent Elections" in Russian transformation context ["Uchreditel'nye vybory" v kontekste rossiyskoy transformatsii]. *Pervyy elektoral'nyy tsikl v Rossii (1993–1996)* [The First Electoral Cycle in Russia (1993–1996)]. Moscow, Ves' mir Publ., 2000. P. 13–43.
4. Rozhneva S. S. A revival of liberal intellectuals' traditions in XXth century in a political system of modern Russia [Vozrozhdeniye traditsiy liberal'noy intelligentsii nachala XX stoletiya v politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii]. *"Novaya" i "staraya" intelligentsiya: obshchee i osobennoe* [New and Old intelligentsia: the similarities and differences]. Moscow, RGGU Publ., 2012. P. 273–280.

Поступила в редакцию 09.07.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Социология** **2013**

УДК 328.185:316.6

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ШЕДИЙ
кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Российская Федерация)
m_v_shedij@mail.ru

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТОНИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Коррупция в современной России носит системный характер и оказывает влияние практически на все стороны жизни общества, выступая в качестве одной из форм социальной практики. Исследование данного феномена предполагает в первую очередь уяснение его природы и причинной взаимосвязи между элементами социальной архитектоники коррупционных отношений. Особое внимание уделяется анализу понятий «коррупционная иерархия» и «коррупционная сеть», а также условиям их функционирования и механизмам воспроизводства. В результате исследования особенностей архитектоники коррупционных отношений в современном обществе разработаны методики социального инжиниринга, направленные на длительное и постепенное изменение менталитета социальных групп, что приведет к снижению коррупционной активности и вытеснению ее из повседневной жизни.

Ключевые слова: коррупция, детерминанты коррупционных отношений, механизм воспроизводства коррупции, коррумпатор, коррумпант

Коррупция как социальное явление обладает рядом качественных признаков, позволяющих выделить ее из совокупности иных социальных явлений: 1) противоправность поведения коррупционера по отношению к интересам общественного большинства; 2) использование коррупционером метода принуждения для достижения властного экономического господства; 3) неформальный характер деятельности участников коррупционных отношений; 4) нелегитимность использования участниками коррупционных отношений материальных и нематериальных благ, принадлежащих обществу и государству, а также средств их достижения [7].

Специального внимания заслуживает проблема описания социальной архитектоники коррупционных отношений. Каждая из составных частей этих отношений раскрывается на следующем логическом уровне: 1) детерминанты коррупционных отношений; 2) лица, вовлеченные в коррупцию; 3) инструменты коррупции; 4) коррупциогенные факторы; 5) выгода от коррупционных отношений; 6) последствия коррупционных отношений.

Попытка систематизации детерминанты коррупции, разделяя ее по степени устойчивости и стабильности во времени, приводит к следующей причинной иерархии. Наиболее статичными являются морально-психологические факторы, которые определяют общую предрасположенность (или непредрасположенность) общества к проявлениям коррупции. Социально-экономические факторы обусловливают «коррупционный облик» страны в долго- и среднесрочные периоды. Наиболее динамично изменяющиеся политические и правовые факторы определяют коррупцию в непродолжительные (краткосрочные) промежутки времени. Под коррупциогенным фактором следует понимать явление или группу явлений, порождающих коррупцию или способствующих ее росту. К числу базовых коррупциогенных факторов традиционно относят неопределенность правовых норм, закрытость (непрозрачность) правоприменительных процедур и деятельности государственных органов, отсутствие контроля общественности [3; 26].

Выгоды, полученные при коррупционных отношениях, можно разделить, во-первых, по времени получения вознаграждения: в прошедшем, настоящем или будущем периоде; во-вторых, по качественным характеристикам вознаграждения: материальное или нематериальное. В каждом из трех временных периодов существует возможность разделения выгоды на материальную и нематериальную. Если в результате коррумпированных действий человек получает материальную выгоду, то здесь понимается получение взятки. Под взяткой подразумевается как денежное, так и вещественное вознаграждение. Нематериальное вознаграждение представляет собой более сложное и многостороннее явление и является синонимом удовлетворения как физического, так и духовного.

Определение временного периода базируется не на выявлении результата от коррупционного действия, а на моменте получения выгоды и имеет важное значение для определения цели коррупции. К последствиям коррупционных отношений можно отнести: 1) экономические: расширение теневой экономики, нарушение конкурентных механизмов рынка, неэффективное использование бюджетных средств, повышение

© Шедий М. В., 2013

цены за счет коррупционных «накладных» расходов, снижение требований к качеству товаров и услуг и др.; 2) социальные: отвлечение колоссальных средств от целей общественного развития, закрепление и увеличение резкого имущественного неравенства, несправедливое перераспределение средств в пользу узких олигархических групп за счет наиболее уязвимых слоев населения, дискредитация права как основного инструмента регулирования жизни государства и общества, формирование в общественном сознании представления о беззащитности граждан и перед преступностью, и перед властью, увеличение социальной напряженности, формирование в обществе «двойного стандарта» морали и поведения, приводящего к тому, что мерой всего становятся деньги. Все это приводит к девальвации цивилизованных социальных регуляторов поведения людей: норм морали, права религии, общественного мнения и т. д.; 3) политические: смещение целей политики от общенационального развития к обеспечению властвования олигархических группировок, уменьшение доверия к власти, падение престижа страны на международной арене, снижение политической конкуренции [8; 54].

Последствия коррупции не столь однозначны и очевидны. Существуют примеры как негативного, так и в определенном смысле позитивного воздействия коррупции на сферы общественной жизни (в частности, на экономику). Данной точки зрения придерживаются представители «ревизионистской» школы исследования коррупции (С. Хантингтон, Х. Абуэва, Д. Бэйли, Н. Лефф, К. Лейес), по мнению которых коррупция может выполнять позитивные функции в плане интеграции, развития и модернизации обществ «третьего мира». Согласно их воззрениям, выполнив свои политические и экономические функции, коррупция исчезает.

Коррупция представляет собой не изолированный акт в виде отдельного противоправного деяния, а самовоспроизводящийся процесс, в который вовлечены различные участники событий, играющие определенные роли.

При коррупционных проявлениях лицо, предоставляющее незаконные блага государственным и иным должностным лицам, определяется как коррумпатор. В свою очередь, под термином «коррумпант» («коррупционер») понимается лицо, занимающее государственную (муниципальную) или иную должность, замешанное в коррупционных отношениях.

Передаточным механизмом между коррумпатором и коррумпантом могут быть посредники, однако текущие коррупционные контакты могут осуществляться и напрямую. Самую пассивную роль в коррупционном процессе играют пострадавшие от коррупционных деяний. От этого явления косвенно страдает и весь социум в целом.

Социальные иерархии, формирующиеся в результате развития коррупционных связей, выгодны их участникам, для которых максимизируется благосостояние и уменьшается уровень риска разоблачения. Таким образом, коррупционная сделка перфектно удовлетворяет взаимный интерес сторон в ней. По мнению Р. Нилсена, «достигается паразитная взаимность, при которой все в выигрыше (win-win, или выигрыш – выигрыш). Паразитное коррупционное поведение может переплетаться с продуктивными действиями и взаимоотношениями, дополнительно питающими коррупционную систему» [7].

С позиции же развития социума в целом функционирование подобных иерархий следует рассматривать как однозначно негативное, так как бороться с коррупционной иерархией значительно сложнее, чем предотвращать ее.

В трансформации коррупционных отношений следует разграничивать понятия «коррупционная вертикаль» и «коррупционная иерархия». Так, коррупционная вертикаль – это совокупность коррупционных возможностей, а также объемов, направлений и механизмов их реализации на различных уровнях управления организацией [8]. В этом смысле она не включает в себя системные, теневые взаимодействия между высшими и низшими иерархическими уровнями внутри организации; коррупционная же иерархия базируется на такого рода взаимодействиях, подчиняя себе отношения контроля теневых доходов и коррупционной субординации высших и низших уровней управления.

Таким образом, коррупционная иерархия организации есть коррупционная вертикаль, соединенная с внутренней коррупцией, которая может иметь и исключительно скрытую форму, выступая в качестве блата, патронирования, например, в процессе вертикальной ротации кадров. Коррупционные вертикали существуют в тех организациях, уровень потенциальных коррупционных возможностей которых сравнительно невелик, а сами указанные возможности не являются постоянными и генерируются, а также реализуются время от времени – в подобной ситуации отсутствует объективная необходимость формирования коррупционной субординации внутри организации, поскольку коррупционные доходы не являются основным источником существования ее сотрудников.

Напротив, в организациях с высоким или растущим уровнем потенциальных коррупционных возможностей, с ускоренно растущей потенциальной коррупциоемкостью должностей по мере увеличения уровня управления возникает объективная необходимость формирования коррупционной иерархии – гораздо более сильной в интегративном смысле формы функционирования социально-экономических взаимосвязей по сравнению с коррупционной вертикалью [2; 80–92].

Коррупционная иерархия в организации реализует следующие взаимосвязанные функции:

1. Функцию «круговой поруки» (является основной и носит принципиальный характер).
2. Функцию регулирования коррупционных возможностей.
3. Функцию защиты от внешних угроз.
4. Функцию ротации кадров.
5. Репродуктивную функцию.

В целом коррупционная иерархия позволяет снизить риск дисфункциональности организации, обеспечивает регулярное поступление коррупционных доходов при минимальном риске разоблачения. Здесь уже имеет место не просто единичное преступление, а хорошо организованная системная коррупция, противодействовать которой гораздо сложнее как в доказательно-правовом, так и в широком социальном смысле.

Увеличенное воспроизводство коррупционных сделок на условиях взаимовыгодного обмена приводит к формированию сложной коррупционной сети межличностных отношений и сообществ. Таким образом, мы подходим к понятию «коррупционная сеть». Дж. Картье-Брессон считает, что это «структурированная прикрытая мобилизация многочисленных “ресурсов”, например, финансовые интересы, подчинение иерархическому порядку, солидарность, семья, друзья, насилие… Ее цели не менее многочисленны, чем ресурсы, варьируют от сокрытия незаконных действий – мелких или масштабных – до воспроизведения конкуренции, практикуемой на законном рынке» [9].

По мнению Р. Холлингсворта и Р. Бойера, неформальные коррупционные сети являются «неорганизованными группами индивидов и организаций, между которыми совершаются сделки на основании взаимного доверия. Доверие поддерживается отношениями, которые являются стабильными, специфическими, обязательными для каждой из сторон и не подлежащими контролю со стороны закона. Они могут остаться незатронутыми благодаря консенсусу по вопросу о ценностях или зависимости от ресурсов – то есть через “культуру” и “общности”, посредством господствующих единиц, которые ставят других в позицию зависимости. В многих случаях их способы взаимодействия с рынками, иерархиями и государствами различны» [6; 178]. Сеть создает паутину подходящих партнеров, заинтересованных как в определении проблем, подлежащих разрешению, так и в их разрешении [6; 180]. Коррупционная сеть характеризуется своей запутанной деятельностью и многообразием умений ее членов.

Общие тенденции эволюции коррупционных отношений в настоящее время – это постепенное умножение их форм, переход от эпизодической и низовой коррупции к систематической верхушечной и международной.

В 30-е годы XX века во Флориде (США) возникло понятие «фундаментальной коррупции социальной инфраструктуры» как предупреждение о социальной катастрофе. Этот термин не получил широкого распространения, так как он достаточно близок по смыслу к понятию системной коррупции. Системная коррупция имеет место там, где коррупция становится частью системы управления – во многих случаях настолько неотъемлемой, что система не может функционировать без нее. Системная коррупция охватывает все или почти все основные сферы социальной жизни, государственный (муниципальный) и негосударственный секторы [3].

Развивающиеся страны чаще страдают от системной коррупции, чем развитые. В развитых странах коррупция, как правило, поражает часть системы – отдельно взятые государственный или муниципальный орган, влиятельный союз или политическую партию. В развивающихся странах меньше институтов и контрольных организаций, способных защитить общество от коррупции, что позволяет служащим нарушать закон для того, чтобы выжить.

Таким образом, мы приходим к выводу, что коррупция − это специфическая форма социальной практики, основанная на замещении функциональных социальных взаимодействий дисфункциональными формами в условиях дестабилизации социальных структур. Она представляет собой специфические устойчивые модели действия социальных агентов, реализуемые на макро- и микроуровне социальных отношений, в рамках существующих формальных институциональных взаимосвязей и повседневных практик неформального межгруппового и внутригруппового взаимодействия. Речь идет о такой сфере деятельной активности, которая возникает в пространстве социальной девиации, глобализируется в условиях социальной аномии и соотносится с альтернативными возможностями социальной самоорганизации. Данная форма социального действия возникает на основе инверсии общественных ценностей и легитимации в массовом сознании асоциальных установок, присутствующих в стабильном обществе в латентном виде. Она предполагает замещение функциональных институциональных взаимодействий, обеспечивающих реализацию общественных потребностей (практик хозяйствования, управления, регулирования и т. п.) дисфункциональными практиками, подменяющими коллективный интерес узкогрупповыми эгоистическими притязаниями. Дисфункциональная направленность коррупции связана с тем, что в случае ее масштабного распространения возникает угроза замедленного развития социального организма, а в некоторых случаях − вероятность его гибели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коррумпированные города: практическое руководство по предупреждению и пресечению [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kiev-security.org.ua/box/4/162.shtml
2. Кузнецов К. В. Коррупция в менеджменте. Казань: НПО ВТИ, 2005. 132 с.
3. Магомедов К. О., Пономаренко Б. Т., Лобанов П. А. Противодействие коррупции в системе государственной службы. Курск: Изд-во Академии госслужбы, 2011. 226 с.
4. Полтерович В. М. На пути к новой теории реформ // Экономическая наука современной России. 1999. № 3. С. 32–48.
5. Прекратим прежнюю практику ведения бизнеса. Борьба со взяточничеством и коррупцией [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://oecdru.org/corr.html
6. Противодействие коррупции в условиях нейтрализации кризисных факторов в мегаполисе Москва: методология и организационно-правовые аспекты поддержки на общественных началах: Монография / Под ред. проф. А. Я. Минина. М.: МТПП, 2009. 365 с.
7. Селихов Н. В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 25 с.
8. Шедий М. В. Коррупционные отношения в современном обществе: социологический анализ: Монография. Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2013. 151 с.
9. Cartier-Bresson J. Corruption, pouvoir discretiormaire et rentes II Debat. P., 1993. № 77. P. 26–32.

Shediy M. V., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)

SPECIFICS OF SOCIAL ARCHITECTONICS OF CORRUPT RELATIONS

The sociological approach to understanding corruption interpretes it as a large-scale, integrated into management, social, and dangerous system. A corrupt system has a stable social architectonics, which provides internal connections of its elements and establilshment of close personal relationships. Corrupt actors guided by special values, interests, attitudes to authority, and state resources interact with each other. The study features architectonics of corrupt relations characteristic of modern society. The obtained results will help to develop a social mechanisms against corruption by engagement into anti-corruption processes multiple public forces and civil institutions.

Key words: corruption, corrupt relations, determinants of corrupt relations, mechanism of reproduction of corruption, corrumpator, corrumpant

REFERENCES

1. *Korrumpirovannye goroda: prakticheskoe rukovodstvo po preduprezhdeniyu i presecheniyu* [Corrupt cities: a practical guide to the prevention and suppression]. Available at: http://kiev-security.org.ua/box/4/162.shtml
2. Kuznetsov K. V. *Korruptsiya v menedzhmente* [Corruption in management]. Kazan, NPO VTI, 2005. 132 p.
3. Magomedov K. O., Ponomarenko B. T., Lobanov P. A. *Protivodeystviye korruptsii v sisteme gosudarstvennoy sluzhby* [Combating corruption in the public service]. Kursk, Izd-vo Akademii gossluzhby, 2011. 226 p.
4. Polterovich V. M. Towards a new theory of reform [Na puti k novoy teorii reform]. *Yekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. 1999. № 3. P. 32–48.
5. *Prekratim prezhnyuyu praktiku vedeniya biznesa. Bor'ba so vzyatochnichestvom i korruptsiey* [We will end the previous practice of doing business. Anti-Bribery and Corruption]. Available at: http://oecdru.org/corr.html
6. *Protivodeystviye korruptsii v usloviyakh neytralizatsii krizisnykh faktorov v megapolise Moskva: metodologiya i organizatsionno-pravovye aspekty podderzhki na obshchestvennykh nachalakh. Monografiya* [Combating corruption in the conditions of crisis neutralizing factors in the city Moscow: methodology, organizational and legal aspects of support for volunteer]. Moscow, 2009. 365 p.
7. Selihov N. V. *Korruptsiya v gosudarstvennom mekhanizme sovremennoy Rossii (teoreticheskiye aspekty). Avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Corruption in the state mechanism of modern Russia (theoretical aspects). Author's abstract of PhD. Jud. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2001. 25 p.
8. Shediy M. V. *Korruptsionnye otnosheniya v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskiy analiz. Monografiya* [Corrupt relations in modern society sociological analysis. Monograph]. Orel, 2013. 151 p.
9. Cartier-Bresson Y. *Corruption, pouvoir discretiormaire et rentes II Debat*. P., 1993. № 77. P. 26–32.

Поступила в редакцию 25.09.2012

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Филология** **2013**

УДК 821.161.1

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ШИРОКОВА
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи факультета гуманитарных наук, Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Нижний Новгород, Российская Федерация)
shirokelena@yandex.ru

ГЛАГОЛЫ *МЕДЛИТЬ* И *МЕШКАТЬ*: СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

В словарях глаголы *медлить* и *мешкать* описываются по кругу, причем сема ‘очень’ приписывается или *медлить*, или *мешкать*. Цель статьи – рассмотреть значение и особенности функционирования глаголов *медлить и мешкать* (на материале НКРЯ). *Медлить* сочетается с показателями объективного и субъективного времени, *мешкать* – только с показателями субъективного времени. Если определить темпоральное значение глаголов как ‘событие (действие) Б не следует сразу же за событием (действием) А; говорящий оценивает временной интервал между событиями (действиями) как длящийся долго’, то *медлить* может эксплицировать данный интервал в объективной и субъективной системах временных координат, а *мешкать* только в субъективной. В ряде конструкций глаголы оказываются индифферентными к выбору системы временных координат. В отрицательных конструкциях с модусной рамкой рассматриваемые глаголы указывают на то, что возможный временной интервал оценивается как нежелательный (недопустимый). Причем *мешкать* чаще используется в отрицательно-деепричастных конструкциях как экспрессивное средство выражения отсутствия временного интервала, а *медлить* – в отрицательных конструкциях с модусной рамкой как средство формирования эмоционально-оценочной текстовой информации. Наряду с этим *медлить*, *мешкать* могут репрезентировать значение ‘событие (действие) Б не следует сразу же за событием (действием) А’ без оценки длительности интервала. При этом в жанре спортивного репортажа глаголы оказываются взаимозаменимыми. В остальных случаях (по данным газетного корпуса) употребляется *медлить*. Таким образом, при лексикографическом описании сема ‘очень’ должна быть эксплицирована у глагола *мешкать*, а не у глагола *медлить*.

Ключевые слова: темпоральная семантика, значение, объективное время, субъективное время, текстовые функции

Человек время осмысляет, исчисляет, переживает. В силу этого оказываются неоднородными как понятийная категория времени, так и темпоральный код языка, ее означивающий и представленный рядом темпоральных субкодов [7]. В ряде случаев неоднородность понятийной категории времени обусловливает полисемию и полифункциональность слов с темпоральной семантикой. Представляется, что это необходимо учитывать в лексикографической практике, а также при описании функций конституентов темпоральных субкодов языка. Так, в толковых словарях глаголы *медлить* и *мешкать* определяются по кругу, ср., например, в МАС: *медлить* – ‘Долго не приступать к чему-либо, не торопиться; мешкать || Долго находиться где-либо, задерживаться’, *мешкать* – ‘1. Долго не приступать к какому-либо делу, не торопиться с чем-либо; медлить’ [4]. Причем при общем компоненте значения ‘долго не приступать к какому-либо делу, действию’ [5] в ряде словарей [1], [3], [6], [7] в значении *медлить* выделяется усилительно-оценочный компонент ‘слишком’, ‘очень’, например в БАС: *медлить* – ‘Слишком долго что-либо делать; не торопиться, не спешить, мешкать’ [6]. Наряду с этим в [4] этот компонент значения приписывается глаголу *мешкать*, а не *медлить*.

Вместе с тем выделение усилительно-оценочного компонента в семантике данных глаголов оказывается значимым с точки зрения соотнесенности их темпоральной семантики с субъективным или объективным временем: усилительно-оценочный компонент ‘слишком’ в значении глагола (*слишком долго*) предполагает субъективный аспект времени, тогда как сема ‘долго’ без этого компонента может быть соотнесена не только с субъективным, но и с объективным временем. Целью данной работы является рассмотрение характера темпоральной семантики и особенностей функционирования глаголов *медлить* и *мешкать*. Источником языкового материала послужила база данных НКРЯ (основной и газетный корпуса) [2], включающая 2976 вхождений глагола *медлить* и 732 – глагола *мешкать*.

Глагол *медлить* репрезентирует объективный аспект времени, если (1) сочетается с конституентами хронометрического темпорального субкода или (2) соотносится с периодом времени, исчисляемым в объективной системе временных координат, например: *(1) Но он* ***медлил***. ***Медлил еще два года*** *и* ***после того, как ушел на пенсию*** *(В. Распутин. Изба); (2) Пуськов понимал, что следует порвать с девицей, но из-за природной*

© Широкова Е. Н., 2013

интеллигентности ***медлил****, а* ***через месяц*** *Настя сама сказала… (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки).*

При сочетании с конституентами эмотивного темпорального субкода, эксплицирующими переживание хода времени, или единицами, субъективирующими повествование, *медлить* репрезентирует субъективный аспект времени, например: *Саша нарочно* ***медлил*** *– ему* ***хотелось подольше*** *насладиться,* ***растянуть*** *эту чудесную* ***минуту*** *(Д. Гранин. Искатели); Надо было читать второе письмо, но председатель* ***почему-то медлил****, шарил руками по столу и затравленно озирался.* ***Наконец, когда дальше тянуть уже было некуда,*** *он встал (А. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени).*

Если из контекста неясно, с какой системой временных координат соотносится период времени, определяемый как долгий, то темпоральная семантика глагола *медлить* оказывается диффузной и может быть соотнесена как с объективным, так и с субъективным временем, например: *Но ведь без риска не было шанса на выигрыш. Мы* ***медлили*** *еще и потому, что нас подстерегало зловещее зеро, то есть ноль, когда все ставки проигрывали (В. Катаев. Алмазный мой венец).*

Глагол *мешкать* не сочетается с показателями объективного времени. Основная сфера его употребления – субъективированное повествование, в котором *мешкать* выступает как средство экспликации субъективного времени наряду с конституентами эмотивного темпорального субкода, например: *Я на табурете, я ощущал: стояла рядом. Я не обернулся – только* ***длил минуту*** *(потреблял ее теплую тяжесть). Я* ***мешкал****, а мне предлагалась вся бесконечность немужского мира (В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени).*

В объективированном повествовании глагол *мешкать* эксплицирует субъективное время и наряду с другими языковыми средствами субъективации повествования, такими, как лексика с семантикой восприятия, модальные частицы, оценочная лексика, языковые единицы с эмоционально-экспрессивной окраской и т. д., участвует в формировании нарративной структуры повествования, например: *Перед ним у кассы стояла немолодая ухоженная женщина. Она* ***мешкала*** *с покупками, что-то странно приговаривая. Росту она была высокого, одета в хорошее статное пальто (А. Иличевский. Матисс).*

В качестве средства экспликации субъективного времени глаголы *медлить* и *мешкать* участвуют в формировании эмоционально-оценочной текстовой информации. Между эмоциональным состоянием субъекта и переживанием времени существуют отношения каузации: субъективное смещение времени коррелирует с определенным эмоциональным состоянием. Соответственно, рассматриваемые глаголы выступают как средство репрезентации текстовой категории эмотивности, например: *Чертыхаясь, Пантелей Прокофьевич начал разыскивать зипун, фуражку, упряжь. Он так* ***долго мешкал****, что Дуняшка не вытерпела – ворвалась в кухню и со слезами напустилась на отца: – Езжай* ***скорее****! Чего ты роешься, как жук в навозе? Наташка помирает, а он* ***битый час*** *собирается! (М. Шолохов. Тихий Дон. Кн. 4).*

В данном примере сема ‘долго’ глагола *мешкать* актуализируется семным (*долго мешкал*) и семантическим (*битый час*) повторами, а также наречием *скорее*, которое указывает на несоответствие желательного и реального положения дел и на вызванное этим несоответствием переживание хода времени.

Таким образом, если определить темпоральное значение глаголов *медлить*, *мешкать* как ‘событие (действие) Б не следует сразу же за событием (действием) А; говорящий (пишущий) оценивает временной интервал между событиями (действиями) А и Б как длящийся долго’, то глагол *медлить* может эксплицировать данный интервал в объективной и субъективной системах временных координат, а глагол *мешкать* – только в субъективной.

Еще одно отличие в функционировании анализируемых глаголов связано с частотностью их употребления в конструкциях с отрицанием. Так, отрицательные конструкции с *медлить* составляют 34 % от общего количества вхождений в основном корпусе (866 употреблений из 2537) и 41 % в газетном (181 из 439). Соответствующее употребление глагола *мешкать*: 74 % в основном корпусе (439 из 594) и 84 % в газетном (116 из 138). Причем глаголы *медлить*, *мешкать* функционируют в трех типах отрицательных конструкций.

1. Конструкции с формами деепричастия: *не медля* – 362 употребления (42 % от количества отрицательных конструкций) в основном корпусе и 28 (16 %) – в газетном, *не мешкая* – 263 (60 %) в основном корпусе и 100 (86 %) в газетном.

2. Конструкции с модусной рамкой желательности, необходимости, невозможности и т. п., в которых *медлить*, *мешкать* зависят от слов с модальной семантикой: *не хотеть (иметь права, должен, намерен и т. п.) медлить (мешкать); просить (призывать, советовать, рекомендовать и т. п.) не медлить (мешкать); нельзя (незачем) медлить (мешкать).* Частотность таких конструкций: с глаголом *медлить* – 434 употребления (50 %) в основном корпусе и 126 (70 %) в газетном; с глаголом *мешкать* – 148 (34 %) в основном корпусе и 11 (10 %) в газетном.

3. Объективированные высказывания, в которых анализируемые глаголы употребляются в форме изъявительного наклонения или в со-

четании со связкой *стать*. Частотность таких конструкций: с глаголом *медлить* – 70 употреблений (8 %) в основном корпусе и 26 (14 %) в газетном; с глаголом *мешкать* – 28 (6 %) в основном корпусе и 5 (4 %) в газетном.

Таким образом, основное различие в частотности употребления глаголов с отрицанием (по данным основного корпуса) связано с использованием конструкций с деепричастием. Так, частотность употребления глагола *медлить* в форме деепричастия с отрицанием и в отрицательных конструкциях с модусной рамкой примерно одинаковая – конструкции с модусной рамкой активнее на 8 %. Иная картина в конструкциях с *мешкать*: отрицательные конструкции с деепричастием частотнее отрицательных конструкций с модусной рамкой на 26 %.

Меньшая активность форм *не медля* по сравнению с *не мешкая* заключается, на наш взгляд, в наличии наречий *немедленно*, *немедля* со значением ‘без промедления, задержки, тотчас’ [1]. Данные наречия актуализируют отсутствие временного интервала между событиями (действиями) и могут быть определены следующим образом: ‘событие (действие) Б наступает сразу же за событием (действием) А’. Тогда как форма деепричастия с отрицанием (*не медля*) актуализирует сменяемость событий (действий). Между событиями (действиями) возможен временной интервал, соответствующий обыденному положению дел и поэтому не замечаемый говорящим (пишущим), причем продолжительность такого интервала зависит от масштаба событий. Если интервал оказывается более длительным, чем при обыденном положении дел, то он воспринимается как долгий. Этим объясняется высокая частотность (240 употреблений – 66 %) распространения отрицательно-деепричастной конструкции *не медля* темпоральными конкретизаторами, указывающими на:

- отсутствие какого-либо интервала между событиями (*нимало*, *нисколько*, *ничуть*, *ни (единого) мгновения*, *ни мига*, *ни секунды*, *ни малейше*);
- отсутствие временного интервала, который в соответствии с масштабом событий в субъективной системе временных координат может расцениваться как долгий *(ни (одной) минуты*, *ни (единого) часа (часу)*, *ни (единого, одного) дня*).

Отрицательно-деепричастная конструкция *не мешкая* намного реже распространяется такими темпоральными конкретизаторами (54 употребления – 21 %). В целом же *не медля*, *не мешкая* указывают на то, что с точки зрения говорящего (пишущего) временной интервал между событиями (действиями) отсутствует или же отсутствует такой временной интервал, который в субъективной системе временных координат может быть представлен как долгий. Аналогичное значение эксплицируется сочетаниями *не медлить*, *не мешкать* в объективированном повествовании, например: *В своем кабинете Гуров уже* ***не медлил****, а действовал по обдуманному в дороге плану (Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта); Увидев в руках Гудолл еще один банан, он уже* ***не мешкал ни минуты*** *(З. Зорина. О мышлении животных).*

Использование рассматриваемых глаголов в отрицательных конструкциях с модусной рамкой является показателем того, что с точки зрения говорящего (пишущего) возможный временной интервал между двумя событиями оценивается как нежелательный (недопустимый). Такие конструкции индифферентны к выбору системы временных координат, однако предполагают субъективированный тип повествования, например: ***Прошу не медлить****! (А. Солженицын); – Друзья мои, – начал он, – я пришел вам сказать, что* ***мешкать нечего*** *(И. Тургенев. Новь).*

Иная картина распределения рассматриваемых глаголов в составе отрицательных конструкций наблюдается в газетном корпусе. Преобладающее употребление глагола *медлить* с отрицанием в конструкциях с модусной рамкой (70 %), а *мешкать* с отрицанием в форме деепричастия (86 %) свидетельствует о тенденции к их специализации в современных СМИ. Так, *не мешкая* используется как экспрессивное средство выражения отсутствия временного интервала между событиями (действиями). *Не медлить* в составе конструкций с модусной рамкой выступает как средство формирования эмоционально-оценочной текстовой информации, характерной для СМИ.

Наряду с этим глаголы *медлить* и *мешкать* в утвердительных конструкциях могут указывать на наличие временного интервала между событиями, без оценки такого интервала с точки зрения его длительности или желательности. В таком случае эксплицируется значение ‘событие Б не следует сразу же за событием А’. При этом наблюдается некоторое различие в функционировании данных глаголов в СМИ. Так, в жанре спортивного репортажа глаголы *медлить* и *мешкать* оказываются взаимозаменимыми, например: *Дмитрий один перед воротами казанцев, но* ***медлит*** *и промахивается (Советский спорт, 28.03.2009);* ***Мешкает*** *Боннар. Зырянов выводит Погребняка один на один, как на хоккейный буллит (Советский спорт, 13.03.2008).*

В остальных случаях (по данным газетного корпуса) употребляется только глагол *медлить*.

Кроме того, разговорная окраска глагола *мешкать* обусловливает его употребление в качестве средства экспрессивизации высказывания и имитации разговорной речи, например: *Девушка, ну что вы* ***мешкаете****?! – нервничала продавщица, оглядываясь по сторонам (Комсомольская правда. 04.10.2004).*

В некоторых словарях у глагола *мешкать* выделяется еще одно значение – ‘2. Быть где-либо дольше, чем нужно; задерживаться’ [4], [6], оценочный компонент которого также предполагает субъективный аспект времени. Тем самым создаются условия функционирования глагола в этом значении: *мешкать* употребляется в высказываниях с оценочным модусом как средство субъективации повествования и репрезентации эмоционально-оценочной информации, например: *Казалось, тетя Мари не ходит, не двигается, а только* ***мешкает****, и как раз в тех местах, в тех проходах, где нужно было проходить всем другим – быстрым, организованным (И. Грекова. Под фонарем).*

Итак, *медлить* может эксплицировать как объективный, так и субъективный аспекты времени или выступать в качестве единицы, индифферентной по отношению к выбору системы временных координат. Глагол *мешкать* эксплицирует субъективный аспект времени или является индифферентным к характеру эксплицируемого времени. Следовательно, сема ‘слишком’ (‘очень’), ориентированная на субъективный аспект времени, не должна включаться в значение *медлить*, но может быть эксплицирована у глагола *мешкать*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Е ф р е м о в а Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: В 2 т. М.: Русский язык, 2001.
2. НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.ruscorpora.ru
3. О ж е г о в С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1988.
4. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988.
5. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. Л.: Наука, 1970–1971.
6. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР: Наука, 1950–1965.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940.
8. Ш и р о к о в а Е. Н. Темпоральный код русского языка как репрезентант понятийной категории времени: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Н. Новгород, 2012. 47 с.

Shirokova E. N., Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

VERBS *TO LINGER* AND *TO TARRY*: SEMANTICS AND FUNCTIONING

The verbs *to linger* and *to tarry* are described in dictionaries in a circle framework; the seme ‘very’ is ascribed to both verbs. The purpose of the article is to study the meaning and characteristic features of the above mentioned verbs (on the basis of the National Corpus of the Russian Language). The verb *to linger* is associated with the indicators of both objective and subjective time; the verb *to tarry* – with the indicators of subjective time only. We define the temporal meaning of the verbs as ‘an event (action) B, which does not follow right after the event (action) A’. If a speaker estimates the time domain between events (actions) as lasting for a long time’ then *to linger* may express this time domain in objective and subjective systems of time coordinates, and *to tarry* – only in subjective one. In some constructions, the verbs are indifferent to the choice of time coordinates. In negative constructions with the modal framework, the analyzed verbs are indicative of undesirable (prohibitive) time domain. The verb *to tarry* is used in negative participial constructions as an expressive means denoting the absence of time domain. The verb *to linger* is used in negative constructions with the modal framework as an instrument of emotional and evaluative text formation. The verbs *to linger* and *to tarry* may represent the meaning ‘event (action) B, which does not follow right after the event (action) A’ and involves no estimation of time domain. In the genre of sports’ broadcasts the verbs may be used interchangeably. In other cases (according to the newspaper corpus), the verb *to linger* is used. Thus lexicographic description of the seme ‘very’ should be inherent to the verb *to tarry* but not to verb *to linger*.

Key words: temporal semantics, meaning, objective time, subjective time, textual functions

REFERENCES

1. E f r e m o v a T. F. *Novyy slovar’ russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel’nyy: V 2 t.* [The New Russian Language Dictionary. Word-Building Thesaurus: In 2 vol.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2001.
2. *NKRYA: Natsional’nyy korpus russkogo yazyka* [NCRL. National Corpus of the Russian Language]. Available at: http://www.ruscorpora.ru
3. O z h e g o v S. I. *Slovar’ russkogo yazyka* [The Russian Language Dictionary]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1988.
4. *Slovar’ russkogo yazyka: V 4 t.* [The Russian Language Dictionary: In 4 vol.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1985–1988.
5. *Slovar’ sinonimov russkogo yazyka: V 2 t.* [The Dictionary of Russian Language Synonyms: In 2 vol.]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1970–1971.
6. *Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 t.* [The Modern Literary Russian Language Dictionary: In 17 vol.]. Moscow; Leningrad, RAS USSR: Nauka Publ., 1950–1965.
7. *Tolkovyy slovar’ russkogo yazyka: V 4 t.* [Russian Language Thesaurus: In 4 vol.]. Moscow, OGIZ: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1935–1940.
8. S h i r o k o v a E. N. *Temporal’nyy kod russkogo yazyka kak reprezentant ponyatiynoy kategorii vremeni. Avtoref. diss. dokt. filol. nauk* [The Temporal Code of the Russian Language as the Representative of the Notion Category of Time. Dr. philol. sci. author’s abstract of the diss.]. Nizhny Novgorod, 2012. 47 p.

Поступила в редакцию 03.04.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Филология** **2013**

УДК 811.161.1

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА ЛОМАКИНА
кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, Институт русского языка и культуры МГУ им. М. В. Ломоносова, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)
rusoturisto07@mail.ru

АЛЕКСАНДРА СТЕФАНОВНА МАКАРОВА
заведующий кафедрой французской филологии, Московский институт иностранных языков (Москва, Российская Федерация)
aleste_63@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ КРЫЛАТОГО ВЫРАЖЕНИЯ-ГАЛЛИЦИЗМА *МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ* В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (на материале Национального корпуса русского языка)

Актуальным представляется изучение особенностей употребления крылатых выражений в публицистическом дискурсе, который наряду с разговорной речью отражает тенденции развития современного языка. Причины введения крылатых слов и выражений в текст (речь) носят самый различный характер: для эмоционально-экспрессивной номинации явлений в жизни общества, с целью индивидуализации речи и т. п.

Ключевые слова: крылатые единицы, публицистический дискурс, трансформация, контаминация

Изучение функционирования фразеологизмов в текстах разных стилей и жанров является одной из активно разрабатываемых научных проблем. Этому посвящены работы ряда исследователей [2], [4], [5], [7], [11], [12]. Данная статья посвящена изучению употребления крылатых выражений (далее – КВ), являющихся частью фразеологического фонда языка, в публицистическом стиле, который наиболее быстро из всех других функциональных разновидностей языка реагирует на события, происходящие в современном обществе. Вопросам функционирования крылатых слов и выражений в языке и речи посвящены труды многих видных ученых: А. М. Бабкина, В. П. Беркова, В. М. Мокиенко, Э. М. Солодухо, В. В. Шендецова, С. Г. Шулежковой [1], [3], [6], [10], [14].

Актуальным представляется изучение особенностей употребления КВ в публицистическом дискурсе, который наряду с разговорной речью отражает тенденции развития современного языка. Под КВ вслед за В. П. Берковым, В. М. Мокиенко и С. Г. Шулежковой мы понимаем единицы, исторический или литературный источник которых очевиден или доказуем. Основным дифференциальным признаком КВ, отличающим их от любой устойчивой раздельнооформленной языковой единицы, является «генетическая печать авторства, связь с источником (автором, персонажем, произведением искусства или литературы и т. д.)» [14; 28]. Крылатые слова и выражения, по словам О. В. Берковой, являют собой «обобщение человеческого опыта, выражение жизненной мудрости, передачу философского смысла» [2; 12]. По мнению С. Г. Шулежковой, жизнь крылатой единицы (далее – КЕ) – «это ее функционирование в различных сферах речевой деятельности, где любая КЕ проявляет свои свойства» [14; 242].

Основное свойство языка современной публицистики – это способность сочетать в себе две внешне противоречащие друг другу установки – на стандарт и экспрессию. Язык современной журналистики имеет ряд особенностей: любимым приемом в текстах современных газет все чаще становятся различные преобразования КВ, трансформация которых возможна благодаря их внутренней форме (исходного смысла) и ее устойчивости. «У идиомы в качестве “предшественника” выступает сочетание слов, компоненты которого утрачивают самостоятельную денотацию и референтную автономность… значение идиом всегда больше насыщенно “деталями”, чем значение слова» [11; 84].

Проблема изменчивости фразеологизмов, в том числе и КВ, до сих пор остается актуальной, о чем свидетельствуют исследования последних лет. Изменчивость КВ проявляется в их вариативности и модификативности. Под фразеологической вариативностью мы вслед за А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко понимаем изменение формальной стороны КВ: замену ее компонентов другими единицами; сокращение или расширение количественного состава (добавление или удаление слов) КВ; изменение грамматической или графической формы компонентов КВ [6; 28].

Формальное варьирование компонентов КВ не нарушает целостность фразеологизма, не изменяет существенно его значение. К се-

© Ломакина О. В., Макарова А. С., 2013

мантическим преобразованиям принято относить семантико-стилистические, которые не затрагивают лексико-грамматической структуры идиомы. Выделяют два основных типа структурно-семантических преобразований КВ: преобразования, не приводящие к нарушению семантического тождества КВ; трансформации, в результате которых возникают индивидуально-авторские (окказиональные) КВ [6; 33].

Изучив материал газетного фонда Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [9], мы пришли к выводу, что в российской прессе активно употребляются следующие крылатые слова и выражения французского происхождения: *Варфоломеевская ночь*; *делить шкуру неубитого медведя*; *медовый месяц*; *на войне как на войне*; *ради прекрасных глаз*; *после нас хоть потоп* и др.

В данной статье мы рассмотрим особенности употребления КВ *медовый месяц* в российской публицистике и проанализируем примеры ее трансформаций.

Обратимся к этимологии указанной единицы. *Медовый месяц* – выражение, принадлежащее Дж. Хейвуду (XVI век), восходит к персидскому фольклору. Однако данное КВ приобретает известность позже, после того как Вольтер употребил его в романе «Задиг, или Судьба» (1747): «Задиг испытал, что первый месяц брака, как он описан в книге Зенд, является ***медовым месяцем***, а второй – полынным месяцем». Рассматриваемая единица многозначна: 1. Первый месяц супружеской жизни; время сразу после свадьбы. 2. *Шутл.* О счастливом, приятном и безмятежном периоде в чьей-либо совместной жизни. 3. *чего.* О лучшей поре, расцвете чего-либо [3; 264–265].

По данным НКРЯ, в русском языке КВ *медовый месяц* стало употребляться с начала XIX века как в публицистических, так и в художественных текстах в двух значениях: «1. Начальная, наиболее счастливая пора супружеской жизни. 2. Расцвет, лучшая пора» [13; 376]. Например, в текстологии Л. Н. Толстого *медовый месяц* (8 употреблений) используется как в первом, так и во втором значении:

Вообще тот ***медовый месяц****, то есть месяц после свадьбы, от которого, по преданию, ждал Левин столь многого, был не только не медовым, но остался в воспоминании их обоих самым тяжелым и унизительным временем их жизни* («Анна Каренина»).

Сколько я ни старался устроить себе ***медовый месяц****, ничего не выходило* («Крейцерова соната»).

В современной российской публицистике КЕ *медовый месяц* употребляется во всех значениях:

1. *Женился и уже наслаждается* ***медовым месяцем*** *один из самых богатых, теперь уже бывших холостяков в мире, – соучредитель поисковой системы Google Ларри Пейдж* [Труд-7. 12.21.2007].

2. *Местные жители: женаты, но готовы на подвиги. Бали считается идеальным местом для* ***медового месяца****: любовь здесь, как пишут в романах, разлита в воздухе* [Комсомольская правда. 12.05.2007].

3. *И хотя* ***«медовый месяц»*** *Советского Союза с «самым пассионарным континентом» остался далеко позади, в 1970-х, современная Россия, как выяснили «Известия», собирается уже в ближайшее время наверстать упущенное* [Известия. 11.01.2007].

Приведем контекстное употребление рассматриваемого КВ:

Как только мистер и миссис Смит выясняют, что все шесть лет брака они скрывали друг от друга главное – службу в конкурирующих «фирмах», специализирующихся на заказных убийствах, оба киллера словно заново знакомятся. Однако их ***повторный «медовый месяц»*** *построен не на признаниях в любви, а на взаимной ревности* [Известия. 24.12.2007].

БЛИЗНЕЦЫ. Результаты достижимы даже малыми усилиями, и прежде всего в деловом партнерстве. А в супружеских отношениях можно рассчитывать на наступление ***внеочередного «медового месяца»*** [Труд-7. 11.08.2007].

Вскоре я заметил, что мой живот растет, мне уже лень репетировать новые номера. И мы решили закончить ***медовый кулинарный месяц****. Стали вместе с Кариной вегетарианцами* [Труд-7. 02.09.2006].

Анализ приведенных контекстов показывает, что расширение компонентного состава КВ происходит за счет прибавления определения, придающего ироничный оттенок выражению. Кроме прилагательных, журналисты активно используют и другие части речи для экспликации КВ. Например:

Анастасия ВОЛОЧКОВА, балерина: – Улетим с мужем в Таиланд. У нас там будет ***второй медовый месяц*** [Комсомольская правда. 12.29.2007].

Чтобы не «потерять лицо», раз якобы обнаружен «русский след»? Или Брауну надо и здесь показать себя жестким преемником Блэра? Но какой смысл портить давние, нелегко наработанные, да и выгодные обеим державам отношения? Не прошло и двух недель после смены власти, а по вердикту «Дейли экспресс», ***«медовый месяц мистера Брауна»*** *уже закончился. Англичане ждут, что новая «метла» будет мести энергично и, главное, с пользой для них* [Известия. 07.17.2007].

Серия публикаций в британской прессе о подлинных или мнимых любовных похождениях Дэвида Бекхэма, начавшаяся с откровений его бывшей ассистентки Ребекки Лоос, стала серьезным испытанием на прочность для зна-

менитой четы. ***ИГРА В МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ.*** *Виктория делает вид, что ничего особенного не произошло, что шторм, который проносится сейчас над их с Дэвидом семейными отношениями, нисколько их не поколеблет* [Советский спорт. 04.20.2004].

Интересен факт употребления данного КВ в текстах медицинской тематики:

У женщин межреберные невралгии могут имитировать боли при мастопатии, а характерный для невритов «синдром натяжения» может вызвать в молочной железе ощущение окаменелости. Так что не удивляйтесь, если маммолог попросит вас пройти обследование у невролога. КСТАТИ, ***«Паралич медового месяца»*** *это не шутка, а одно из проявлений локтевой или лучевой невралгии* [Комсомольская правда. 01.31.2007].

ДИАБЕТИК И ЭКСТРАСЕНСЫ. Известно, что у некоторых диабетиков в самом начале лечения вдруг могут заработать считавшиеся погибшими клетки поджелудочной железы, в результате чего необходимость в инсулине сильно уменьшается, а иногда и вовсе исчезает – на какое-то время. Этот период называется ***медовым месяцем диабетика****, но знают о нем не только врачи, но и околомедицинские шарлатаны. Они зазывают к себе свеженьких диабетиков, чтобы приписать этот кратковременный эффект своим выдающимся экстрасенсорным способностям и снять с клиента приличную сумму за «излечение». А когда* ***медовый месяц*** *проходит, отфутболивают обманутого диабетика к эндокринологам – мол, тяжелый случай, мои чары тут бессильны* [Труд-7. 07.16.2001].

В первом примере речь идет о локтевой или лучевой невралгии, при которой женщина испытывает боли, лишающие ее привычного комфорта, – «медового месяца». Здесь КВ выступает в роли вторичной номинации. Во втором примере анализируемое КВ получает экспрессивный характер: речь идет о периоде улучшения самочувствия диабетика, когда он может отказаться от инсулина.

Теперь рассмотрим примеры семантической трансформации, не приводящей к нарушению семантического тождества крылатого слова:

Со времен коммунистического братства Сталина и Мао не было такой идиллии в отношениях между Китаем и Россией. Начало реализации совместной космической программы по изучению Марса, новые экономические контракты на сумму 4,3 млрд долларов, особые отношения в сфере поставок энергетического сырья и, самое главное, начало «стратегического партнерства», направленного против США, – визит Ху Цзиньтао в Москву завершается триумфальным итогом. ***Новый медовый месяц между Китаем и Россией*** *окончательно зачеркивает десятилетия холода и даже конфликтов и свидетельствует о серьезной договоренности, направленной на изменение расстановки сил в мире* [Новый регион. 03.29.2007].

Накануне и сразу после избрания Николя Саркози президентом Франции многие местные политологи, с которыми доводилось беседовать о том, как они видят развитие франко-российских связей, были настроены весьма скептически. При этом ссылались на не так чтобы многочисленные, но весьма критические реплики Саркози в адрес России. Так, на одном из предвыборных митингов он довольно резко высказался по поводу ситуации у нас с правами человека и положением в Чечне, на другом заявил о своем несогласии со словами Владимира Путина о том, что развал СССР «был величайшей трагедией XX века», подчеркнув, что «крах любой диктатуры – всегда хорошая новость». Казалось, что действительно после ***«медового» периода в отношениях между двумя странами*** *времен президентства Жака Ширака вот-вот наступит серьезное похолодание* [Труд-7. 10.10.2007].

В первом контексте журналист употребляет выражение *новый медовый месяц* в значении «новый период» в отношениях. Во втором примере происходит субституция существительного *месяц* на *период* с сохранением семантики исходного КВ. В следующем примере наблюдается появление семантического оттенка КВ *медовый месяц* за счет лексического расширения путем прибавления местоимения *каждый*:

Иджи была в белом платье, я, как и положено, – в черном фраке. К сожалению, вскоре после свадьбы я отправился в Донецк, так что ***медового месяца*** *у нас не было. Но это не столь важно. Главное – мы любим друг друга, а поэтому* ***каждый месяц у нас – медовый*** [Труд-7. 12.19.2002].

В российской публицистике также встретились примеры лексического расширения, приводящие к изменению семантики КВ, где исходная единица выступает в роли номинанта. Данное употребление представляет собой не что иное, как образование вторичного наименования на основе семантических ассоциаций. Свеча является символом романтических отношений между мужчиной и женщиной, которые характерны для медового месяца:

Римская свеча «Медовый месяц»*, запал горит 10 секунд. Быстро выстреливает 8 раз, над землей в 10 метрах взрывается сноп мелких петард – маленькие желтые искры и большие магниевые звезды. Цена – 80 рублей, оценка – 3 с плюсом* [Комсомольская правда. 12.29.2003].

Далее рассмотрим примеры субституции, где данное крылатое выражение выполняет номинативную функцию:

Молодожены взяли с собой собачку принцессы Елизаветы, корги Сьюзен. 49. Первую брачную ночь пара провела в Бродлендсе в Гэмпшире,

в доме дяди Филиппа. ***Вторая часть медового месяца*** *прошла в шотландском замке Балморал. В начале 1948 пара арендовала их первый общий дом в Суррее, около Виндзорского замка, где они остались, пока они не перебрались в Кларенс-Хаус <...>* [РИА Новости. 11.20.2007].

После праздничного обеда новобрачные покинули Букингемский дворец, осыпанные розовыми лепестками, и в сопровождении любимой собаки Елизаветы – корги Сюзан – с вокзала Ватерлоо отправились в гости к дяде жениха, герцогу Маунтбаттену, где и прошла их первая брачная ночь. ***Остаток «медового месяца»*** *будущая королева и ее муж провели в шотландском замке Балморал, где Елизавета Вторая любит отдыхать до сих пор* [Известия. 11.19.2007].

В тбилисском аэропорту он отдал мне нести чемодан, мол, пусть все видят, какая у него послушная, покладистая жена. Не могу припомнить, было ли мне тогда обидно. Даже если и так, я была совершенно счастлива и успокоена радушием новой родни: Верико Анджапаридзе, родной сестры его мамы Мэри, двоюродной сестры Софико Чиаурели и многих других. Но прошел ***медовый этап****, и Георгий Николаевич решил вылепить из меня образцово-показательную «домашнюю жену»* [Труд-7. 12.07.2006].

Когда мы познакомились, он снял в Ленинграде квартиру, чтобы мы поселились вдвоем. Что такое общественный транспорт, я не знала. К плите не подходила. ***«Медовые полгода»****. Правда, Улоф предупреждал, что в Швеции мы похуже жить будем, но чтобы настолько* [Комсомольская правда. 07.01.2004].

Следующий контекст ярко иллюстрирует окказиональную замену, субституция *месяц – отношения* является контаминацией КВ с фразеологизмом *добавить ложку дегтя в бочку меда*. Это пример индивидуально-авторского преобразования данного крылатого оборота:

Первой «сибирской ласточкой» стало подписание соглашения между Газпромом и компанией BASF. Немецкий химический гигант получит 35 % в консорциуме по разработке Южнорусского газового месторождения, которое в будущем должно питать североевропейский газопровод. По словам Путина, запасов там хватит на 30 лет. На пресс-конференции немецкие журналисты попытались ***добавить ложечку дегтя в «медовые отношения» двух лидеров****. Они принялись «пытать» президента, что означает российская энергетическая экспансия в Европу* [Комсомольская правда. 04.28.2006].

В следующем примере автор прибегает к контекстуальной антонимии, противопоставляет полярные понятия *холодная война* и *медовый месяц* и эффектно расставляет смысловые акценты:

Что сказал президент: ***О «холодной войне» и «медовом месяце»****. В международных делах и в отношениях между государствами вряд ли можно употреблять терминологию, которая была бы уместна в отношениях между людьми, особенно в* ***«медовый месяц»*** *либо перед тем, как мужчина и женщина собираются отправиться в загс. Сегодня одна из главных сложностей заключается в том, что некоторые участники международного общения полагают, что их мнение является истиной в конечной инстанции* [Комсомольская правда. 06.05.2007].

Как свидетельствуют приведенные примеры, использование КВ в современной российской публицистике – явление распространенное. КВ вводятся в текст как полностью, так и в трансформированном виде, с заменой компонентов и т. п. Журналисты используют все значения исходного КВ, которые оно приобрело в русском языке.

Причины введения крылатых слов и выражений в создаваемый текст носят самый разный характер: для эмоционально-экспрессивной номинации явлений в жизни общества, с целью индивидуализации речи и т. п. Таким образом, в языке современных газет идет активный процесс модификации КВ; инвариант единицы может употребляться реже, чем их варианты; часто КВ служит «строительным» материалом для создания новых, порой неожиданных ярких и экспрессивных оборотов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3 т. 2-е изд., испр. СПб.: КВОТАМ, 1994.
2. Беркова О. В. Крылатые слова и проблемы их лексикографирования: Дис. … канд. филол. наук. Л., 1991. 161 с.
3. Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М.: АСТ: Астрель: Русские словари, 2005. 623 с.
4. Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. М.: Высш. школа, 1978. 183 с.
5. Ломакина О. В. Типы использования крылатых выражений в письмах Л. Н. Толстого // XXIV Международные Толстовские чтения. Тула: Изд-во ТГПУ, 1998. С. 184–186.
6. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: Изд-во КГУ, 2008. 484 с.
7. Мокиенко В. М. Русские интертекстемы как отражение русской культуры // Мир русского слова и русское слово в мире: Материалы XI Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17–23 сентября 2007 г. Т. 2. Sofia: Heron Press, 2007. С. 224–231.
8. Мокиенко В. М. Фразеологическое калькирование как генератор интернационализации языковой системы // 4-е Жуковские чтения «Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме»: Материалы Междунар. науч. симпозиума. В. Новгород, 2009. С. 24–28.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru

10. С о л о д у х о Э. М. Мифологизмы и их прототипы // Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977. С. 94–100.
11. Т е л и я В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
12. Ф о к и н а М. А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе (на материале русской художественной прозы XIX–XX вв.): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Орел, 2008. 49 с.
13. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А. И. Федоров. М.: Цитадель, 1997. 392 с.
14. Ш у л е ж к о в а С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002. 288 с.

Lomakina O. V., Moscow State University, St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities (Moscow, Russian Federation)
Makarova A. S., Moscow Institut of Foreign Languages (Moscow, Russian Federation)

PECULIARITIES OF USING ELOQUENT EXPRESSION-GALLICISM *HONEY MOON* IN MODERN RUSSIAN JOURNALISM (BASED ON NATIONAL RUSSIAN LANGUAGE CORPS' MATERIALS)

Peculiarities of using eloquent expressions in modern journalism continue to constitute a particular interest. The publicistic discourse together with colloquial speech reflect tendencies of the modern language development. The reasons for colourful expressions' introduction into the texts (discourse) are different: emotive and expressive nomination of the phenomena characterizing the life of the society, individualization of speech etc.

Key words: eloquent expressions, publicistic discourse, transformation, contamination

REFERENCES

1. B a b k i n A. M., S h e n d e t s o v V. V. *Slovar' inoyazychnykh vyrazheniy i slov, upotreblyayushchikhsya v russkom yazyke bez perevoda: V 3 tomakh. 2-e izd., ispr.* [The Dictionary of Foreign Expressions and Words Used in the Russian Language]. St. Petersburg, KVOTAM Publ., 1994.
2. B e r k o v a O. V. *Krylatye slova i problemy ikh leksikografirovaniya. Diss. ... kand. philol. nauk* [Eloquent expressions and their lexicography problems]. Leningrad, 1991. 161 p.
3. B e r k o v V. P., M o k i e n k o V. M., S h u l e z h k o v a S. G. *Bol'shoy slovar' krylatykh slov russkogo yazyka* [The Big Dictionary of Eloquent Expressions of the Russian Language]. Moscow, AST: Astrel': Russkiye slovari Publ., 2005. 623 p.
4. V a k u r o v V. N., K o k h t e v N. N., S o l g a n i k G. Ya. *Stilistika gazetnykh zhanrov* [The Stylistics of newspaper genres]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 183 p.
5. L o m a k i n a O. V. The Types of Eloquent expressions' Usage in the L. N. Tolstoy Letters [Tipy ispol'zovaniya krylatykh vyrazheniy v pis'makh L. N. Tolstogo]. *XXIV Mezhdunarodnye Tolstovskiye chteniya* [XXIV Tolstoy International Readings]. Tula, TGPU Publ., 1998. P. 184–186.
6. M e l e r o v i c h A. M., M o k i e n к o V. M. *Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh edinits sovremennogo russkogo yazyka* [The Semantic Structure of Phraseological Units of the Modern Russian Language]. Kostroмa, KGU Publ., 2008. 484 p.
7. M o k i e n к o V. M. The Russian Intertexts as Reflection of the Russian Culture [Russkiye intertekstemy kak otrazheniye russkoy kultury]. *Mir russkogo slova i russkoye slovo v мire. Materialy XI Kongressa Mezhdunar. assotsiatsii prepodavateley russkogo yazyka i literatury. Varna, 17–23 sentyabrya 2007 g. T. 2* [The Russian Word World and the Russian Word in the World: the Materials of the XIth International Congress of the Russian and Literature Teacher Association. Vol. 2]. Sofia: Heron Press publ., 2007. P. 224–231.
8. M o k i e n к o V. M. The Phraseological Modelling as Generator of Language System Internationalization [Frazeologicheskoye kal'kirovaniye kak generator internatsionalizatsii yazykovoy sistemy]. *4-e Zhukovskiye chteniya "Frazeologizm v tekste i tekst vo frazeologizme". Materialy Mezhdunar. nauch. simpoziuмa* [The Zhukov 4th Readings "The Phraseological Unit in the Text and the Text in the Praseological Unit"]. V. Novgorod, 2009. P. 24–28.
9. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [The National Corps of the Russian Language]. Available at: http://www.ruscorpora.ru
10. S o l o d u k h o E. M. The Mythologisms and their Prototypes [Mifologizмy i ikh prototipy]. *Voprosy sopostavitel'nogo izucheniya zaimstvovannoy frazeologii* [Questions comparative study borrowed phraseology]. Kazan, Kazanskiy un-t Publ., 1977. P. 94–100.
11. T e l i y a V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [The Russian Phraseology. The Semantic, Pragmatic and Lingua-cultural Aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury Publ.", 1996. 288 p.
12. F o k i n a M. A. *Frazeologicheskiye edinitsy v povestvovatel'nom diskurse (na materiale russkoy khudozhestvennoy prozy XIX–XX vv.). Avtoreferat diss. … d-ra philol. nauk* [The Phraseological Units in the Narrative Discourse (based on the Russian Prose of the XIX–XX cc.)]. Orel, 2008. 49 p.
13. *Frazeologicheskiy slovar' literaturnogo russkogo yazyka. V 2 t.* [The Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language. In 2 vol.]. Moscow., Tsitadel' Publ., 1997. 392 p.
14. S h u l e z h k o v a S. G. *Krylatye vyrazheniya russkogo yazyka, ikh istochniki i razvitie* [The Eloquent Expressions of the Russian Language, their sources and development]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2002. 288 p.

Поступила в редакцию 27.09.2011

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Филология** **2013**

УДК 811.161.1’373.611(045)

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ЮДИНА
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой культуры, Институт филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)
tatyana.y.tanya@mail.ru

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ И СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ТЕРМИНОВ В ЛСГ «НАЗВАНИЯ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ» В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НАЧАЛА XVIII ВЕКА*

Рассматривается формирование лексико-семантической группы (ЛСГ) «Названия лиц по профессии» (НЛП) горнозаводского производства Петровской эпохи. Первоначально выделяются родовые наименования (гиперонимы), на базе которых формируются видовые (гипонимы) разноструктурные номинативные единицы. НЛП представлены тремя структурными типами номинации: лексическим, синтагматическим и фразовым, при этом они объединены в подгруппы терминов по общности мотивировочного признака номинации. Так выявлены объемные синонимические ряды, в состав которых входят однословные термины, составные и фразовые наименования. На базе гиперо-гипонимических отношений складываются модели многокомпонентных терминов, отражающих более узкую специализацию труда. Основным способом номинации является синтаксическая деривация. Системность выражается высокой регулярностью однотипных моделей терминов. Признаками исследуемой терминосистемы являются насыщенность ее состава неоднословными номинативными единицами, наличие обширных синонимических и номинативных рядов, объединяющих в своем составе номинативные варианты разной структуры. Активность данных системных отношений связана с поисками оптимальных средств для НЛП. Это свидетельствует о том, что в начале XVIII века формирование горнозаводской терминосистемы было еще не завершено.

Ключевые слова: номинативная единица, номинативный вариант, номинативный ряд, синонимический ряд, составное наименование, фразовое наименование, синтаксическая деривация, гиперо-гипонимические отношения терминов

В последние десятилетия внимание языковедов все более привлекает деловая письменность начального периода формирования русского национального языка. Вызывает значительный интерес процесс становления горнозаводской производственно-технической терминологии [3], [7], [9], [11], возникшей на основе общенародного языка. В силу экстралингвистических факторов горнозаводская терминология сформировалась в основном в Петровскую эпоху. Каковы отличительные признаки терминосистемы? Обратимся к рассмотрению структурных типов и системных отношений терминов в ЛСГ «Названия лиц по профессии». Основными источниками статьи послужили материалы горнозаводской письменности конца XVII – начала XVIII века: документы Олонецких, Тульских, Уральских заводов, в качестве дополнительных использованы данные исторических и региональных словарей и историко-лексикологических исследований.

В составе ЛСГ «НЛП горнозаводского производства» выделяются родовые наименования (гиперонимы), которые по степени обладания навыком квалифицированного труда можно разбить на три подгруппы: 1) названия специалистов, обладающих навыками высоко квалифицированного труда: *мастер, мастеровые люди, подмастерье, кузнец, заводца;* 2) обозначения лиц, обучающихся горнозаводскому ремеслу: *ученик, школьник;* 3) обозначения лиц, не имеющих квалификации и выполняющих разные вспомогательные работы на заводах: *работник, работный человек (работные люди).* Данные гиперонимы являлись стержневыми компонентами видовых разноструктурных номинативных единиц (НЕ): составных наименований (СН), фразовых наименований (ФН), обозначающих рабочих разных специальностей. В статье анализируются видовые наименования с опорным словом *мастер* в значении «специалист высокой квалификации, принадлежавший к высшей группе сословной организации ремесленников» [8; 211]. В горнозаводской документации конца XVII – начала XVIII века НЛП конкретной специализации представлены следующими структурными типами номинации:

I. Лексический (словный) тип: словные НЕ, возникшие в результате аффиксации или на базе семантической конденсации СН, сопровождающейся аффиксацией: *замочник, плавильщик, опытчик* и др.

II. Синтагматический тип:

а) двусловные наименования, состоящие из относительного прилагательного и имени существительного (ОП + С), в которых имя существительное обычно называет общее (родовое) понятие, а имя прилагательное определяет разновидность понятия (*замочный мастер*);

© Юдина Т. М., 2013

б) трехсловные наименования, образованные посредством двусловного СН, состоящего из относительного прилагательного и имени существительного *дЪло* в родительном падеже {ОП + С (р. п.)} и стержневого (родового) слова, выраженного именем существительным [{ОП + С (р. п.)} + С] (*замочного дЪла мастер*).

III. Фразовый тип: ФН, представляющие собой синтаксическую конструкцию, состоящую из опорного слова (*мастер* и др.), к которому относится придаточное предложение, уточняющее профессиональные навыки специалиста (*мастер, который делает замки*).

Приведем примеры некоторых НЛП разных структурных типов, объединяя их по общности мотивационного признака в следующие группы:

1. *НЛП, данные по связи с производственным оборудованием.*

Двусловные НЕ: *доменный мастер* – «специалист по выплавке из руды чугуна, работавший у домны; плавильщик»: *взялъ у доменныхъ мастеровъ сказку... какъ станутъ дуть съ домны* [2, кн. 559, л. 24. 1721]; *молотовой мастер* – «специалист по обработке криц под большим молотом и выработке из железа полуфабрикатов»: *Молотовым мастерам окладъ от кузла желЪза разныхъ рукъ* [2, кн. 799, л. 156. 1727].

Трехсловные НЕ: *доменного дела мастер* [2, кн. 558, л. 143. 1718].

Фразовые НЕ: *мастеров и работников, которые работаютъ на домнах и под домною, 44 члвка* [2, кн. 634, л. 1083. 1717].

2. *НЛП, данные по продукту трудовой деятельности.*

Однословные НЕ: *замочник* – «специалист по изготовлению ружейных замков»: *оные ж замочники куютъ мушкотонные замки* [2, кн. 634, л. 1240 об. 1719]; *укладник* – «специалист по выделке уклада»: *желЪзо ковать на дЪло сталное станут укладники* [1, л. 186. 1704]. В олонецких документах однословный термин *укладник* употребляется эпизодически, частотны СН: *укладный мастер, укладного дела мастер* и др.

Двусловные НЕ: *дощатый мастер* – «специалист по выбивке под молотом мушкетных, латных и кровельных металлических досок»: *длинные обсЪчки на аршинные доски не годяца и ис тЪх перетягивать дощатым мастером на фузеиные доски* [2, кн. 557, л. 276. 1719]; *ефесный (гефесный) м.* – «специалист по изготовлению эфесов»: *ефЪснои мастеръ присадилъ в год кортиков сталными позолочеными ефесы* – 14 [2, кн. 634, л. 1152 об. 1719]; *замочный м.* [2, кн. 634, л. 1237 об. 1719]; синонимы-дублеты: *ложный (ложевой) м.* – чаще *станочный м.* – «специалист по изготовлению ружейных лож и сборке ружей» [2, кн. 634, л. 1244 об. 1719); *пушечный м.* – «специалист по отливке пушек и снарядов к ним» [2, кн. 634, л. 1226 об. 1719]; *укладный м.* [1, л. 186. 1704] и др.

Эпизодически употребляются в деловых текстах трехсловные и фразовые НЛП.

Трехсловные НЕ: *инструментного дЪла мастер* – «специалист по изготовлению инструментов» [2, кн. 606, л. 242 об. 1711]; *оружейного д. м.* [2, кн. 559, л. 22. 1721]; *пушечного д. м.* [Там же]; *мастер дЪла бЪлои жести* [2, кн. 559, л. 114. 1722]; *медного д. м.* [5, л. 144. 1696]; *укладного д. м.* [Там же] и др.

Фразовые НЕ: *отправил... дощатого мастера, которои будетъ бить крышечныя доски* [4, л. 46. 1716]; *мастеровыхъ людеи 3 или 4 человЪка, которые въ существо умЪютъ дЪлать оружеиныя пружины и клинки* [4, л. 68. 1717]; *мастер, которыи дЪлает уклад* [2, кн. 558, л. 160. 1717].

В связи с дальнейшим развитием производства и дифференциацией трудовых процессов в начале XVIII века в горнозаводскую терминологию вливаются термины, отражающие более узкую специализацию труда. Разделение технологических процессов обусловило возникновение дополнительных НЕ, различающихся по структуре. Выделим три типа:

1) Терминосочетания, формирующиеся линейным способом, то есть за счет осложнения их уточняющими определениями: *плавильный мастер* [2, кн. 634, л. 1291. 1707]; *плавиленного д. м.* [2, кн. 634, л. 1294. 1719]; *мЪдного плавилного д. м.* [2, кн. 634, л. 1296 об. 1720]; *пушечный м.* [2, кн. 634, л. 1226 об. 1719]; *литейный пушечный м.* [2, кн. 634, л. 1151. 1719]; *мЪдныи литейный пушечный м.* [4, л. 80. 1718]; *фурмового пушечного дЪла м.* [2, кн. 799, л. 152 об. 1727].

2) Двусловное терминологическое сочетание (П + С), состоящее из определяющего слова, указывающего на продукт трудовой деятельности. Второй компонент (опорное слово) указывает на узкую специализацию.

В олонецких источниках отмечено, например, общее нерасчлененное название *ствольный мастер* «специалист по изготовлению ружейных и пистолетных стволов» [2, кн. 634, л. 1237. 1719]. Дифференциация по профессии связана с изменением (уточнением) стержневого слова. В результате возникает ряд терминов более узкой специализации: *ствольный заварщик* – «специалист, который “заваривал” (соединял сваркой края согнутой в трубку железной полосы) ружейные стволы» [2, кн. 558, л. 99. 1717]; *ствольный отдельщик* – «специалист, приводивший в законченный вид поверхность ружейного ствола» [2, кн. 558, л. 99 об. 1717]; *ствольный вертельщик* – «специалист, высверливавший канал ружейного ствола» [2, кн. 559, л. 11. 1721]; *ствольный точильщик* – «специалист по обработке поверхности ружейных стволов на точиле» [2, кн. 558, л. 17. 1718]; *ствольный присетчик* – «специалист, прикреплявший к стволу петли и целик» [2, кн. 558, л. 143. 1718].

Еще пример: нерасчлененное наименование *замочный мастер* – «специалист по изготовлению ружейных замков» [2, кн. 634, л. 1237 об. 1719] и термины узкой специализации: *замочный ковщик* – «специалист, выковывавший ружейные и пистолетные замки» [2, кн. 558, л. 62. 1717] и *замочный отдельщик* – «специалист, приводивший в законченный вид ружейные и пистолетные замки» [2, кн. 634, л. 1242. 1719].

3) НЛП узкой специализации. Названия построены по модели трехсловного описательного наименования, состоящего из опорного слова *мастер*, которое сочетается с отглагольным существительным в родительном падеже с предлогом *у*, обозначающим трудовой процесс; последнее управляет существительным в родительном падеже, называющим предмет труда: [предлог *у* С (р. п.) + С (р. п.) + С].

ствольный мастер	→ *у заварки стволов мастер* [2, кн. 559, л. 21 об. 1721];
	→ *у отделки стволов м.* [2, кн. 559, л. 21 об. 1721];
	→ *у верченья стволов м.* [2, кн. 559, л. 11 об. 1721];
	→ *у точенья стволов м.* [2, кн. 559, л. 21 об. 1721];
	→ *у присечки стволов м.* [2, кн. 559, л. 21 об. 1721]

См. также: нерасчлененное НЛП *замочный мастер* и термины узкой специализации: *у ковки замков мастер* [2, кн. 559, л. 12 об. 1721]; *у отделки замков м.* [2, кн. 559, л. 21 об. 1721].

Анализ материала показал, что данная модель в олонецких документах малопродуктивна: лишь в одной учетной книге Олонецких заводов [2, кн. 559. 1721] представлены примеры указанного типа. Продуктивна и частотна модель двусловного наименования рабочих (например, *ствольный отдельщик*). Что касается ареала, то двусловные атрибутивно-именные терминосочетания НЛП узкой специализации рабочих частотны в деловой письменности Тулы и Устюжны-Железопольской [8; 159, 295, 340], [6; 239–243].

Раскрывая системный характер ЛСГ НЛП, следует рассмотреть такой вид активных парадигматических отношений, как иерархические гиперо-гипонимические, а также выявить синонимические ряды (СР), проанализировать их структуру и особенности компонентов, то есть номинативные варианты (НВ).

Рассмотрим гиперо-гипонимические отношения. Судя по иллюстрациям, термин *мастер* «специалист высокой квалификации» входит в состав нескольких гипонимических рядов. На высшем уровне он выступает в роли гиперонима в составе двучленного наименования (*пушечный мастер* и др.). В свою очередь, такие термины, как *пушечный мастер, пушечного дела мастер*, являются родовыми наименованиями, видовое же понятие обозначается при помощи присоединения определения-конкретизатора, указывающего на дополнительный мотивировочный признак. Возможны разные уровни иерархических отношений. Ср., например:

МАСТЕР (родовое наименование)

I уровень	↓	
пушечный м.	–	*пушечного дела м.*
II уровень	↓	
литейный пушечный м.	–	*фурмового пушечного дела м.*
III уровень	↓	
медный литейный пушечный м.	–	

Как видно, трех- и четырехкомпонентные термины образуются путем добавления нового компонента к имеющимся уже терминосочетаниям (двух- или трехсловным) и обычно соответствуют моделям типа [П + (П + С)] или [П + (П + С (р. п.) + С)]. В горнозаводской терминологии активизация системных иерархических отношений способствовала и формированию наименований НЛП более узкой специализации по моделям (П + С) и [предлог *у* С (р. п.) + С (р. п.) + С], см.: [2, кн. 558, л. 62, 100. 1717], [кн. 559, л. 21, 34, 99. 1721], [кн. 634, л. 1235, 1245 об., 1719]:

Родовые наименования	Видовые наименования
мастер ефЪсных мастер	→ *ефЪсныи отливщик – у литья ефЪсов мастер*
мастер ефЪсных мастер	→ *ефЪсныи ковщик – у ковки ефЪсов м.*
мастер ефЪсных мастер	→ *ефЪсныи отдельщик – у отделки ефЪсов м.*
мастер ефЪсных мастер	→ *ефЪсныи присетчик – у присатки ефЪсов м.*
мастер ефЪсных мастер	→ *ефЪсныи золотарь – у золоченья ефЪсов м.*

Многокомпонентные термины имеют многоступенчатый характер. Они достаточно точно характеризуют название профессии, однако не соответствуют требованию краткости термина. Гиперо-гипонимические отношения способствуют тому, что каждое наименование профессии занимает определенное место в классификационной системе. Поэтому можно говорить о складывающейся иерархической родо-видовой системе во всей ЛСГ НЛП и о наметившейся тенденции к четкой выраженности гиперо-гипонимических отношений, активность которых обычно характерна для начального периода складывания терминосистем.

Сделаем выводы. Анализ данной ЛСГ в географическом аспекте показал, что подавляющее большинство горнозаводских терминов – НЛП (однословных, а также СН), имеющих общерусский ареал. Анализ лексики с ономасиологической

точки зрения свидетельствует о том, что к наиболее активным способам номинации относятся синтаксическая деривация, которая представлена такими структурными типами (моделями), как двусловные, трехсловные и многокомпонентные наименования. Способ синтаксической деривации удобен: он систематизирует терминологическую лексику, включает созданный термин в терминосистему путем актуализации иерархических отношений. Составные термины способны отразить наиболее полно и глубоко дифференциальные характеристики общего понятия. Анализ отношений терминов в составе ЛСГ позволяет выявить признаки ее системности:

а) Как и в других ЛСГ исследуемой терминологии [11], [12], системность проявляется в объединении терминов в одну ЛСГ по общности в их лексическом значении интегральной семы «горнозаводской рабочий». В составе ЛСГ, в свою очередь, выделены более мелкие подгруппы.

б) Из всех видов системных отношений наиболее активны в исследуемой терминологии деривационные и иерархические гиперо-гипонимические отношения (наблюдается иерархия трех уровней).

в) Системность выражается высокой регулярностью, а именно активным функционированием сложившихся однотипных моделей образования терминов – (П + С); (П + П + С): *дощатый мастер*; *литейный пушечный мастер* и др. Статистический анализ показал, что однословные, трехчленные и фразовые НЛП употреблялись реже, чем их двусловные атрибутивно-именные синонимы. Для рассматриваемой ЛСГ характерен специфический набор мотивировочных признаков – указание на продукт труда и профессиональное действие.

г) Системность проявляется в функционировании элементарных и сложных номинативных рядов (НР), возникших за счет структурной разнооформленности НЕ при сохранении материального тождества производящей основы: *Мастер, который делает уклад – укладный мастер – укладного дела мастер – укладник.* Вопрос о НР (иначе – в микросистеме номинативной деривации) достаточно подробно рассмотрен автором в опубликованных работах [10], [12].

д) «Системность проявляется в наличии синонимических рядов (СР), в состав которых могут входить термины с тождественным значением разной структуры, а также НР, однако для СР материально родственные единицы свойственны далеко не всегда: *доктор – опытный мастер – опытчик – пробирный мастер – пробный мастер* в значении «специалист, производящий опыты с целью исследования качества руды» [10; 129].

Исследование разноструктурных НЕ (ФН, СН, словных) связано с понятием вариантности. «Исходя из широкого понимания вариантности, к вариантам относятся языковые единицы разных уровней, но с тождественной номинативной функцией, направленные на один денотат и способные замещать друг друга в коммуникациях» [10; 125]. Номинативные варианты (НВ) обычно возникают вследствие того, что в основу наименования были положены разные мотивировочные признаки, определяющие денотат с разных сторон: *доменный м. – плавильный м.; опытный м. – пробный м. – пробирный м.* и др.

В данной ЛСГ НВ представлены: 1) абсолютными синонимами: *пушечный мастер – пушечного дела мастер* и др.; частичными синонимами: *ученик, школьник* и др.; 2) собственно вариантами: а) фонетическими: *ефесный (гефесный) мастер* и др.; б) словообразовательными: *ложный (ложевой) мастер* и др.; 3) НЕ, связанными гиперо-гипонимическими отношениями: *мастер – замочный мастер; замочный мастер – замочный ковщик (у ковки замков м.); замочный мастер – замочный отдельщик (у отделки замков м.).*

Признаки горнозаводской терминосистемы в начале XVIII века – это насыщенность неоднословными НЕ (СН и ФН), наличие обширных номинативных рядов (НР) и синонимических рядов (СР), объединяющих в своем составе номинативные варианты (НВ) разной структуры и уровня. Анализ ЛСГ с общим значением «лицо по профессии» показал, что в начале XVIII века наблюдается большое количество разноструктурных и разнопризнаковых НВ одного и того же денотата, что связано с поисками лучших форм его выражения. Это свидетельствует о том, что формирование горнозаводской терминосистемы еще было не завершено, она была открытой, а формирующийся русский производственно-технический язык пока довольствовался только собственными ресурсами.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Архангельской области в рамках научно-исследовательского проекта «Роль городских социолектов в формировании общенационального русского языка», № 13-14-29006а(р).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РГАДА. Ф. 199. Портфели Г.-Ф. Миллера. Оп. 1. Портф. 243, ч. II. Разныя письма къ князю Меншикову Олонецкой верфи и роспись тому, что послано оттуда на железные заводы къ Вице-Коммендантy АлексЪи Чоглокову, 1703–1706.
2. РГАДА. Ф. 271: Табели и ведомости Олонецких заводов. Кн. 557, 558, 559, 606, 634, 799.
3. Голованова Е. И. Становление уральской горнозаводской терминологии в XVIII – начале XIX в.: Дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 1995.
4. Из переписки В. И. Геннина // Материалы для истории казенного дела в Олонецком крае. Петрозаводск, 1902. С. 20–104.
5. Крепостная мануфактура в России. Ч. II: Олонецкие медные и железные заводы. Л.: Изд-во АН СССР, 1931.
6. Переписная ландратская книга Устюжны Железопольской 1713 г. / Подгот. Н. И. Баландин, В. П. Червяков // Аграрная

история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 195–250.
7. С а м а т о в а Е. К. Специальная лексика горнозаводского производства Среднего Урала XVIII века: (на материале челобитных «мастеровых и работных людей»): Автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1992.
8. Щ е г л о в а Н. А. Словарь тульского оружейно-железоделательного производства XVII–XVIII вв. М., 1964.
9. Щ е г л о в а Н. А. Терминологическая лексика оружейно-железоделательного производства XVII–XVIII вв.: (по материалам памятников письменности Тульского края): Дис. … канд. филол. наук. М., 1964.
10. Ю д и н а Т. М. Горнозаводская лексика начала XVIII века в номинативной деривационной системе языка // Вестник Поморского ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2009. № 1. С. 123–132.
11. Ю д и н а Т. М. Горнозаводская терминология Северо-Западной Руси (на материале деловой письменности Олонецких заводов конца XVII – начала XVIII в.): Дис. … канд. филол. наук. Вологда, 1996.
12. Ю д и н а Т. М. Системные отношения терминов в ЛСГ «Названия горнозаводского оборудования, инструментов и их частей» в терминологии XVIII века // Вестник Поморского ун-та. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 2. С. 109–116.

Yudina T. M., Institute of Philology and Cross-cultural Communication, NARFU named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

STRUCTURAL TYPES AND SYSTEMIC RELATIONS OF TERMS WITHIN LEXICO-SEMANTIC GROUP "NAMES FOR PERSONS ACCORDING TO THEIR PROFESSION" IN MINING INDUSTRY TERMINOLOGY: BEGINNING OF XVIII CENTURY

Development of the lexico-semantic group "Names for persons according to their profession" (NPAP) is studied. The lexico-semantic group in focus evolved in mining industry of Peter the Great period. Generic names (hyperonyms) are sorted out, and on their basis, specific nominative units (hyponyms) of different structures are formed. There are three structural types of NPAP denomination: lexical, syntagmatic, and phrasal. Moreover, NPAP are combined in term subgroups according to the similarity of the motivation feature of denomination. Thereby, large synonymic rows including single-word terms, complex and phrasal denominations are revealed. Hypero-hyponym relations serve as a basis for models of multicomponent terms reflecting focused specialization of professional labour. The basic method of denomination is syntactical derivation. The systemacy is provided by high regularity of the single-type term models. The main features of the term system are its abundance in non-single-word terms, presence of synonymic nominative rows combining nominative variants of different structure. Activization of these systemic relations is conditioned by the search for optimal ways of nominating persons according to their profession. This indicates that at the beginning of the XVIII century the formation of the mining industry terminology system was not completed.

Key words: nominative unit, nominative variant, nominative row, synonymic row, complex denomination, phrasal denomination, syntactical derivation, hypero-hyponym term relations

REFERENCES

1. RGADA. F. 199. Portfeli G.-F. Millera. Op. 1. Portf. 243, ch. II. Raznyya pis'ma k knyazyu Menshikovu Olonetskoy verfi i rospis' tomu, chto poslano ottuda na zheleznye zavody k Vitse-Kommendantu Alekseyu Choglokovu, 1703–1706.
2. RGADA. F. 271: Tabeli i vedomosti Olonetskikh zavodov. Kn. 557, 558, 559, 606, 634, 799.
3. G o l o v a n o v a E. I. *Stanovleniye ural'skoy gornozavodskoy terminologii v XVIII – nachale XIX v. Diss. ... kand. filol. nauk* [Development of the mining terminology in the Ural region in the XVIII and beginning of the XIX century. PhD thesis in Philology]. Chelyabinsk, 1995.
4. From correspondence of V. I. Gennin [Iz perepiski V. I. Gennina]. *Materialy dlya istorii kazennogo dela v Olonetskom krae* [Documents of the public affairs' history in Olonets region]. Petrozavodsk, 1902. P. 20–104.
5. *Krepostnaya manufaktura v Rossii. Ch. II: Olonetskie mednye i zheleznye zavody* [Serfdom-based manufactory in Russia. Part II: Copper and iron factories in the Olonets region]. Leningrad, AN SSSR Publ., 1931.
6. Perepisnaya landratskaya kniga Ustyuzhny Zhelezopol'skoy 1713 g. [Census landrat paper of Ustyuzhna Zhelezopol'skaya in 1713]. Podgot. N. I. Balandin, V. P. Chervyakov. *Agrarnaya istoriya Evropeyskogo Severa SSSR* [Agrarian history of the European North of the USSR]. Vologda, 1970. P. 195–250.
7. S a m a t o v a E. K. *Spetsial'naya leksika gornozavodskogo proizvodstva Srednego Urala XVIII veka: (na materiale chelobitnykh «masterovykh i rabotnykh lyudey»). Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Special vocabulary of mining manufacturing of the mid Ural region of the XVIII century: (based on the petitions of "artisans and workmen"). Author's abstract of PhD thesis in Philology]. Moscow, 1992.
8. S h c h e g l o v a N. A. *Slovar' tul'skogo oruzheyno-zhelezodelatel'nogo proizvodstva XVII–XVIII vv.* [The vocabulary of small arms factories and ironworks in Tula in XVII–XVIII centuries]. Moscow, 1964.
9. S h c h e g l o v a N. A. *Terminologicheskaya leksika oruzheyno-zhelezodelatel'nogo proizvodstva XVII–XVIII vv.: (po materialam pamyatnikov pis'mennosti Tul'skogo kraya). Diss. ... kand. filol. nauk* [Terminological vocabulary of small arms factories and ironworks in XVII–XVIII centuries: (based on historical documents of written language of the Tula region). PhD thesis in Philology]. Moscow, 1964.
10. Y u d i n a T. M. Mining terminology of the early XVIII century in the nominative derivative language system [Gornozavodskaya leksika nachala XVIII veka v nominativnoy derivatsionnoy sisteme yazyka]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya "Gumanitarnye i sotsial'nye nauki"* [The reporter of the Pomorski University. Series "Humanity and social sciences"]. Arkhangelsk, 2009. № 1. P. 123–132.
11. Y u d i n a T. M. *Gornozavodskaya terminologiya Severo-Zapadnoy Rusi (na materiale delovoy pis'mennosti Olonetskikh zavodov kontsa XVII – nachala XVIII v.). Dis. ... kand. filol. nauk* [Mining terminology of the North-European Russia (based on the business-related documents of the Olonets factories of the end of the XVII century – beginning of the XVIII century) PhD thesis in Philology]. Vologda, 1996.
12. Y u d i n a T. M. Systemic relations within the lexico-semantic group "Names for mining equipment, instruments and their parts in the terminology of the early XVIII century" [Sistemnye otnosheniya terminov v LSG "Nazvaniya gornozavodskogo oborudovaniya, instrumentov i ikh chastey" v terminologii XVIII veka]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye i sotsial'nye nauki»* [The reporter of the Pomorski University. Series "Humanity and social sciences"]. Arkhangelsk, 2010. № 2. P. 109–116.

Поступила в редакцию 18.09.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Филология** **2013**

УДК 811.511.1:81'373.21(470.11+470.22)

ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА ЗАХАРОВА
аспирант, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)
katja.zaharova@mail.ru

СЛАВЯНСКИЕ СУФФИКСЫ В СУБСТРАТНОЙ ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ОБОНЕЖЬЯ*

Рассматривается ряд наиболее продуктивных суффиксов, имеющих славянские корни и использовавшихся для адаптации иноязычных названий географических объектов к русской топосистеме Восточного Обонежья. В топонимии исследуемой территории, представляющей собой западную окраину Русского Севера, выделяется значительный пласт субстратных названий прибалтийско-финского и саамского типа, которые являются наследием этносов, некогда населявших данную территорию. Среди названий нерусского происхождения выделяются топонимы с субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (р. Водлица, р. Тамбица, о. Мяндовец, зал. Мутовец, дер. Кипров Наволок, дер. Патрова, оз. Артово, оз. Хомино, дер. Коркила с вариантом Коркиничи и др.). Однако из значительного количества зафиксированных в топонимии исследуемого региона суффиксов, свойственных русской топосистеме, лишь часть сочетается с иноязычными основами (-ица/-ец, -ов/-ев, -ин, -ичи/-ицы), при этом они присущи объектам, имеющим более широкую сферу употребления (наименованиям населенных мест и рек) и подвергшимся русской адаптации в первую очередь. Продуктивность суффиксов варьируется в зависимости от территориальных и хронологических рамок бытования.

Ключевые слова: Восточное Обонежье, субстратная топонимия, суффиксальные модели, адаптация

Восточное Обонежье – севернорусская территория, занимающая пространство от восточного берега Онежского озера до верховий р. Онеги и объединяющая земли вокруг озер Водлозеро и Кенозеро, в разное время входившие в состав Пудожского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии. Как историко-культурная зона Восточное Обонежье сложилось вдоль исторических транзитных путей, по которым вслед за прибалтийско-финским (вепсским) населением (которое, в свою очередь, соприкоснулось здесь с неким древним этносом или этносами саамского типа) продвигались новгородцы, осваивая северные земли и ассимилируя местное население. Именно здесь, по реке Водле и ее притокам, через оз. Кенозеро и далее по реке Онеге проходил когда-то путь из Новгорода в Поморье по одному из известных северных волоков – Кенскому волоку, описание которого содержится в Писцовой книге Обонежской пятины 1563 года[1]. Таким образом, Восточное Обонежье относится к зонам раннего освоения и ранних межэтнических контактов, что не могло не отразиться в языке, материальной и духовной культуре, а также топонимии данного региона.

Топонимический материал Восточного Обонежья, основу которого составляют данные Научной топонимической картотеки Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, картотеки Топонимической экспедиции Уральского федерального университета, материалы Национального архива РК, а также картографические источники, богат и многослоен, он насчитывает около 20 000 топонимов, треть из которых – географические названия с нерусскими истоками.

Субстратная топонимия исследуемой территории (как и Русского Севера в целом) представлена следующими структурными типами [5; 163]: собственно субстратные топонимы с субстратными основой и формантом (*Илекса, Хабаньзя, Отовжа, Сомбома, Кена* и др.); топонимы-полукальки с субстратной основой и русским географическим термином-детерминантом (*Варнаволок*, *Вахкамох*, *Венегора, Габостров, Харагозеро* и др.), иногда в качестве детерминанта выступает диалектная лексема, заимствованная из прибалтийско-финского источника (*Габлахта, Гойпахта, Войнасалма*); а также топонимы, характеризуемые субстратной основой и русским аффиксом или аффиксами (*Тамбица, Хайновец, Чережиха, Артово, Хилкина* и др.). Последняя группа самая малочисленная из обозначенных выше, что позволяет сделать вывод о незначительной продуктивности суффиксации как способа интеграции субстратной топонимии в русскую топосистему, по сравнению с прямым усвоением и калькированием, в противоположность русской топонимии, где это один из наиболее распространенных способов словообразования [8; 183].

Из значительного количества зафиксированных в топонимии исследуемого региона топонимических суффиксов, свойственных русской топосистеме, лишь часть сочетается с субстратными основами: -ица/-ец, -ов/-ев, -ин, -ичи/-ицы и др.

© Захарова Е. В., 2013

Суффиксы *-ица* и *-ец* относятся к древним славянским суффиксам, функцией которых было образование существительных с диминутивной семантикой. Они в основном представлены в наименованиях рек, ручьев, островов, заливов, мысов и угодий, при этом продуктивны в названиях, образованных от имен нарицательных и топонимов [2; 64]. Изначальная диминутивная семантика суффиксов, возможно, сохранилась в следующих топонимах: *р. Водлица* (ср. р. Водла), *р. Вохтомица* (р. Охтома), *руч. Шортомец* (р. Шортома), в последнем примере суффикс *-ец*, очевидно, тождественен суффиксу *-ица* и представляет собой его мужской вариант. Возможно, в этот же ряд вписывается и название острова *Нюрица/Нюрича* (саам. njuorrâ, ńūrr ‘подводный камень; мель’ [11]) в противоположность многочисленным островам с названиями Нюра, Нюры, Нёра.

В основах топонимов, оформленных суффиксами *-ица* и *-ец*, может отражаться характеристика воды или почвы: *зал., мыс Мутовец* (кар. muta, вепс. muda ‘муть, ил’ [10], [1]), *уг. Чуроватица* (кар. čuuru, вепс. čuru, čuur ‘крупный песок, гравий, дресва’ [10], [1]); растительности, произрастающей в непосредственной близости или на самих называемых объектах: *р. Горменица/Хорменица* (кар. horma, hormu ‘кипрей, иван-чай’ [10]), *руч. Хайновец* (кар. heinä, вепс. hein ‘трава, сено’ [10], [1]), *о. Кузовец* (кар. kuuzi, вепс. kuz’ ‘ель’ [10], [1]), *о. Мяндовец, уг. Мяндовцы* (кар. mänty, вепс. mänd ‘мяндовая сосна, сосна на болоте’ [10], [1]); встречаются и названия животных: *г. Мигрец* (кар. mägrä, вепс. mägr ‘барсук’ [10], [1]), в последнем примере топоним, вероятно, помечает место обитания промыслового животного.

Продуктивность данной суффиксальной модели в Восточном Обонежье неодинакова – ареал функционирования охватывает территории, расположенные вдоль водно-волоковых путей (путей раннего новгородского освоения), в отдалении от которых рассматриваемые суффиксы не обнаруживаются. Выявленный ареал соотносится с ареалом функционирования рассматриваемой модели и в русской топонимии. Поскольку суффиксы *-ица, -ец* представляли заметную величину на русском Северо-Западе, особенно в Псковской и смежных землях [9; 72], можно предположить, что их появление в Восточном Обонежье связано с новгородским освоением северных земель, где они начинают использоваться и для адаптации иноязычных названий к русской системе именования географических объектов.

Одними из самых распространенных в славянской топонимии, благодаря выполняемой функции выражения принадлежности, являются суффиксы *-ов/-ев, -ин* [9; 69], представленные в основном в названиях населенных пунктов и сельскохозяйственных угодий. В основах топонимов такого типа логично усматривать прибалтийско-финские антропонимы, поскольку в именовании подобных объектов в относительно развитых аграрных зонах доминировал владельческий принцип [2; 64]. И действительно, ряд топонимов восходит к карельским вариантам русских православных имен: *дер. Кипров Наволок, бывш. дер. Кипрово, уг. Кипров Мыс:* кар. Kibra, Kibri, Kibro (i), Kibru – рус. Киприан [12; 253]; *дер. Патрова/Патровская*: кар. Patro (i) – рус. Патрикей, Патракей; *оз. Артово*: кар. Arto (i), Artto (i) – рус. Артемий, Артем [14; 51, 62], *уг. Настова:* кар. Nasta, Nasto (i) – рус. Анастасия или Анастасий [14; 101]; *оз. Хомино*: кар. Homa – рус. Фома [13; 189]; *уг. Хилкина*: кар. Hilkka, Hil (k) ko (i), Hil’ (k) ko (i) – рус. Филипп [14; 114] и др.

Посессивность данной модели сохраняется и в следующих, уже неантропонимных названиях: *лес, уг. Канзово* (кар. kansa, вепс. kanz ‘семья, группа людей, народ’ [10], [1]), *уг. Пойкино, руч. Пойкин* (кар. poika, вепс. poig ‘сын, мальчик’ [10], [1]), *уг. Пирхово* (возможно, от кар., вепс. pereh ‘семья’ [10], [1]), *г. Акова* (кар. akka, вепс. ak, akk ‘жена, старая женщина’ [10], [1]), *оз. Нойдово* (кар. noita, вепс. noid ‘колдунья, ведьма’ [10], [1]) и др.

Согласно И. И. Муллонен, популярность модели *-ов/-ев, -ин* со временем привела к ослаблению ее посессивной и приобретению так называемой топонимической функции [8; 186]: *оз., бол. Мяндово, бол. Мяндов Мох* (кар. mänty, вепс. mänd ‘мяндовая сосна, сосна на болоте’ [10], [1]), *бол. Равково* (кар. rahka-, rahkasuo, rahkasammal ‘торфяной мох, сфагнум’ [10]), *уг. Каскино* (кар. kaski, kaški, вепс. kas’k ‘подсека, пожог’ [10], [1]) и др.

Среди названий субстратного происхождения, оформленных суффиксом *-ов*, выделяется группа водлозерских ойконимов (часть из них восстанавливается из ранних письменных источников), примечательных тем, что, помимо прибалтийско-финского (порой нехристианского) антропонима в основе, они содержат прибалтийско-финский локативный суффикс *-l*. Иначе говоря, в основе ойконима *Кургилово* реконструируется прибалтийско-финский оригинал **Kurgila*, где *-la* – приб.-фин. суффикс с семантикой места, а *Kurki/Kurg* – приб.-фин. нехристианское имя, прозвище первопоселенца. В этот же ряд входят следующие ойконимы: *дер. Вачелово/Вачалово* (возможно, из кар. Vatsa, Vatsei, Vatsi, Vatso (i), Vatšei, Vatšoi – Василий, Вася [14; 138]), *дер. Дешалово* (возможно, из кар. Deša, Dešoi – рус. Ефим), «дер. на Иголове горе»[2] (<приб.-фин. антропоним Iha), д. Бостилово и др. Часть из приведенных выше названий идентична ойконимам, представленным на исконных вепсских территориях в Присвирье,

где данная модель была очень продуктивна [6]. Примечательно, что на Водлозере (как и в Присвирье) для адаптации субстратных ойконимов с -*l*-овым топоформантом, кроме модели -*ово*, использовалась русская модель с суффиксом -*ичи/-ицы* (*Коркила / Коркиничи; Пытилова / Пытилиницы; Гольяницы*), восходящая к праславянскому ойконимному форманту *-itji [4]. Судя по карте бытования, модель -*ичи/-ицы* распространилась в Присвирье и Обонежье по маршруту, который шел из Поволховья и связан с Ладогой как центром освоения. При этом данный тип начал здесь функционировать прежде всего как модель для адаптации неславянских ойконимов с -*l*-овым топоформантом, обозначающим место проживания.

Но в отличие от Присвирья, где модель обладает исключительной продуктивностью, здесь, на северо-восточной окраине ее ареала, взаимосвязь между прибалтийско-финской -*l*-овой моделью и русским типом -*ицы/-ичи* не столь очевидна, что, видимо, свидетельствует о периферийном расположении, привязанном к транзитному водному пути по р. Водле.

Сосуществование в одном ареале двух суффиксов (-*ово* и -*ичи/-ицы*), адаптирующих названия нерусского происхождения к русской топосистеме, наводит на мысль о разных путях их проникновения, а возможно, и времени функционирования в Водлозерье.

Видимо, модель -*ичи/-ицы* приходит в Восточное Обонежье с вепсских территорий вместе с потоком новгородского освоения, происходившего в первой половине II тыс. н. э. Что касается суффиксальной модели -*ово*, используемой в той же функции ее появление здесь, видимо, связано уже с низовской московской колонизацией.

Что касается других суффиксов, то они не получили широкого распространения в Восточном Обонежье в приложении к субстратным основам и присутствуют главным образом в наименованиях сельскохозяйственных угодий. Часть географических названий перешла в топонимическое употребление из апеллятивной диалектной лексики:

-*иха*: *уг. Ениха/Енихи* (возможно, восходит к приб.-фин. основе *enä ‘большой’), *мельница Чережиха (<*Тережиха)* стояла на руч. *Чережишный* (от кар. törisijä ‘журчащий’ < töristä ‘журчать’, продуктивная карельская топонимная модель для называния ручьев, небольших рек [3; 306–307]);

-*ушк*: *р., руч. Лумбушка* (саам. *lombal ‘маленькое внутреннее озеро, через которое течет река’), *уг. Нитушки* (кар. niitty, вепс. nit ‘луг, пожня, покос’ [10], [1]);

-*ск*: *бол. Чеглинское, руч. Чеглинский* (субстрат. *čuhl – ‘угол, тупик’ [7; 296–304]), *руч. Войский* (приб.-фин. oja ‘ручей’ с протетическим *в*) и др.

Анализ топонимии Восточного Обонежья показал, что суффиксация как способ интеграции субстратных топонимов в систему русских географических названий малопродуктивен – большая часть иноязычных названий перешла в русское употребление в результате прямого усвоения либо в виде полукалек, что, в свою очередь, может быть свидетельством длительных контактов русского и прибалтийско-финского населения, в результате которых последние сменили самосознание, растворившись в русской среде. Непродуктивные в прибалтийско-финской оригинальной топонимии суффиксальные модели оказались невостребованными и в ходе адаптации иноязычных наименований к русской топосистеме. Суффиксация коснулась прежде всего названий поселений и рек как наиболее важных объектов, имеющих широкую сферу употребления на этапе славянского освоения края.

Ареальная характеристика функционирования определенных суффиксальных моделей и данные письменных источников позволяют делать выводы о путях и времени освоения славянами территории Восточного Обонежья.

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта «Электронная топонимическая карта Олонецкой Карелии» (программа фундаментальных исследований ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики») при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СОКРАЩЕНИЯ

вепс. – вепсский; г. – гора; дер. – деревня; зал. – залив; кар. – карельский; о. – остров; оз. – озеро; пастб. – пастбище; приб.-фин. – прибалтийско-финский; р. – река; рус. – русский; руч. – ручей; саам. – саамский; ср. – сравни; уг. – угодье

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. 290 с.
[2] Материалы по истории Европейского Севера СССР // Северный археограф. Вып. 2. М., 1972. 463 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 747 с.
2. Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011. 341 с.
3. Кузьмин Д. В. Карельский след в топонимии Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 303–307.

4. Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // Славянские древности: Этногенез. Материальная культура Древней Руси. Киев, 1980. С. 45–72.
5. Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Т. I. Екатеринбург, 2001. 345 с.
6. Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 157 с.
7. Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 356 с.
8. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008. 241 с.
9. Никонов В. А. Введение в топонимику. Москва: Наука, 1965. 179 с.
10. Karjalan kielen sanakirja. I–VI. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
11. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989. 180 s.
12. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 72. Helsinki, 1973. S. 239–275.
13. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö // Karjalaisen Kulttuurin Edistamissäätion julkaisuja. Joensuu, 1975. S. 189.
14. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1. Helsinki, 1976. S. 43–172.

Zakharova E. V., Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science (Petrozavodsk, Russian Federation)

SLAVIC SUFFIXES IN THE SUBSTRATE TOPONYMY OF EASTERN OBONEZHJE

The paper deals with some of the most productive suffixes of Slavic origin used for the adaptation of geographical names of non-Russian origin to the Russian toponymic system of Eastern Obonezhje. In the toponymic system of the study area, which is the western margin of the Russian North, there is a number of substrate place names of Balto-Finnic and Saami type, which are a legacy of the ethnic groups that had once inhabited the territory. In the substrate toponymy there is a number of place names with a substrate stem and affix (es) of Russian origin (R. Vodlitsa, R. Tambitsa, I. Myandovets, B. Mutovets, Vlg. Kiprov Navolok, Vlg. Patrova, L. Artovo, L. Homino, Vlg. Korkila with one Korkinichi, etc.). A number of suffixes have been identified in the toponymy of the region, but only some of them can be combined with the foreign-language base morpheme (-itsa/-yets, -ov/-yev, -in, -ichi/-itsy). They are present in the names of objects that have a broader scope of use (names of settlements and rivers), and were subjected to Russian adaptation the earliest. The productivity of suffixes is variable due to specific functioning, spatial and chronological scope of existence of certain suffixation models.

Key words: Eastern Obonezhje, toponymic substrate, suffixation models, adaptation

REFERENCES

1. Zaitseva M. I., Mullonen M. I. *Slovar' vepsskogo yazyka* [Vepsian language dictionary]. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 747 p.
2. Kabinina N. V. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomor'ya* [Substrate toponymy of the Arkhangelsk Pomorje]. Ekaterinburg, 2011. 341 p.
3. Kuzmin D. V. Karelian traces in the toponymy of Zaonezhje [Karel'skiy sled v toponimii Zaonezh'ya]. *Lokal'nye traditsii v narodnoy kul'ture Russkogo Severa. Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Ryabininskiye chteniya – 2003»* [Local traditions in folk culture of the Russian North. Proceedings of the 4th International Scientific Conference «Ryabininskiye Readings – 2003»]. Petrozavpdsk, 2003. P. 303–307.
4. Kupchinskiy O. A. The oldest Slavic toponymic types and some aspects of the settlement history of eastern Slavs [Drevneyshiye slavyanskie toponimicheskie tipy i nekotoryye voprosy rasseleniya vostochnykh slavyan]. *Slavyanskie drevnosti: Etnogenez. Material'naya kul'tura Drevney Rusi* [Slavic antiquities. Ethnogeny. The material culture of Ancient Russia]. Kiev, 1980. P. 45–72.
5. Matveev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate toponymy of the Russian North]. Vol. I. Ekaterinburg, 2001. 345 p.
6. Mullonen I. I. *Ocherki vepsskoi toponimii* [Essays on the Vepsian toponymy]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994. 157 p.
7. Mullonen I. I. *Toponimiya Prisvir'ya: Problemy etnoyazykovogo kontaktirovaniya* [The toponymy of Prisvirje: Problems of ethnolinguistic contacts]. Petrozavodsk, 2002. 356 p.
8. Mullonen I. I. *Toponimiya Zaonezh'ya: Slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariyami* [The toponymy of Zaonezhje: Dictionary with historical and cultural comments]. Petrozavodsk, 2008. 241 p.
9. Nikonov V. A. *Vvedenie v toponimiku* [Introduction to toponymy]. Moscow: Nauka Publ., 1965. 179 p.
10. Karjalan kielen sanakirja. I–VI. LSFU XVI. Helsinki, 1968–2005.
11. Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989. 180 s.
12. Nissilä V. Ortodoksisia henkilönnimiä Aunuksen kylännimistössä // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 72. Helsinki, 1973. S. 239–275.
13. Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö // Karjalaisen Kulttuurin Edistamissäätion julkaisuja. Joensuu, 1975. S. 189.
14. Nissilä V. Suomen Karjalan ortodoksinen nimistö // Viipurin Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimitteita. 1. Helsinki, 1976. S. 43–172.

Поступила в редакцию 07.10.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Филология** **2013**

УДК 81'42:821.113.6

ЮЛИЯ МИХАЙЛОВНА ТРОФИМОВА
доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)
primavera49@list.ru

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР ТЕКСТА КАК АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТОПОСТРОЕНИЯ (на материале романа А. Стриндберга «Красная комната»)*

Рассматривается текстовая номинация, в наибольшей мере способствующая раскрытию личностных параметров художественного текста А. Стриндберга. Делаются выводы о языковой личности Стринберга, отразившейся в текстовых началах его романа. Дается заключение о значимости для автора временных индикаций, присутствующих во всех началах глав. Данный факт расценивается как отражение личностных мотивов при передаче текстового содержания, а также при интерпретации внеязыковой действительности, главным признаком которой оказывается время. Отмечается функциональная зависимость длины предложений от содержания, что также рассматривается как один из личностных аспектов художественного текстопостроения.

Ключевые слова: текст, личность и личностность в тексте, образ автора, языковая личность, текстовая номинация, начало текста

Современная лингвистика придает особое значение изучению антропоцентрических аспектов текста, проявляющихся, в частности, в актуализации личностных мотивов автора при создании текста художественного произведения. При этом лингвистику интересует не только владение автора языком, но и его умение следовать законам текстопостроения, которые он чувствует по большей части интуитивно и которые преломляются через его личность.

Текст как языковая единица имеет множество определений, что является в какой-то мере показателем повышенного внимания к этому языковому феномену. Как справедливо заметила В. Е. Чернявская, всякий исследователь начинает собственный анализ с определения того, что такое текст в его системе рассуждений. Получается в итоге, сколько исследователей, столько и определений текста [8; 12]. Думается, что причину такого явления можно объяснить многопрофильностью как самого языкового конструкта – текста, так и интересов ученых, работающих с ним. Все оттенки и признаки текста, а также целей его изучения никто не сможет вместить в одно определение этой языковой единицы.

Вызывают интерес личностные аспекты текста, обусловившие, с одной стороны, характерный авторский стиль, а с другой, запечатлевшие личность автора, личность А. Стриндберга. Обозначенная проблема стоит на пересечении целого ряда лингвистических моментов, начиная от достаточно хорошо изученных вопросов идиостиля, идиолекта, образа автора и прочих аналогичных тем и заканчивая популярным в наши дни вопросом языковой личности. Однако приведенный перечень теоретических основ заявленной темы статьи не в состоянии охватить все грани личностного потенциала любого текста, для выявления которых необходима, образно выражаясь, более «мелкая сеть». В этой связи правомерен такой вопрос: а какие аспекты авторской личности вообще следует искать в тексте и можно ли за идиостилем и языковой личностью увидеть создавшего текст человека в определенной совокупности черт его внутреннего портрета, взглядов на жизнь, восприятия мира, манеры излагать мысль в словах?

Обратимся сначала к теории. Как известно, в лингвистике (и в филологии в целом) существует понятие образа автора. Как справедливо замечает Н. С. Валгина, ясности в этом вопросе нет до сих пор, несмотря на достаточно долгую историю его изучения [3; 97]. В пределах этого понятия выделяются две полностью противоположные точки зрения. Первая утверждает, что реальная личность писателя и отраженный в произведении образ автора не совпадают. Образ автора представляет собой один из способов реализации авторской позиции, он лишь своего рода персонифицированный повествователь, ни в коей мере не тождественный личности писателя. М. М. Бахтин использовал даже уточняющее выражение «биографический автор», категорически заявляя, что он не может стать образом, поскольку является создателем всякого образа, всего образного в произведении [1; 383]. Другая точка зрения основана на том, что автор как реальный, живой человек не может не отразиться в своем произведении. В. Г. Белинский даже уточнял: автор как человек, как характер, как натура, как личность [2; 305]. Высказываний, подтверждающих наличие в тексте автора как реального

© Трофимова Ю. М., 2013

человека, можно привести множество, но мы отметим лишь два, привлекательные своей убежденностью: «Всякое художественное произведение есть всегда верное зеркало своего творца, и замаскировать в нем свою натуру ни один не может» (В. В. Стасов); «Творчество самого талантливого автора обязательно отражает его личность, ибо в том-то и заключается художественное творчество, что внешний объективный материал перерабатывается вполне индивидуально психикой художника» (В. В. Воровский).

Две названные позиции не так уж непримиримы. Они, скорее всего, высвечивают разные аспекты такой емкой проблемы, как вербальное явление, в любом случае созданное человеком, который не может быть к нему непричастным. Пусть это не впишется в рамки образа, но человек (в том числе реальный, биографический) в тексте отражен. Отражен и человек абстрактный, отвлеченный, которому «ничто человеческое не чуждо» и который в разных вариациях и с разной степенью полноты и оценки пишет, в сущности, о проблемах, волнующих опять же человека. Более того, человек-автор отражается в тексте во всем спектре своих эмоций, душевных порывов (особенно в стихах), он отражается также и в изменении собственного характера, взрослении. Не случайно же возникла такая метонимия, как *ранний Булгаков, люблю (не люблю) Пушкина* и т. д., когда, имея в виду текст, называют человека. Можно, следовательно, заключить, что образ автора в тексте напрямую коррелирует с реальным человеком. Более того, как отмечает Б. О. Корман, жизнь, биография, внутренний мир во многом служат для писателя исходным материалом. Резюмируя, Б. О. Корман, заключает, что в основе художественного образа автора (как и всего произведения в целом) лежат, в конечном счете, мировоззрение, идейная позиция, творческая концепция писателя [6; 10]. Из перечисленных Б. О. Корманом моментов складывается весьма заметный блок личностного авторского материала, усиленный к тому же авторской (т. е. опять же личностной) переработкой. Подчеркнем, что «мировоззрение, идейная позиция, творческая концепция писателя» далеко не исчерпывают личностный фактор текста и образ автора, отраженный в нем.

В разных определениях образа автора обращают на себя внимание спорадически повторяющиеся лексемы «личность», «личностный» и т. п. В этой связи нельзя не заметить, что в настоящее время заметно увеличивается число лингвистических работ, посвященных проблеме личности и личностности в тексте. Одной из заметных работ такого рода является статья В. З. Демьянкова, посвященная личности, индивидуальности и субъективности в языке и речи [4]. При разграничении понятий «личность» (person) и «личностность» (personality) он ссылается на Дж. Лайонза, согласно которому личность представляет собой выводное знание о чертах конкретной личности, это «характер», взятый в привязке к данному человеку, в данном эпизоде общения с ним. С другой стороны, личностность – это «гипотетическая конструкция, о которой мы делаем предположения, исходя из того, что говорит (или о чем умалчивает), что делает (или от чего воздерживается) человек; с помощью этой конструкции мы пытаемся объяснить стабильные черты характера, отличающие данного человека от остальных и дающие основания для прогноза будущего поведения данного субъекта в данных обстоятельствах» [4; 15].

Имеет смысл упростить вышесказанное: личность – это человек (автор), личностность – выводимая дедуктивным способом абстракция, позволяющая сделать заключение о поведении (т. е. деятельности, в том числе и творческой) личности автора. Заметим только, что «черты характера» опять же не охватят всего личностного блока текста. В конечном итоге В. З. Демьянков все сводит к языковой личности, делая акцент на том, что важнейшим видом личности и личностности является «языковая личность», основные параметры которой, предложенные Ю. Н. Карауловым (и многократно цитируемые в самых разных работах), отражаются при создании текстов, различающихся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью [5; 36–40].

По-видимому, в рассматриваемом вопросе у лингвиста нет иного выхода, как выход в текстопостроение. Но учитывая все вышесказанное об образе автора как личности, заметим, что образ автора – это не только использованные им языковые средства, но и то, что диктует их выбор, а именно законы текстопостроения. В частности, а возможно, в первую очередь сюда отнесем текстовую номинацию. У Ю. Н. Караулова примерно то же явление в самом общем виде определяется как «глубина и точность отражения действительности», но, транспонируя его положение в технику текстопостроения, остановимся, тем не менее, на текстовой номинации. Сущность понятия текстовой номинации, согласно точке зрения З. Я. Тураевой, заключается в том, что уровень текста вербализует внеязыковую ситуацию [7; 22]. Продолжая ее мысль, заметим, что уровень текста делает это избирательно на базе какого-то набора признаков, поскольку отразить фотографически всю внеязыковую ситуацию средствами языка невозможно. Это под силу другим семиотическим системам – живописи, кино, фотографии, но языковое описание ситуации не может быть таким подробным. В этом выборе как раз и актуализируются личность автора, его свойство обращать внимание на какие-то детали окружающего мира, привычка начинать сообщение тем

или иным образом. Все эти факты, хотя, в конечном счете, и языковые, детерминированы, тем не менее, исключительно личностными мотивами, и у разных людей они вполне могут оказаться разными. Таким образом, более «мелкая сеть» должна поймать не прямые черты характера или натуры автора-творца, но какие-то только ему свойственные привычки строить высказывание, обращая внимание на те или иные стороны бытия.

Проследим личностный фактор текстопостроения Стриндберга на примере текстового начала «сильная позиция». Таким образом, конкретизируя проблему статьи, заметим, что она касается того, каков Стриндберг как языковая личность в текстовых началах своих произведений, то есть личность как манера начинать какое-либо сообщение и расставлять в текстовом начале содержательные акценты.

Текстовые начала классифицируются по разным основаниям, однако здесь важно подчеркнуть их внутритекстовую специфику, отметив, что у короткого рассказа начало одно, у романа – их несколько, и тогда они выступают как начала глав. Такие начала функциональны по-своему, поскольку они не столько начинают, сколько продолжают начатое в первой главе сообщение. Заметим, что текстовые начала привлекают внимание не только отечественных, но и шведских лингвистов, которые выделяют две фунции художественных начал: представить тему, развиваемую текстом (att presentera det ämne som texten handlar om), и привлечь внимание читателя (att fånga läsarens intresse) [9].

В общем виде характерные признаки текстовых начал в романе «Красная комната» можно сформулировать следующим образом: когда Стриндберг описывает действия героев, он использует достаточно короткие предложения, но когда предметом изображения становится пейзаж или характеристика персонажа, длина предложений многократно увеличивается, например, 107 слов во 2-м предложении гл. I и 174 слова во 2-м предложении гл. XII. Автор пытается соединить в одном предложении слишком много признаков внеязыковой ситуации, как будто он не хочет нарушать их единства. В этом смысле также можно представить себе языковую личность Стриндберга на основе его текстовых начал.

Здесь нельзя, однако, не признать, что текстовые начала зависят и от языкового опыта эпохи. Стриндберг, в частности, не мог использовать так называемое «начало с середины», исключительно популярное в XX веке, как, например, начало рассказа «Невосполнимая утрата» У. Дурлинга («En oersättlig förlust» av Ulf Durling): Snälla ni, somna inte. Ge mig en kort stund av er tid, en kvart. / Det var min hustru som insisterade på att vi skulle flyta från våningen vid Odenplan. *«Дорогой вы мой, не засыпайте. Дайте мне немного вашего времени, четверть часа. Это была моя жена, которая настаивала, чтобы мы съехали с квартиры у Уденплана».*

Текстовые начала Стриндберга вписываются в языковой менталитет его эпохи, и он выступает его выразителем в текстопостроении. Какие же типы начал использовал Стриндберг в главах своей «Красной комнаты»? Он устойчиво упоминает в них время, приводит характеристики персонажей, описывает их действия, часто во взаимосвязи друг с другом. Пространство часто описывается в зависимости от времени и людей, если это не пейзаж, как в начале гл. I, где его описание в границах одного предложения из 107 слов (вслед за индикацией времени) представляется знаменательным: (1) Det var en afton i början av maj. Den lilla trädgården på Mosebackehade ännu icke blivit öppnad för allmänheten och rabatterna voro ejuppgrävda... *«Был вечер в начале мая. Маленький парк на Моисеевой горе еще не открыли для публики, клумбы пока что оставались невскопанными...»*[2].

Самым частотным текстовым фактором является индикация времени: (2) Kap. 11. Klockan är sju på en afton. Orkestern hos Berns spelar upp Bröllopsmarschen ur Midsommarnattsdrömmen och vid dess feststämmande toner håller Olle Montanus sitt intåg i Röda Rummet, dit ännu ingen av medlemmarne anländt. *«Семь часов вечера. Оркестр в заведении у Бернса играет “Свадебный марш” из “Сна в летнюю ночь”, и под его торжественные звуки Олле Монтанус шествует в Красную комнату, где пока еще никого нет».*

Иногда маркируется завершенный период времени: (3) Kap. 4. Det hade förflutit några dagar. *«Прошло несколько дней».* (4) Kap. 25. Och vintern gick, långsamt för de olycklige, mera fort för de mindre olycklige. Och våren kom med sina krossade förhoppningar om sol och grönt, tills sommaren var inne som en kort förberedelse till hösten. *«Прошла зима: медленно для самых несчастных, чуть побыстрее для менее несчастных. И наступила весна с обманчивой надеждой на солнце и зелень, а потом было лето – короткая прелюдия к осени».*

При характеристике персонажей Стриндберг так же, как и при описании пейзажа, использует длинные предложения, как бы не желая разрывать связь упоминаемых признаков ситуации: (5) Kap. 2. Linkramhandlaren Carl Nicolaus Falk, son till avlidne linkramhandlaren, en av Borgerskapets femtio äldste och kaptenen vid Borgerskapetsinfanteri, Kyrkorådet och Ledamoten av direktionen för Stockholms Stads Brandförsäkringskontor Herr Carl Johan Falk – och bror till förre e. o. notarien numera litteratören Arvid Falk, hade sin affär, eller, som hans ovänner helst kallade den, bod, vid Österlånggatan, så snett emot Ferkens gränd, att bodbetjänten kunde, när han tittade upp från sin roman, som han satt och fuskade med un-

der disken, se ett stycke av en ångbåt, ett hjulhus, en klyvarbom eller så, och en trätopp på Skeppsholmen samt en bit luft ovanför. *«Торговец льном Карл-Николаус Фальк, сын покойного торговца льном, одного из пятидесяти старейшин города, капитана гражданской гвардии, члена церковного совета и члена дирекции Стокгольмского городского общества страхования от пожара господина Карла-Юхана Фалька, брат бывшего сверхштатного нотариуса, а ныне литератора Арвида Фалька, владел магазином, или, как называли его недруги, лавкой, на Восточной улице наискось от переулка Ферркенс-грэнд, так что приказчик, оторвавшись от книги, которую украдкой читал, спрятав ее под прилавок, мог бы при желании увидеть надстройку парохода, рубку рулевого или мачту и еще верхушку дерева на Шепсхольмене и кусочек неба над ним».*

Аналогичная ситуация наблюдается и в следующем текстовом начале: (6) Kap. 5. Arvid Falk skulle börja sina försök hos den mäktige Smith – namnet hade denne av en överdriven beundran för allt amerikanskt tagit sig då han en gång i sin ungdom gjort en liten utflykt till det stora landet –, den fruktade med sina tusen armar, vilken kunde göra en författare på tolv månader av ganska dåligt virke till och med. *«Первую попытку Арвид Фальк решил предпринять, обратившись к всемогущему Смиту, который взял это имя, придя в бешеный восторг от всего американского, когда в дни своей юности совершил небольшую поездку по этой великой стране, к грозному тысячерукому Смиту, способному всего за двенадцать месяцев сделать писателя даже из очень скверного материала».*

Еще один тип начал – человек (персонаж) во взаимосвязи с индикацией времени и собственными действиями. Пространство (*gatorna*) маркируется как зависимая величина лишь в связи с действием, выполняемым персонажем: (7) Kap. 3. Klockan var mellan åtta och nio den vackra majmorgonen, då Arvid Falk efter scenen hos brodern vandrade gatorna framåt, missnöjd med sig själv, missnöjd med brodern och missnöjd med det hela. *«В девятом часу этого прекрасного майского утра после семейной сцены у брата по улицам города медленно шел Арвид Фальк, недовольный самим собой, братом и вообще всем на свете».*

Часто вместе упоминаются люди (персонажи), действия и обязательно время: (8) Kap. 9. Carl Nicolaus Falk och hans kära hustru suto vid kaffebordet en morgon någon tid efter händelserna i förra kapitlet. *«Однажды утром, через несколько дней после событий, описанных в предыдущей главе, Карл-Николаус Фальк и его дражайшая супруга сидели за столом и пили кофе. Против обыкновения супруг был не в халате и домашних туфлях, а супруга надела дорогой капот».*

Ниже индикация времени кажется уже излишне точной *(sju en oktoberkväll)*: (9) Kap. 20. Moraklockan på Stadskällarn i X-köping dundrade sju en oktoberkväll då sceniske direktören vid stadens stående teater vräkte sig in genom dörren. *«Был октябрьский вечер, и долговязые часы в погребке города N только что пробили семь часов, когда в дверь ввалился директор городского театра».*

Указание на время года и период суток присутствует и в другом начале: (10) Kap. 18. Då Falk en mycket regnig afton i september vandrade hem och kom in på Grev-Magnigatan såg han till sin förvåning att det lyste i hans fönster. *«Когда дождливым сентябрьским вечером Фальк возвращался домой, то, выйдя на Грев-Магнигатан, он увидел, к своему удивлению, у себя в окне свет».*

Создается впечатление, что Стриндберг вовсе не старается в начале текста привлечь интерес читателя (att fånga läsarens intresse). Он стремится лишь информировать его, дать представление о предмете, теме главы (att presentera det ämne som texten handlar om). В этом случае он оперирует и длиной предложения, используя короткие предложения при описании действий персонажей: (11) Kap. 15. Följande dagen vaknade Rehnhjelm i sin säng på hotellet framåt middagen. Minnena från den förflutna natten stego upp som vålnader och omgåvo hans säng mitt på sommarljusa dagen. *«На другое утро Реньельм проснулся в своей комнате в отеле, когда было уже около полудня. Перед ним, как призраки, возникли воспоминания минувшей ночи и при свете летнего дня обступили его кровать».*

Длинные предложения, помимо пейзажа, встречаются и при характеристике персонажа, но излюбленный Стриндбергом тип предложений в текстовом начале – это предложения средней длины с одновременной индикацией времени и действия персонажа: (12) Kap. 8. Klockan slog tio i Riddarholmen några dagar därefter då Falk anlände till Riksdagshuset för att hjälpa Rödluvans referent med Andra Kammaren. *«Прошло несколько дней; часы на Риддархольмской церкви пробили десять, когда Фальк подходил к зданию риксдага, чтобы помочь корреспонденту “Красной шапочки” написать отчет о заседаниях Нижней палаты».*

Следующее начало, помимо индикации времени и указания на действия персонажа, заимствует некоторые особенности типа начал, содержащих характеристику персонажа: (13) Kap. 27. Och det är höst igen; det är en klar novembermorgon då Arvid Falk beger sig från sin numera eleganta bostad på Storgatan till den – manska flickpensionen vid Karl XIII: s torg, där han skall göra sitt inträde som lärare i Svenska Språket och Historien. *«И снова осень; ясным ноябрьским утром Арвид Фальк выходит из своей теперь весьма элегантной квартиры на Большой улице и направляется на площадь Карла XIII в гимназический пансион для девочек, где сегодня он вступает в должность преподавателя шведского языка и истории».*

Почему так важно обратить внимание на длину предложения? Когнитивная лингвистика, так чутко реагирующая на всякую мысль в языке, может на базе текстового начала выявить структурацию мысли в самом начале сообщения (в частности, литературного), и этот момент также явится личностным фактором текста. Языковая личность Стриндберга в текстовых началах глав «Красной комнаты» выступает в следующем виде: он предпочитает индикации времени во взаимодействии с действиями персонажей и в этом случае использует предложения средней длины. Но когда он описывает персонажей или пейзаж, то предложения становятся чрезмерно длинными. Стриндберг всегда стремился локализовать изображаемого человека во времени.

* Издается в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петргу на 2012–2016 гг. по подпроекту «Scandica: культурные конвергенции».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Русский текст романа приводится в переводе К. Телятникова.
[2] Шведская литература на шведском языке. Den siste atenaren – Viktor Rydberg. Master Olof – August Strindberg. Roda rummet – August Strindberg [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://booksbooksbooks.ru
[3] Август Стриндберг. Красная комната / Пер. К. Телятникова [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://lib.ru/INPROZ/STRINDBERG_A/strindberg_roda_rummet_rus.txt

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 381–393.
2. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 года // Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. X. С. 279–359.
3. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2004. 280 с.
4. Демьянков В. З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 9–34.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
6. Корман Б. О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 113 с.
7. Тураева З. Я. Лингвистика текста (текст: структура и семантика). М.: Просвещение, 1986. 127 с.
8. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учебное пособие. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.
9. Svenska 1 2 3. 2. Textens beståndsdelar [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://svenska123

Trofimova Yu. M., Mordoviya State University (Saransk, Russian Federation)

AUTHOR'S PERSONALITY AS LITERARY TEXT PHENOMENON (BASED ON STRINDBERG'S NOVEL"THE RED ROOM")

The article is a contiuuaton of the discussion about Strindberg's literary heritage. This discussion was initiated by the 2012 conference held within "Swedish language days" project at Petrozavodsk State University. The article deals with linguistic interpretations of the author's personality phenomenon. The personality phenonmenon was realized in the literary text in accordance with the laws of text formation. The main attention is paid to the law of text nomination, which proved to be rather effective when revealing the author's personal motives of text formation. The article results in stating some facts about Strindberg's language personality, which is represented in the text beginnings of his novel. All text beginnings include time indications, and this fact enables one to conclude that time as a phenomenon of surrounding reality was of great importance to the author. Special attention is paid to the sentence length, which seems to depend on the contents of the text. This fact is also interpreted as a realization of the author's personality in literary text.

Key words: text, personality in literary text, author's image, language personality, text nomination, text beginning

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. On the methodology of Humanities [K metodologii gumanitarnykh nauk]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of verbal art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. P. 381–393.
2. Belinskiy V. G. Undestanding of Russian literature of 1847 [Vzglyad na russkuyu literaturu 1847 goda]. *Poln. sobr. soch.* [Collected works]. Moscow, 1956. Vol. X. P. 279–359.
3. Valgina N. S. *Teoriya teksta. Uchebnoye posobiye* [Text theory]. Moscow, Logos Publ., 2004. 280 p.
4. Dem'yankov V. Z. Personality, individuality and subjectivity in language and speech [Lichnost', individual'nost' i sub''ektivnost' v yazyke i rechi]. *"Ya", "sub''ekt", "individ" v paradigmakh sovremennogo yazykoznaniya* ["I", "subject", "individual" in paradigms of modern linguistics]. Moscow, INION RAN Publ., 1992. P. 9–34.
5. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian language and language personality]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 264 p.
6. Korman B. O. *Izucheniye teksta khudozhestvennogo proizvedeniya* [Literary text studies] Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 113 p.
7. Turayeva Z. Ya. *Lingvistika teksta (tekst: struktura i semantika)* [Text linguistics (text: structure and semantics)]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1986. 127 p.
8. Chernyavskaya V. E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Text linguistics (polycodification, intertextuality, interdiscouse)]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 248 p.
9. Svenska 1 2 3. 2. Textens beståndsdelar [The Swedish language 1 2 3. 2. Textcomponents]. Available at: http://svenska123

Поступила в редакцию 07.06.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Филология** **2013**

УДК 81'32, 801.82, 811.161.1'32, 811.161.1'373.46, 811.16

ЛЮБОВЬ ЮРЬЕВНА КОВРИГИНА
аспирант кафедры математической лингвистики филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
lkovriguina@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ ПОДХОДОВ К ОПИСАНИЮ СТАТИСТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТОВ (на примере «Сказания о Мамаевом побоище»)

Сопоставляются три метода моделирования статистической структуры текста как поликомпонентного объекта по одному из параметров на материале редакций «Сказания о Мамаевом побоище». Методы нацелены на выявление тематических и нетематических лексических единиц в эмпирическом распределении лексики текста. Производится апробация этих методов на одном материале и выявляется приоритетный параметр – точка *h* Хирша – Попеску, которая позволяет «отсеять» большинство нетематических единиц для конкретного текста.

Ключевые слова: вариативный текст, негауссовость, *H*-распределение, статистическая структура текста, ядерные и периферические элементы, неоднородность генеральной совокупности, пойнтер-точка *R* Б. И. Кудрина, точка *h* Дж. Хирша – И.-И. Попеску

В качестве предмета лексикостатистического исследования текст предстает как определенный набор лексических единиц (уникальных или повторяющихся с той или иной частотой). Если перенумеровать элементы словаря $V = \{x_1, x_2, ..., x_N\}$ так, чтобы частота F слова x_i была невозрастающей функцией его номера $F(x_1) > F(x_2) > ... > F(x_N)$, то ранговым распределением называется функция $\Phi(n) = F(x_N)$, которая ставит в соответствие номеру или рангу $n(x)$ слова $x \in V$ частоту $F(x)$ этого слова. В обсуждаемом далее контексте рассматриваются такие ранговые распределения, график которых приближается к гиперболе, в силу чего такие распределения обозначаются как *H*-распределения[1].

К настоящему времени накопилось довольно большое число разных подходов к описанию ранговых распределений и не прояснено, как эти подходы соотносить между собой, поскольку каждый из них разрабатывался внутри предметно-специфичной научной парадигмы и под конкретный материал.

Поэтому представляется практически важным исследование и сопоставление разных моделей и получаемых с их помощью результатов на одном материале. Предметом статьи выбрана задача соотнесения трех характеристик моделей, принадлежащих разным авторам (Б. И. Кудрину [4]; Г. Я. Мартыненко [6], [7], [8]; И. Попеску, Г. Альтманну и Я. Машутеку [15]).

Перечисленные ниже параметры моделей и характеристики эмпирических данных принимаются всеми исследователями: 1. Резкая неравночисленность разных классов распределения. 2. Большое количество одноэлементных классов. 3. Наличие небольшого количества высокочастотных классов. 4. Большой разрыв численности классов с рангами 1 и 2, 2 и 3, 3 и 4 и немного далее с уменьшением разницы по мере движения по этому ряду (в случае моделирования с помощью ранговых распределений). 5. Отсутствие простого описания соотношения численности классов распределения. 6. Более или менее симметричный относительно биссектрисы первого квадранта график рангового распределения. 7. Более или менее хорошая аппроксимация гиперболой графика рангового распределения. 8. Систематическое отклонение этих распределений от гиперболы в зоне средних частот.

При таких сходных допущениях среди исследователей *H*-распределений отсутствует единое мнение об их гауссовости/негауссовости и выполнения для них центральной предельной теоремы. Спорным моментом является и однородность/неоднородность генеральной совокупности, описываемой *H*-распределениями.

Большинство исследователей исходит из того, что они имеют дело с единой генеральной совокупностью (к их числу относится и Б. И. Кудрин). Как указывает С. В. Чебанов, «всячески обыгрывается то обстоятельство, что это такая хитрая генеральная совокупность, что она содержит принципиально непохожие друг на друга компоненты» [11; 75].

Иная точка зрения заключается в том, что *H*-распределение описывает смесь как минимум двух генеральных совокупностей, каждая из которых внутри однородна. Этой точки зрения придерживается Г. Я. Мартыненко, который считает более перспективным направление, учитывающее неоднородность статусных распределений [7; 67]. Убежденным сторонником неоднородности распределений, до этого аппроксимируемых

© Ковригина Л. Ю., 2013

(в гуманитарных науках) преимущественно «гиперболой» Ципфа, был и Густав Хердан [14; 77–86]. Опишем подробнее каждый из подходов.

ЦЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД Б. И. КУДРИНА

Б. И. Кудриным начиная с середины 1970-х годов разрабатывается претендующий на всеобщность ценологический подход [5][2].

По Б. И. Кудрину, аналитическим выражением для *H*-распределения является функция вида $\Omega(x) = W_1/x^{1+\alpha}$, где x – численность класса ($x = 1, 2, \ldots n$, где n – численность самого высокочастотного класса); W_1 – количество классов с численностью 1 (*hapax legomena*); $\alpha > 0$ – параметр (см. подробное описание, напр., в [3; 388]).

Функция $\Omega(x)$ не вполне хорошо описывает эмпирическое распределение, поэтому Кудрин вводит понятие особой точки, точки перегиба – пойнтер-точки *R,* которая фиксируется на эмпирическом распределении. Гипербола делится точкой *R* на две ветви: слева $x = 1, 2, \ldots, R$ – неоднородные группы, где каждая образована множеством классов; справа $x = R + 1, R + 2, \ldots, F_{max}$ – однородные группы (F_{max} – эмпирическая частота слова, встретившегося в тексте с максимальной частотой) [4] (см. столбец «*n*» табл. 1, где пойнтер-точка выделена полужирным шрифтом).

Б. И. Кудриным были получены интересные результаты при изучении распределения персонажей в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: вокруг пойнтер-точки сгруппировались персонажи, определяющие отличие романа Булгакова от «Фауста» Гёте: Левий Матвей, Босой, Варенуха, Римский, Стёпа Лиходеев [4].

ЗОНЫ КОНЦЕНТРАЦИИ И РАССЕЯНИЯ ПО Г. Я. МАРТЫНЕНКО

Г. Я. Мартыненко подвергает радикальному сомнению однородность генеральной совокупности и возможность аппроксимации ее распределения с помощью функции Ципфа – Парето [6; 157], справедливо указывая, что, «если по данным наблюдения построить убывающее ранговое распределение, то его характерные особенности могут ускользнуть из поля зрения исследователя ввиду чрезмерной растянутости графика вдоль оси рангов. Как правило, такой график отождествляется с крайне асимметричной *J*-образной кривой. Высокий пик таких распределений и очень растянутый хвост затушевывают некоторые ненормальности в поведении кривой, которые чаще всего списываются на счет ошибок наблюдения» [6; 140]. Под «ненормальностями» подразумевается характерный бугорок на кривой распределения в области средних частот, который Г. Я. Мартыненко квалифицирует как результат наложения одного распределения на другое (графики распределения элементов смешанной совокупности характеризуются более сложным рельефом), причем делает это уже в 1978 году [7; 67–69].

Чтобы установить неоднородность совокупности, Г. Я. Мартыненко предлагает следующие критерии: 1) величину коэффициента вариации: чем больше этот коэффициент, тем больше шансов, что совокупность неоднородна; 2) внешний вид графика эмпирического распределения: если кривая распределения многовершинна, то есть веские основания полагать, что исходная совокупность состоит из нескольких качественно однородных фрагментов [6; 137].

Для разделения совокупности на зоны можно воспользоваться методикой вычисления прироста скользящего коэффициента вариации (СКВ). Процедура расчетов с примерами подробно описана в той же работе [6; 150–153]. По данным автора статьи, на текстах достаточного объема на графике прироста СКВ явно прослеживается следующая тенденция: сначала функция монотонно убывает, потом убывание чередуется с возрастанием и, наконец, монотонно возрастает (при построении графика по оси абсцисс откладывается $ln(n)$, по оси ординат – $ln(dV)$, значения коэффициента вариации и его прироста см. в столбцах *V* и *dV* табл. 1).

Г. Я. Мартыненко выделяет в *H*-распределениях ядерную и периферическую зоны и переходную зону. В ядерные элементы попадает служебная лексика и другие единицы со стертой семантикой, на периферии – низкочастотная лексика. Правая граница монотонности на графике прироста скользящего коэффициента вариации (значения подчеркнуты в столбцах табл. 1) отграничивает ядерные элементы.

ПОДХОД И.-И. ПОПЕСКУ, Г. АЛЬТМАННА И Я. МАШУТЕКА. ТОЧКА *h*

Попеску, Машутек и Альтманн принимают и неоднородность, и негауссовость лингвостатистических распределений.

Так, тексты значительной длины считаются неоднородными, поскольку написаны не за один раз [15; 8]. Интересно также мнение авторов об устойчивости статистических характеристик лексических единиц в корпусе текстов: они отвергают принцип «чем больше выборка, тем устойчивее статистические характеристики», заменяя его на принцип «чем больше выборка, тем более неоднородным становится текст» [15; 8]. Такой «ход» означает фактическое признание негауссового характера лингвистических распределений. В пользу негауссовости свидетельствует и указание этих авторов на слабую пригодность традиционных критериев (χ-квадрат) для оценки качества аппроксимации распределений единиц в тексте [15; 15].

На гиперболической кривой рангового распределения Альтманн и Попеску выделяют особую точку *h*, для которой выполняется условие

$r = f(r)$ (где r – ранг, $f(r)$ – частота слова с рангом r) [15; 24]. По их мнению, эту точку следует интерпретировать как границу между словами со стертой семантикой (synsemantics) и словами, значимыми для этого текста (autosemantics), но для них эта точка не является маркером неоднородности совокупности, как для Г. Я. Мартыненко. Попеску с соавторами считают, что те полнозначные слова, которые оказываются среди отграниченной точкой h служебной лексики, отражают тематику текста.

Точка перегиба h (h-point), предложенная Дж. Хиршем в 2005 году, определяется как точка, в которой кривая рангового распределения пересекается с прямой $y = x$. Этот параметр мгновенно увязывается с симметрийными идеями Ю. А. Шрейдера [2] и пойнтер-точкой R Б. И. Кудрина. Б. И. Кудрин, что интересно, тоже характеризует этот введенный им параметр как «точку перегиба». Попеску и Альтманн задают точку h так:

$$h = \begin{cases} r, & \text{если } \exists\ r = f(r); \\ \dfrac{f(i)r_j - f(j)r_i}{r_j - r_i + f(i) - f(j)}, & \text{если } \nexists\ r = f(r). \end{cases}$$

В большинстве случаев в эмпирическом ряду есть точка, в которой $r = f(r)$. Если такой точки нет, то берут соседние точки $f(i)$ и $f(j)$, такие, что $f(i) > ri$ и $f(j) < rj$. Чаще всего $r_{i+1} = r_j$.

СОПОСТАВЛЕНИЕ МЕТОДИК

Несмотря на различие позиций Б. И. Кудрина и Г. Я. Мартыненко, обоих исследователей объединяет глубинный принцип сегментации кривой распределения на функциональные зоны, но картина мира, в которой описываются эти представления о сегментации, разная: Кудрин маркирует особые точки (пойнтер-точка, начало и конец распределения), а Мартыненко защищает позицию о смешанном характере итоговой совокупности, хотя обоим в итоге нужна содержательная интерпретация количественных данных. Странным кажется то обстоятельство, что в научном сообществе вовлеченных в «ципфиаду» практически не обсуждаются количественные соотношения между маркированными точками: можно ли по началу распределения предсказать его хвост, общее количество классов и т. п., в общем случае по части реконструировать целое.

Представляется небезынтересным сравнить результаты, получаемые с помощью применения всех трех параметров, на одном материале, а именно на частотных словарях лексем, построенных для 8 списков «Сказания о Мамаевом побоище»[3]. Для исследования статистической структуры вариативного текста были получены в электронном виде 8 списков памятника, представляющие 5 основных редакций и нетиповые и компилятивные списки. В пределах статьи приводятся статистические данные только для четырех списков: 1. Список Основной редакции РНБ O.IV.22, XVI век. 2. Список Летописной редакции СПбОИИ № 251, XVI век. 3. Список Киприановской редакции БАН 32.14.8, XVI век. 4. Список Распространенной редакции РНБ Q.IV.354, XIX век[4].

Для каждого списка были построены частотные словари и произведена лемматизация. Таблица 1 содержит спектровые[5] распределения лексем для частотных словарей 4 списков «Сказания» и данные о приросте скользящего коэффициента вариации и его значениях в характеристических точках распределения. Ячейка, содержащая пойнтер-точку R Б. И. Кудрина, выделена полужирным шрифтом; ячейка, содержащая точку h Хирша – Попеску, – серым фоном. Подчеркиванием выделена строка, содержащая значение точки, с которой начинается монотонное возрастание прироста коэффициента вариации (точки B). Даже визуальный анализ таблицы показывает близость или даже совпадение пойнтер-точки R и точки B. Полученные результаты подталкивают к вполне недвусмысленному выводу о равноценности сопоставляемых методов в практической деятельности. Точка h Хирша – Попеску ожидаемо располагается значительно ближе к центру распределения.

Обратимся теперь к анализу лексем, отграничиваемых с помощью рассматриваемых параметров (табл. 2). Лексика, выделенная с помощью пойнтер-точки R и правой границы монотонности графика СКВ, – это союзы, местоимения, клише или коллокаты (титул «великий князь»), а также 2 высокочастотных глагола («быти» и «глаголати») и имя и отчество великого князя. Роль Дмитрия в походе против татар, его поступки и речи постоянно подчеркиваются в тексте.

Анализ лексем, отсекаемых с помощью точки h, подтверждает выводы И.-И. Попеску с соавторами: предложенный ими параметр позволяет отделить большинство нетематических единиц для конкретного текста (что невозможно сделать с помощью параметров Г. Я. Мартыненко и Б. И. Кудрина) и имеет практическое значение. Выше точки h располагается идеологически маркированная лексика («Господь», «Бог», «святыи», «брат», «русский», «полк») и лексика, характеризующая противостоящие силы («русский» против «поганыи»).

Ни один из этих параметров не является стилеразличающим (в данном случае, списки Киприановской – БАН 32.14.8 и Летописной – СПбОИИ № 251 редакций, бытующих в составе летописных сводов, никак не маркированы по составу или количеству выделенной лексики).

Таблица 1

Совмещение параметров методик

Основная, O.IV.22				Летописная, СПбОИИ № 251				Киприановская, 32.14.8				Распространенная, Q.IV.354			
n	**f(n)**	**V**	**dV**	**n**	**f(n)**	**V**	**dV**	**n**	**f(n)**	**V**	**dV**	**n**	**f(n)**	**V**	**dV**
1	896	0,000		1	885	0,000		1	778	0,000		1	940	0,000	
2	318	0,349	0,349	2	308	0,348	0,348	2	289	0,350	0,350	2	279	0,342	0,342
3	172	0,478	0,129	3	140	0,469	0,121	3	142	0,472	0,122	3	149	0,478	0,136
4	92	0,560	0,083	4	75	0,554	0,085	4	88	0,562	0,090	4	115	0,586	0,108
5	59	0,627	0,067	5	53	0,629	0,075	5	59	0,633	0,071	5	65	0,652	0,067
6	43	0,687	0,060	6	44	0,700	0,071	6	31	0,680	0,047	6	40	0,703	0,051
7	23	0,727	0,040	7	25	0,747	0,047	7	31	0,737	0,057	7	25	0,744	0,041
8	25	0,779	0,052	8	29	0,808	0,061	8	33	0,801	0,064	8	26	0,795	0,051
9	24	0,832	0,054	9	18	0,850	0,041	9	13	0,829	0,028	9	9	0,816	0,021
10	15	0,869	0,037	10	12	0,882	0,032	10	19	0,876	0,047	10	20	0,871	0,055
11	16	0,912	0,043	11	8	0,907	0,025	11	12	0,908	0,032	11	15	0,914	0,043
12	9	0,939	0,027	12	8	0,936	0,029	12	15	0,951	0,043	12	17	0,964	0,050
13	13	0,981	0,042	13	9	0,973	0,037	13	7	0,973	0,022	13	17	1,013	0,049
14	9	1,012	0,031	14	10	1,016	0,043	14	9	1,005	0,031	14	11	1,046	0,032
15	8	1,041	0,029	15	7	1,047	0,031	15	7	1,031	0,026	15	10	1,077	0,031
16	4	1,058	0,016	16	6	1,076	0,029	16	7	1,060	0,028	16	13	1,117	0,041
17	6	1,085	0,027	17	5	1,101	0,026	17	9	1,097	0,038	17	5	1,134	0,016
18	6	1,113	0,029	18	5	1,129	0,027	18	7	1,127	0,030	18	3	1,145	0,011
19	5	1,138	0,025	19	5	1,158	0,029	19	5	1,149	0,022	19	5	1,165	0,021
20	2	1,149	0,011	20	4	1,182	0,024	20	3	1,163	0,014	20	3	1,179	0,014
21	8	1,194	0,045	21	2	1,195	0,013	21	5	1,189	0,026	21	3	1,194	0,015
22	6	1,228	0,033	22	4	1,223	0,028	22	5	1,215	0,026	22	2	1,205	0,011
23	8	1,270	0,043	23	7	1,271	0,048	23	1	1,221	0,006	23	3	1,223	0,018
24	4	1,291	0,021	24	5	1,304	0,033	24	2	1,234	0,013	24	3	1,242	0,019
25	1	1,297	0,006	25	1	1,311	0,007	25	4	1,260	0,026	25	4	1,268	0,026
26	2	1,310	0,013	26	7	1,360	0,049	26	2	1,274	0,014	26	2	1,282	0,014
27	3	1,329	0,020	27	2	1,374	0,014	27	6	1,315	0,041	27	2	1,297	0,015
28	1	1,336	0,007	28	1	1,381	0,007	28	1	1,322	0,007	28	3	1,319	0,023
29	1	1,344	0,008	29	1	1,389	0,008	29	5	1,358	0,036	29	2	1,335	0,016
30	1	1,352	0,008	30	3	1,414	0,025	30	2	1,372	0,014	30	1	1,344	0,008
31	2	1,370	0,017	31	1	1,423	0,009	31	1	1,379	0,008	31	3	1,370	0,026
32	4	1,405	0,035	32	1	1,433	0,009	32	3	1,403	0,024	32	2	1,388	0,018
33	2	1,422	0,017	35	5	1,488	0,055	33	2	1,419	0,016	33	2	1,406	0,018
34	3	1,449	0,027	37	1	1,500	0,012	34	1	1,428	0,008	36	1	1,417	0,011
35	3	1,475	0,026	38	3	1,535	0,035	35	4	1,461	0,034	37	2	1,441	0,023
38	1	1,486	0,011	40	1	1,548	0,013	37	1	1,471	0,009	38	2	1,464	0,024
39	2	1,508	0,022	42	1	1,562	0,014	38	1	1,480	0,010	39	4	1,510	0,045
43	1	1,521	0,014	43	1	1,577	0,015	39	5	1,528	0,047	40	1	1,521	0,011
44	1	1,536	0,014	44	1	1,591	0,015	41	2	1,547	0,020	42	2	1,546	0,025
47	2	1,568	0,032	45	1	1,607	0,015	42	2	1,567	0,020	43	1	1,558	0,012
48	1	1,584	0,016	48	1	1,624	0,018	43	3	1,595	0,029	46	1	1,573	0,015
49	1	1,601	0,016	52	1	1,646	0,021	45	1	1,606	0,010	47	2	1,602	0,029
53	2	1,639	0,038	54	1	1,668	0,022	46	1	1,616	0,011	49	1	1,617	0,015
54	3	1,692	0,053	56	1	1,691	0,023	47	1	1,627	0,011	50	1	1,633	0,016
56	1	1,710	0,018	57	2	1,736	0,045	49	1	1,639	0,012	54	2	1,670	0,037
57	1	1,728	0,018	58	1	1,758	0,022	50	2	1,663	0,024	56	2	1,707	0,037
60	2	1,767	0,039	64	1	1,785	0,027	56	1	1,679	0,016	57	2	1,742	0,035
62	1	1,787	0,020	65	1	1,812	0,027	57	2	1,711	0,031	58	1	1,759	0,017
66	1	1,809	0,023	67	1	1,839	0,027	58	1	1,726	0,015	60	1	1,777	0,018
69	1	1,834	0,024	74	2	1,905	0,065	59	1	1,741	0,015	62	1	1,796	0,019
73	1	1,860	0,027	80	1	1,941	0,036	60	1	1,757	0,015	63	1	1,815	0,019
81	1	1,894	0,034	85	2	2,018	0,077	61	1	1,772	0,015	64	2	1,852	0,037
82	1	1,926	0,032	87	2	2,088	0,070	63	2	1,804	0,032	69	1	1,873	0,021
83	1	1,958	0,031	97	2	2,170	0,082	**67**	**1**	1,822	0,018	76	1	1,900	0,027
84	1	1,988	0,030	112	2	2,272	0,102	68	1	1,840	0,018	86	1	1,935	0,035
87	1	2,019	0,031	120	2	2,374	0,102	70	1	1,858	0,018	87	1	1,969	0,034
89	1	2,050	0,031	**123**	**1**	2,422	0,047	86	1	1,890	0,032	93	1	2,007	0,038
90	1	2,080	0,030	158	1	2,507	0,085	89	1	1,922	0,033	94	1	2,043	0,036
97	1	2,115	0,035	165	1	2,591	0,084	93	1	1,956	0,034	100	1	2,083	0,040
104	2	2,190	0,075	173	1	2,675	0,084	96	1	1,991	0,035	101	1	2,121	0,038
114	**1**	2,233	0,043	184	1	2,762	0,087	105	1	2,032	0,041	107	1	2,163	0,041
141	1	2,303	0,070	196	1	2,852	0,090	106	1	2,071	0,039	110	1	2,204	0,041
144	1	2,370	0,067	246	1	2,994	0,142	175	1	2,198	0,127	113	1	2,244	0,041
148	1	2,434	0,064	281	1	3,162	0,167	182	1	2,318	0,120	115	1	2,284	0,040
153	1	2,498	0,063	690	1	4,123	0,962	187	1	2,429	0,111	132	1	2,337	0,053
174	1	2,578	0,080					188	1	2,527	0,097	139	1	2,393	0,056
184	1	2,661	0,083					203	1	2,630	0,103	143	1	2,448	0,055
206	1	2,759	0,098					210	1	2,728	0,098	148	1	2,503	0,055
210	1	2,849	0,090					215	1	2,818	0,090	154	1	2,558	0,055
269	1	2,998	0,149					227	1	2,910	0,091	187	2	2,718	0,159
306	1	3,171	0,173					284	1	3,052	0,143	**196**	**1**	2,793	0,075
760	1	4,173	1,002					301	1	3,191	0,139	230	1	2,896	0,103
								1203	1	5,162	1,971	288	1	3,053	0,158
												340	1	3,252	0,199
												796	1	4,246	0,994

Таблица 2

Лексемы, отсекаемые с помощью точки *h* (весь столбец), пойнтер-точки *R* (полужирный шрифт) и правой границы монотонности СКВ (серый фон)

r, ранг	Основная, РНБ O.IV.22	*f*(*r*)	Летописная, СПбОИИ 251	*f*(*r*)	Киприановская, БАН 32.14.8	*f*(*r*)	Распространенная, РНБ Q.IV.354	*f*(*r*)
1	**И**	760	**И**	690	**И**	1203	**И**	796
2	**ЖЕ**	306	**ЖЕ**	281	**КНЯЗЬ**	301	**ЖЕ**	340
3	**КНЯЗЬ**	269	**КНЯЗЬ**	246	**ОН**	284	**КНЯЗЬ**	288
4	**НА**	210	**НА**	196	**ВЕЛИКИИ**	227	**ВЕЛИКИИ**	230
5	**ВЕЛИКИИ**	206	**ОН**	184	**НА**	215	**НА**	196
6	**СВОИ**	184	**СВОИ**	173	**ЖЕ**	210	СВОИ	187
7	**БЫТИ**	174	**ВЕЛИКИИ**	165	**БЫТИ**	203	БЫТИ	187
8	**ОН**	153	**БЫТИ**	158	**ВЕСЬ**	188	ОН	154
9	**ТЪ**	148	**НЕ**	123	**С**	187	В	148
10	**В**	144	С	120	**В**	182	РЕЧИ	143
11	**С**	141	В	120	**СВОИ**	175	ОНИ	139
12	**НЕ**	114	ТЪ	112	**К**	106	С	132
13	ОНИ	104	ОНИ	112	**ОНИ**	105	К	115
14	МЫ	104	РЕЧИ	97	**СЬ**	96	ЯКО	113
15	РЕЧИ	97	А	97	**ТЪ**	93	НЕ	110
16	А	90	МЫ	87	**НЕ**	89	ОТ	107
17	ЯКО	89	БО	87	**ОТ**	86	ВЕСЬ	101
18	ОТ	87	ОТ	85	**МНОГИИ**	70	ТЪ	100
19	АЗ	84	НО	85	**ГЛАГОЛАТИ**	68	АЗ	94
20	ВЕСЬ	83	К	80	**ДМИТРИИ**	67	СЬ	93
21	БО	82	ЯКО	74	ЯКО	63	МЫ	87
22	ГОСПОДЬ	81	АЗ	74	ЦАРЬ	63	ДМИТРИИ	86
23	К	73	ВЕСЬ	67	ПО	61	А	76
24	ЦАРЬ	69	ДА	65	ДА	60	ЦАРЬ	69
25	РУССКИИ	66	ПО	64	АЗ	59	ПО	64
26	ПО	62	ГОСПОДЬ	58	ГОСПОДЬ	58	НАШ	64
27	НАШ	60	ЦАРЬ	57	УБО	57	БОГ	63
28	БОГ	60	СЬ	57	МЫ	57	ДА	62
29	ТВОИ	57	ДМИТРИИ	56	СИЛА	56	БО	60
30	БРАТ	56	БРАТ	54	ПРИИТИ	50	ВИДЕТИ	58
31	СЬ	54	ПОЛК	52	МАМАИ	50	ИВАНОВИЧ	57
32	ПОЛК	54	НАШ	48	БОГ	49	БРАТ	57
33	ДА	54	МНОГИИ	45	СВЯТЫИ	47	ТЫ	56
34	СВЯТЫИ	53	ТЫ	44	ЗА	46	ГОСПОДЬ	56
35	ДМИТРИИ	53	ТВОИ	43	РЕЧИ	45	ТВОИ	54
36	МОИ	49	БОГ	42	О	43	МНОГИИ	54
37	ТЫ	48	РУССКИИ	40	ИВАНОВИЧ	43	ПРИИТИ	50
38	ПОГАНЫИ	47	СВЯТЫИ	38	А	43	О	49
39	НЫНЕ	47			ТЫ	42	ПОЛК	47
40	АКИ	44			ВИДЕТИ	42	МОИ	47
41	МНОГИИ	43			ЗЕЛО	41	НО	46
42	НАЧАТИ	39					ДАТИ	43
43							СВЯТЫИ	42

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Термин «*H*-распределение» предложен Б. И. Кудриным, см., напр., [3], [4].

[2] См. персональный сайт Б. И. Кудрина. Режим доступа: www.kudrinbi.ru

[3] Обращение к такому неожиданному источнику при существующих многомиллионных корпусах текстов вызвано тем, что некоторые из моделей описания структуры поликомпонентных объектов (текстов), которые нет возможности обсудить в рамках данной статьи, предназначены для описания диахронического изменения структуры объекта (структурно-топологическая динамика В. В. Фуфаева [9], [10] и модель изменения словаря во времени М. В. Арапова – М. М. Херц [1]). Эти модели могут быть успешно применены только к текстам, для которых зафиксированы их изменения во времени (вариативным текстам). В силу культурных особенностей такие письменные тексты довольно большого объема обнаруживаются только в средневековой литературе.

[4] Указана дата списка, а не время возникновения редакции.

[5] Т. е. распределения типа: n – численность класса, $f(n)$ – количество классов с такой численностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арапов М. В., Херц М. М. Изменение словаря во времени (опыт теории) // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 3. М.: ВИНИТИ, 1972. С. 3–85.
2. Арапов М. В., Шрейдер Ю. А. Закон Ципфа и принцип диссимметрии системы // Семиотика и информатика. Вып. 10. М.: ВИНИТИ, 1978. С. 74–95.
3. Кудрин Б. И. Математика ценозов: видовое, ранговидовое, ранговое по параметру гиперболические *H*-распределения и законы Лотки, Ципфа, Парето, Мандельброта // Философские основания технетики. М., 2002. С. 357–412.
4. Кудрин Б. И. Мои семь отличий от Ципфа // Общая и прикладная ценология. М., 2007. № 4. С. 25–33.
5. Кудрин Б. И. Распределение электрических машин по повторяемости как некоторая закономерность // Электрификация металлургических предприятий Сибири. Вып. 2. Томск, 1974. С. 31–40.
6. Мартыненко Г. Я. Введение в теорию числовой гармонии текста. СПб., 2009. 252 с.
7. Мартыненко Г. Я. Некоторые закономерности концентрации и рассеяния элементов в лингвистических и других

сложных системах // Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 1. Л., 1978. С. 63–80.
8. Мартыненко Г. Я. Основы стилеметрии. Л., 1988. 174 с.
9. Фуфаев В. В. Общеценологический метод структурно-топологического анализа самоорганизующихся систем // Общая и прикладная ценология. М., 2007. № 3. С. 23–31.
10. Фуфаев В. В. Основы теории динамики структуры техноценозов. Математическое описание ценозов и закономерности технетики // Ценологические исследования. Вып. 1. Абакан, 1996. С. 156–193.
11. Чебанов С. В. Концепции ранговых распределений: консенсусный анализ // Ценологические исследования. Вып. 46. М., 2012. С. 72–86.
12. Чебанов С. В. Оптимальность и экстремальность в культуре, ципфиада и закон Лотмана // Ценологические исследования. Вып. 28. М., 2005. С. 411–428.
13. Чебанов С. В. Распределения с неопределенными центральными моментами, размерная структура природных тел и натуральнозначные функции натуральных аргументов // Философские основания технетики. Ценологические исследования. Вып. 19. М., 2002. С. 436–444.
14. Herdan G. Quantitative linguistics. London, 1964. 284 p.
15. Popescu I.-I., Mačutek J., Altmann G. Aspects of word frequencies. RAM-Verlag, 2009. IV + 198 p. Available at: http://www.iipopescu.com/Aspects_of_Word_Frequencies.pdf

---

Kovrigina L. Yu., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

METHODOLOGICAL DIFFERENCES IN MODELING TEXTS' STATISTICAL STRUCTURE (on the example of "The Tale of The Rout of Mamai")

Three methods of modeling statistical structure of the text are analyzed. The obtained comparative results were derived by the employment of different statistical models to the same material ("The Tale of The Rout of Mamai"). All compared models are designed to separate autosemantic words from synsemantic words of the plot. The results received during models' testing are provided . The *h*-point introduced by Hirsch – Popescu is shown to be the most suitable parameter helping to separate content words from structure-class words. The *h*-point marks the biggest part of non-thematic words for a certain text.

Key words: text variants, text component structure, non-gaussian distributions, *H*-distribution, concentration and dispersion of elements in linguistic distributions, population heterogeneity, Kudrin's *R*-point, Hirsch – Popescu's *h*-point (*h*-index)

REFERENCES

1. Arapov M. V., Herts M. M. Temporal Variation of Vocabulary (Experience Practice) [Izmeneniye slovarya vo vremeni (opyt teorii)]. *Informatsionnye voprosy semiotiki, lingvistiki i avtomaticheskogo perevoda* [Informatic Problems of Semiotics, Linguistics and Automatic Translation]. Vol. 3. Moscow: VINITI Publ., 1972. P. 3–85.
2. Arapov M. V., Schreyder Yu. A. Zipf's Law and a Principle of the System's Dissymmetry [Zakon Tsipfa i printsip dissimmetrii sistemy]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Vol. 10. Moscow: VINITI Publ., 1972. P. 74–95.
3. Kudrin B. I. Mathematics of Coenoses: Hyperpolic *H*-distributions (Species Distribution, Rank-species Distribution, Rank-parameter Distribution) and Lotka's, Zipf's, Pareto's, Mandelbrot's Laws [Matematika tsenozov: vidovoye, rangovidovoye, rangovoye po parametru giperbolicheskiye *H*-raspredeleniya i zakony Lotki, Tsipfa, Pareto, Mandel'brota]. *Filosofskiye osnovaniya tekhnetiki* [Philosophical Foundations of Technetics]. Moscow, 2002. P. 357–412.
4. Kudrin B. I. There are Seven Points That I Differ From Zipf [Moi sem' otlichiy ot Tsipfa]. *Obshchaya i prikladnaya tsenologiya* [General and Applied coenology]. Moscow, 2007. № 4. P. 25–33.
5. Kudrin B. I. A Pattern of Distribution of Electric Machinery on Its Frequency of Occurrence [Raspredeleniye elektricheskikh mashin po povtoryaemosti kak nekotoraya zakonomernost']. *Elektrifikatsiya metallurgicheskikh predpriyatiy Sibiri* [Motorization of Iron and Steel Plants of Siberia]. Vol. 2. Tomsk, 1974. P. 31–40.
6. Martynenko G. Ya. *Vvedeniye v teoriyu chislovoy garmonii teksta* [Introduction to the Theory of Numeric Harmony of a Text]. Saint-Petersburg, 2009. 252 p.
7. Martynenko G. Ya. Some Regularities in Concentration and Dispersion of Elements in Linguistics and Other Complex Systems [Nekotorye zakonomernosti kontsentratsii i rasseyaniya elementov v lingvisticheskikh i drugikh slozhnykh sistemakh]. *Strukturnaya i prikladnaya lingvistika* [Structural and Applied Linguistics]. Vol. 1. Leningrad, 1978. P. 63–80.
8. Martynenko G. Ya. *Osnovy stilemetrii* [Basics of Stylemetrics]. Leningrad, 1988. 174 p.
9. Fufaev V. V. Structure-topological Analysis: A Universal Coenological Method for Self-organizing Systems [Obshchetsenologicheskiy metod strukturno-topologicheskogo analiza samoorganizuyushchikhsya sistem]. *Obshchaya i prikladnaya tsenologiya* [General and Applied Coenology]. Moscow, 2007. № 3. P. 23–31.
10. Fufaev V. V. Theoretical Basics of Structural Dynamics of Technocoenoses [Osnovy teorii dinamiki struktury tekhnotsenozov]. *Tsenologicheskiye issledovaniya* [Coenological Research]. Vol. 1. Abakan, 1996. P. 156–193.
11. Chebanov S. V. Conceptions of Rank Distributions: Consensus Analysis [Kontseptsii rangovykh raspredeleniy: konsensusnyi analiz]. *Tsenologicheskiye issledovaniya* [Coenological Research]. Vol. 46. Moscow, 2012. P. 72–86.
12. Chebanov S. V. Optimality and Extremality Within the Culture, "Zipfiade" and Lotman's Law [Optimal'nost' i ekstremal'nost' v kul'ture, tsipfiada i zakon Lotmana]. *Tsenologicheskiye issledovaniya* [Coenological Research]. Vol. 28. Moscow, 2005. P. 411–428.
13. Chebanov S. V. Distributions with Undetermined Central Moments, Size Structure of Natural Bodies and Natural Value Functions of Natural Value Arguments [Raspredeleniya s neopredelennymi tsentral'nymi momentami, razmernaya struktura prirodnykh tel i natural'noznachnye funktsii natural'nykh argumentov]. *Filosofskiye osnovaniya tekhnetiki* [Philosophical Foundations of Technetics]. Vol. 19. Moscow, 2002. P. 436–444.
14. Herdan G. Quantitative Linguistics. London, 1964. 284 p.
15. Popescu I.-I., Mačutek J., Altmann G. Aspects of Word Frequencies. RAM-Verlag, 2009. IV + 198 p. Available at: www.iipopescu.com/Aspects_of_Word_Frequencies.pdf

Поступила в редакцию 10.06.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Философия** **2013**

УДК 130-32

БОРИС ВАСИЛЬЕВИЧ МАРКОВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
bmarkov@mail.ru

АПРИОРНОЕ ЗНАНИЕ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Априорное, или внеопытное, знание сегодня понимается как набор правил и норм рациональности, а также фундаментальных установок, определяющих визуальную, эмоциональную и ценностную ориентацию в мире. В философии науки предпосылки и основания познания рассматриваются как формы априорного знания. Они формируют установку отбора и интерпретации опытных данных, направляют и упорядочивают наблюдение, а также суждение. В гуманитарном познании их своеобразие раскрывается на основе феноменов традиции, правил и норм поведения. Успехи когнитивных наук позволяют дополнить список форм «априорного знания». Кроме мировоззренческих, социальных и культурных факторов следует учитывать биологию и психологию человека. Научные понятия довольно быстро выявляются и контролируются. Анализ разного рода ценностных предпочтений, социальных и моральных норм, а также правовых и экономических различий более сложен. Они обнаруживаются по мере накопления опыта сравнения «своего» и «чужого», а их оправдание требует изучения структур повседневной жизни. Сегодня задача состоит в том, чтобы выявить набор положительных антропологических констант и практик формирования важнейших человеческих качеств, которые должны воспроизводиться на любом уровне развития цивилизации.

Ключевые слова: априорное знание, герменевтика, повседневность, феноменология, философская антропология

Под априорными, или доопытными, знаниями сегодня понимают содержательные культурно-исторические предпосылки человеческой, в том числе интеллектуальной деятельности. В науке не доказывается, что надо доказывать, точно так же право опирается на некоторые общие представления о справедливости, а нормы морали на различие добра и зла. Вместе с тем очевидности и достоверности тоже меняются, более того, они отличаются в разных культурах, и все это создает напряженность в нашем глобализирующемся и одновременно мультикультурном мире. Поэтому гуссерлевская идея исторического априори и феноменологическая технология его исследования сегодня востребованы в гуманитарном познании. Феноменологическая социология была лишь первым шагом на этом пути. Она освоила феномены здравого смысла, и стереотипы обыденного сознания как в когнитивном, так и нормативном аспектах. В сфере образов, звуков, запахов тоже есть свой порядок. Сегодня его реконструкцией занимаются семиотика и психосемантика. Но трактовать эти феномены как языковые знаки, воспринимаемые и интерпретируемые как носители информации, совершенно недостаточно. Тело, лицо, одежда, пища, запах, архитектура, дизайн, музыка, кино, живопись и поэзия, конечно, имеют то или иное символическое содержание, однако воздействуют на людей своей «материей», а не только значениями. Это визуальные, ольфакторные, костюмные, звуковые и т. п. знаки наделены собственной энергией. У них своя символика, свой порядок. Опыт их данности при восприятии произведений художников, поэтов, музыкантов, дизайнеров нуждается в философском анализе. Пока же их активно используют социальные дизайнеры – специалисты по PR, рекламе и политологи.

АПРИОРИ ЖИЗНЕННОГО МИРА

Мир, в котором живут и взаимодействуют люди, дается в интерсубъективном опыте совместного бытия. Жизненный мир является прежде всего пространственно-временным миром вещей и не требует никаких дополнительных обоснований, так как подтверждает себя путем постоянного повторения одного и того же. На почве совместной жизни складываются «общие представления», которые кажутся несомненным, вызывают доверие и используются как нормы и коды поведения. Благодаря им складывается общественный порядок, когда в ответ на одни действия ожидаются и следуют другие.

А. Шютц, разрабатывавший феноменологическую программу Э. Гуссерля, поставил проблему описания базовых структур донаучного знания, которое считается само собой разумеющимся для участников жизненного мира. Повседневный жизненный мир «является областью реальности, в которой человек принимает участие с неизбежной и регулярной повторяемостью. Взаимопонимание человека с соплеменниками возможно лишь в пределах этой области, в которой происходит взаимодействие с ними. Только в повседневном жизненном мире возмож-

© Марков Б. В., 2013

но конституирование общей среды коммуникации. Следовательно, жизненный мир повседневности есть особая реальность, свойственная лишь человеку» [7; 23]. Истолкование и конструирование жизненного мира опираются на накопленный личный опыт и усвоение опыта других людей. Благодаря этому происходит типизация феноменов и упорядочивание нового опыта. Опыт возникает благодаря созерцанию настоящего, воспоминанию прошлого и конструированию будущего. Сталкиваясь с похожей ситуацией, человек активизирует память и пытается решить проблему исходя из накопленных обобщений и предсказания возможных последствий. Это и есть образование смысловых связей. Если обобщение получает дальнейшее применение, оно становится типизацией. Типизация – это не абстрактное обобщение. Она прагматически ориентирована и состоит в том, чтобы выявить актуальное значение положения дел, опираясь на множество их значений и оценок.

Главной формой отражения типичных схем опыта является язык, в котором объективировано большинство типизаций человеческого опыта. Привычки как результаты повторения образуют естественную установку. Когда само собой разумеющийся опыт начинает давать сбои, естественная установка подвергается модификации. Но это бывает редко. Обычно мы интерпретируем мир так, каким мы его знаем. Эти интерпретации не являются теоретическими выкладками. Они всегда имеют характер инструкций к действию: если положение дел таково, то я поступаю так-то. Благодаря своей применимости эти интерпретации становятся рецептами действий.

Процесс конституирования жизненного мира, по Т. Лукману, является одновременно и конструированием его [7; 224]. Не все переживания доводятся до уровня сознания, а только те, которые совпадают с представлением о социальном порядке у того или иного субъекта. Этот процесс конституирования-конструирования социального порядка не является осознанным, и вместе с тем он формируется более или менее непроизвольно и систематически. Здравый человеческий рассудок играет здесь роль «теории». Защищая человека от сомнений, он выступает конструкцией, благодаря которой мы упорядочиваем окружающую действительность. Раскрывая механизмы формирования жизненного мира, феноменологическая социология вносит свою лепту в их гуманизацию и помогает людям в решении их повседневных проблем.

ЦЕННОСТНЫЕ АПРИОРИ

Понятие априорного знания в философской антропологии было весьма плодотворно разработано другим учеником Гуссерля – М. Шелером. Он считал: «Если и есть философская задача, решения которой наша эпоха требует как никогда срочно, так это задача создания философской антропологии» [5; 15]. В своих ранних работах он предпринял критику формализма этики Канта с позиций феноменологии. Его вклад состоял в применении понятия априорности в сфере эмоционального сознания и в разработке «материальной» этики ценностей. По Шелеру, Кант испытывал страх перед миром, считал его хаосом, преодолеваемым синтетической деятельностью рассудка. Он постоянно говорил о постановляющей, законодательной, упорядочивающей деятельности разума. На самом деле априорные факты не конструируются, а усматриваются, находятся как изначальные предметные связи. В этике ценностные суждения «материальны» в том смысле, что даны, очевидны до всякого опыта. Даже если бы никогда не было вынесено суждение, что убийство есть зло, а благо – это благо, то это оставалось бы несомненным как предпосылка. Нравственный закон есть некий «факт» сознания, т. е. материальная этическая интуиция.

Шелер различал формальное и материальное априори. Материально априорное есть совокупность всех предложений, которые в сравнении с другими априорными предложениями, например, чистой логики, имеют значимость для специальной предметной области. При этом материальное не сводится к чувственному, а априорное к мыслимому. Предикат «чувственное» характеризует не материю, а способ данности. Неправильно думать, что то, что не дано чувственно, вообще никак не дано и не существует, что оно только примысливается. Неверно путать то, что дано, со способами данности. Шелер писал: «Apriori мы называем все те идеальные единства значения и все те положения, которые становятся самоданными в содержании непосредственного созерцания при условии воздержания от всех суждений как о субъекте, так и о предмете» [6; 226]. Сущности и их связи, данные до всякого опыта, априорны. Это не языковые и не логические феномены. Они доопытны в том смысле, что направляют и упорядочивают наблюдение, а также суждение.

Шелер различал такие свойства высказываний, как общезначимость и априорность. Бывают индивидуальные априорные сущности, которые усматривает один индивид. Поэтому неверно смешивать априоризм с субъективизмом. В восприятии нам дана природа, а не Я. Воспринимает человек, который имеет Я [6; 295]. Я – это носитель ценностей, а не их предпосылка. Отсюда отрицание психологического истолкования априорного как «врожденного». Хотя способность к априорному усмотрению может быть врожденной или определяться традицией, сами ценности не являются субъективными.

Переходя к описанию эмоциональных переживаний, Шелер показывает, что суть дела не

в желаниях, а в ценностях. Например, великие люди теряют себя в ценностях. Свои волевые действия они переживают не как свои чувства, а как «благодать» свыше, понимают себя как орудия, инструменты Бога. Существует духовная жизнь, и ее эмоциональная сторона тоже определяется независимыми от телесной организации человека актами. Существует особый априорный «порядок сердца».

Ценностные аксиомы не являются модифицированными законами логики. Наряду с чистой логикой существует чистое учение о ценностях. «Феноменологию ценностей и феноменологию эмоциональной жизни следует рассматривать как совершенно самостоятельную, независимую от логики предметную и исследовательскую область» [6; 283]. Любовь и ненависть исполняются человеком, но, строго говоря, не являются «человеческими», они подчиняются априорному порядку ценностей.

В заключение можно поставить вопрос, кем сконструированы и заданы онтологические ценности? В шелеровском проекте теоморфной антропологии это считается делом Бога. Его последователи искали основания ценностных априори в культуре. Сегодня успехи когнитивных наук позволяют дополнить список методов обоснования «априорного знания» [1]. Поэтому, кроме социокультурных факторов, следует учитывать биологию и психологию человека.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ АПРИОРИ

М. Хайдеггер также противопоставлял категориальные и экзистенциальные способы освоения бытия. Взамен категориального очевидного он вводит экзистенциальное априори, такие как «забота» и другие экзистенциалы. Они напоминают понятия раннего Маркса, который считал существование современного человека неподлинным, и свою задачу видел не просто в критике капитализма с позиций обездоленного рабочего, а в поиске подлинно человеческого способа жить. Хайдеггер переописывал отчуждение в терминах бездомности, безродности и забвения бытия. Он описывал подлинное совместное бытие людей не в социальном, а в бытийственном ракурсе. В «Бытии и времени» для Dasein имеет значение именно выбор судьбы, даже если она никогда не становится судьбой народа. Судьба народа подчинена судьбе Dasein, бытие к смерти которого выбрано как основание подлинности [2; 266]. Во «Введении в метафизику» Хайдеггер заявляет, что философия касается лишь немногих избранных: «тех, кто преобразует, творя, тех, кто производит изменения» [3; 120]. Осмысляя связь между индивидом и общностью (Gemeinschaft), между отдельным человеком и народом (Volk), немецкий мыслитель использовал в качестве посредника фигуру «вождя», подлинное бытие которого видел в общности с судьбой народа.

В «Письме о гуманизме» Хайдеггер охарактеризовал состояние современности в терминах бездомности: «Бездомность становится судьбой мира» [4; 170]. Не является ли это ложным описанием современности, следствием плохой онтологии? На самом деле хайдеггеровская аналитика наличного бытия весьма поучительна. Выявленные им отрицательные экзистенциалы вполне соответствуют эпохе чрезвычайных ситуаций. Сегодня задача состоит в том, чтобы выявить набор положительных антропологических констант и практик формирования важнейших человеческих качеств, которые должны воспроизводиться на любом уровне развития цивилизации. Если мы не сохраним традиционные формы духовного производства, то будем платить за материальный комфорт душевной пустотой.

К АНАЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Изучение и описание априорных структур повседневности помогают понять реальные функции теоретических моделей и классификаций и контролировать последствия, казалось бы, формальных определений. Например, достижение идентичности на основе таких актуальных понятий, как «этнос», «нация», «народ», «класс», «гражданин», приводит к очень ответственному политическому выбору.

Реконструкция социальных априори не должна ограничиваться анализом понятий. Это было бы «диспозитивом» повседневности, способом ее теоретической легитимации и, тем самым, консервации. Прежде всего важно отделять повседневный опыт от феномена познания, где нас интересуют истина и новая информация. Отличием порядка повседневности от знания является повторяемость. Дело не столько в различии дисциплинарных и вербальных актов, как думал Фуко, сколько именно в повторении и привычке. Вербальные практики становятся важнейшей частью процессов повседневности также благодаря повторению, излишнему с точки зрения истины, которая вовсе не нуждается в том, чтобы ее знали все. Порядок образован повторяемостью, которая создает привычку.

В широком смысле общественный порядок является важнейшим условием существования людей и его нарушение ведет к созданию чрезвычайной ситуации, в которой люди с целью выживания пользуются противоправными средствами. Все это ведет к хаосу, последствия которого непредсказуемы. Общественный порядок предполагает общественное пространство как место обитания людей. Общественное пространство – это архитектурно, технически и символически обустроенная среда обитания. Прежде всего это территория, ее ландшафт, угодья, строения, а также флора, фауна и иные ресурсы. Особое значение перечисленные компоненты общественного пространства имели в традиционных

обществах. В процессе цивилизации происходит перекодировка социального порядка. Общественное пространство становится все более сложным и одновременно все более уязвимым. В случае отклонения или нарушения нормы возникает беспорядок, и чем сложнее организовано общественное пространство, тем более тяжелыми могут быть последствия нарушения.

Общественные места отличаются от геометрического пространства наличием культурной символики. Рынок и храм, экономическое и приватное пространство, публичные пространства (суд, театр, университет), а также пространства развлечения и отдыха (кафе, городские парки, центры отдыха, клубы) – в каждом из них существует своя «разметка», в соответствии с которой складываются социальные нормы и коды поведения. Благодаря этому каждый знает, каким образом окружающие будут реагировать на те или иные действия. В каком-то смысле это похоже на игру, например, в шахматы. Правила поведения являются неписаными, если о них все знают. В других местах, где соблюдение порядка является особо значимым, вывешиваются инструкции. Благодаря этому общественная жизнь протекает более или менее нормально. Случаются аномалии и отклонения. Не все из них являются опасными. Некоторые подхватываются другими, становятся «модными» и таким образом происходит изменение общественного порядка. В других случая отклонения выносятся на обсуждение и проходят подчас длительную стадию общественной дискуссии.

Всякий порядок отстает от творческих потенций человека, который является не только аскетическим, но и продуктивным, экстатическим существом. Точкой перехода от старого к новому является аномалия, т. е. отклонение от нормального. Такое отклонение с точки зрения всеобъемлющего порядка выступает как проявление беспорядка, а с точки зрения гибкой, изменчивой рациональности – как переход к другому порядку. Аномалия амбивалентна: не ясно, то ли она есть нарушение порядка, то ли переход за его границы к чему-то новому. Изменения могут начаться на разных уровнях: как проявление нетипичного, маргинального, как смена норм и отказ от жестких оценок их нарушения, как потеря почвы у старых норм, как изменение их в ходе осуществления продуктивного действия.

Проблема еще и в том, что в разных культурах общественные пространства устроены по-разному. Когда люди переезжают из одной сраны в другую, они должны ориентироваться. Даже самый благонамеренный турист везет с собой «контрабанду», о существовании которой он не подозревает. Это – груз его установок и ожиданий, а также сложные символические машины восприятия и понимания окружающей действительности. Если речь идет о научных понятиях, то они довольно быстро выявляются и контролируются. Гораздо сложнее обстоят дела с анализом разного рода ценностных предпочтений, социальных и моральных норм, а также правовых и экономических различий. Они обнаруживаются по мере накопления опыта сравнения «своего» и «чужого», а их оправдание требует достаточно трудоемкого изучения структур повседневной жизни той или иной посещаемой страны.

Ссылка на окружающий мир в общем есть то, что обычно называют «ориентированием». Философия тематизирует его всеобщие структуры [8]. Остается вопрос о единичном: какой функциональной системой, до какой степени интегрируется и ангажируется отдельный человек и какие представления о нормах направляют его при этом. Здесь находится область этического ориентирования. Ориентирование в рамках системы не есть нечто непоколебимое и постоянное во времени. Нужно ориентироваться в каждой новой ситуации, не только пространственно на местности, но также в коммуникации с другими и, наконец, входя в курс любого дела. Это предполагает редукцию сложного к простому, непонятного к понятному.

Представления о морали являются опорными пунктами ориентирования. Они способствуют тому, что индивидуальное ориентирование стабилизируется и становится благодаря этому идентифицируемым для других систем. Поскольку при этом различается только «добро» и «зло», системы одновременно сокращают сложность действующих ситуаций и позволяют действовать согласно категорическому императиву: «Поступай так!» Неприятие во внимание обстоятельств и последствий означает нарушение способности к подсоединению. Если это произойдет, необходимо срочно восстановить единство. Если возникает спор, то можно объяснять поступок задним числом и постараться исправить досадные последствия, можно даже дойти до раскаяния. Наблюдение за реакцией других становится опорным пунктом для рефлексии своего поведения.

Анализ попыток концептуализации повседневности позволяет сделать вывод, что современность – это «слоеный пирог», где новое и традиционное переплетены. Поэтому вместо попыток построения универсальных моделей следует заняться реконструкцией многообразных типов порядка в кажущемся нерациональным устройстве современного мира. Критики современного общества пишут о новых формах отчуждения, о нарастании конформизма и тотального одиночества. Однако анализ повседневных форм существования обнаруживает новые формы общения, соседства, дружественности, словом, всего того, что Ф. Тённис называл «общностью», противопоставляя его «обществу» как системе институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В о л к о в А. В. Научное познание в контексте эволюционной эпистемологии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2012. № 1 (122). С. 88–94.
2. H e i d e g g e r M. Sein und Zeit. F. W. von Hermann. Frankfurt am Main, 1977. 451 s.
3. H e i d e g g e r M. Einfuehrung in Metaphusik. Heidegger M. Vorlesungen 1923–1944. V. Klostermann. Frankfurt am Main, 1980. 230 s.
4. H e i d e g g e r M. Brief ueber den «Humanismus» Heidegger M. Wegmarken. V. Klostermann. Frankfurt am Main, 1967. 145–194 s.
5. S c h e l e r M. Mensch und Geschichte. Scheler M. Philosophiesche Weltanschauung. Fr. Cohen, Bonn, 1929. S. 15–46.
6. S c h e l e r M. Der Formalismus in der Ethik und material Wertethik. Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 9. A. Francke, Bern und Muenchen, 1960. 533 s.
7. S c h u e t z A., L u c k m a n n T. Strukturen der Lebenswelt. Bd. 1. Neuwied, 1975. 334 p.
8. S t e g m a i e r W. Philosophie der Orientierung. De Gruyter. Berlin; New York, 2008. 804 s.

Markov B. V., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

APRIORITY KNOWLEDGE IN HUMANITIES

Apriority knowledge, previous to individual experience, is understood as a set of corrected norms of rationality and fundamental installations determining visual, emotional, and theoretical orientations in the world. In philosophy of science, the precondition and the bases of knowledge are considered a form of apriority knowledge. They determine and guide selection and interpretation of the data in the sense that directs and orders supervision and judgment. In humanitarian knowledge, their originality is revealed on the basis of traditions, rules, and norms of behavior. The successes of cognitive sciences allowed for expansion of the list of "apriority knowledge" forms. Except for philosophical, scientific, religious, and political installations, it is necessary to take into account biology and psychology of a man. Scientific concepts rather quickly are revealed and controlled. The analysis of different values, social and moral norms, legal and economic distinctions is much more difficult. They become apparent in the process of experience accumulation and comparison of "my" and "someone else's".Their justification requires in depth study of the structures of the daily life. Today's task is to reveal a set of positive anthropologycal constants and ways of interiorizing major human qualities, which should be reproduced at any level of civilization development.

Key words: Apriority knowledge, hermeneutic, daily occurrence, phenomenology, philosophical anthropology

REFERENCES

1. V o l k o v A. V. Scientific knowledge in contex of evolutional epistemology [Nauchnoe poznaniye v kontekste evolyutsionnoy epistemologii]. *Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences & Humanities.* 2012. № 1 (122). P. 88–94.
2. H e i d e g g e r M. Sein und Zeit. F. W. von Hermann. Frankfurt am Main, 1977. 451 s.
3. H e i d e g g e r M. Einfuehrung in Metaphusik. Heidegger M. Vorlesungen 1923–1944. V. Klostermann. Frankfurt am Main, 1980. 230 s.
4. H e i d e g g e r M. Brief ueber den «Humanismus» Heidegger M. Wegmarken. V. Klostermann. Frankfurt am Main, 1967. 145–194 s.
5. S c h e l e r M. Mensch und Geschichte. Scheler M. Philosophiesche Weltanschauung. Fr. Cohen, Bonn, 1929. S. 15–46.
6. S c h e l e r M. Der Formalismus in der Ethik und material Wertethik. Scheler M. Gesammelte Werke. Bd. 9. A. Francke, Bern und Muenchen, 1960. 533 s.
7. S c h u e t z A., L u c k m a n n T. Strukturen der Lebenswelt. Bd. 1. Neuwied, 1975. 334 p.
8. S t e g m a i e r W. Philosophie der Orientierung. De Gruyter. Berlin; New York, 2008. 804 s.

Поступила в редакцию 14.10.2013

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Философия** **2013**

УДК 165.0

ИЛЬЯ ЭДУАРДОВИЧ ЕГОРЫЧЕВ
кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ricci_flow@inbox.ru

НЕПОЛНОТА АКСИОМАТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ КАК ИСТИНА РЕАЛЬНОСТИ

Полнота аксиоматических теорий является желаемым свойством для целей теории познания, хотя она одновременно указывает на их относительную эпистемологическую «бедность». Рассматриваются отдельные этапы истории развития формально-логического аппарата, исследуется общая структура аксиоматических теорий, анализируются границы аксиоматизации пропозициональной логики и арифметики. Прослеживается возможная связь теорем о неполноте Курта Гёделя с теорией субъекта. Методология следует идеям современного французского философа Алена Бадью, у которого сугубо математические результаты не являются случайными, но непосредственно указывают на онтологическую структуру реальности.

Ключевые слова: доказательство, модель, непротиворечивость, полнота, истина, субъект, бесконечность

Непротиворечивостью называют свойство формальной системы, заключающееся в невозможности одновременного вывода в ней некоторого утверждения и его отрицания. В противоречивой теории доказуемо любое суждение, как истинное, так и ложное, поэтому говорят, что в такой теории «доказывается слишком многое» или что «из лжи следует все, что угодно». Отсюда вытекает еще один способ определить непротиворечивость – показать, что в теории выводимо не все.

Традиционная вера в непротиворечивость аксиом евклидовой геометрии основывалась на их истинности: коль скоро противоречащие друг другу утверждения не могут быть одновременно истинными, то верно и обратное: если аксиомы геометрии истинны, то они взаимно непротиворечивы[1]. Но что в таком случае можно сказать о неевклидовых геометриях? Являются ли они непротиворечивыми? Доказательство невыводимости пятого постулата из остальных позволяло заменить его на противоречащее ему суждение и получить эквивалентную систему аксиом. Но на интуитивном уровне они не соответствовали сложившимся представлениям о пространстве, и было сомнительно, чтобы они были истинами о чем-нибудь вообще. Такая постановка вопроса привела к возникновению важной идеи: если бы удалось найти «модель» (или, как еще говорят, интерпретацию) для абстрактного набора аксиом, в которой бы они все одновременно выполнялись, то тем самым каждая аксиома превратилась бы в истинное высказывание о данной модели. В случае с евклидовой геометрией такой моделью считалось обычное пространство. Но аксиоматические теории обладают еще и тем важным свойством, что значения терминов теории определяются структурой вхождения их в список аксиом, и ничем более. Устоявшиеся значения, связанные с тем или иным термином, безусловно, играют большую роль в понимании нами теорем – мы осознаем взаимосвязь между терминами во многом благодаря тому, что имеем дело со знакомыми словами, и именно эта интуитивно осознаваемая взаимосвязь мотивирует нас к формулировке тех или иных проблем, и тем не менее все, что не оговорено таким сугубо формальным «словоупотреблением», нерелевантно в отношении выводимых в теории следствий. Это позволяет проинтерпретировать двумерный случай эллиптической геометрии следующим образом: под тем, что в ее аксиомах называется «плоскостью», мы будем понимать поверхность, соответствующую обыкновенной евклидовой сфере. «Точкой» назовем пару противоположных точек на сфере, а «прямой линией» – окружность большого круга, также лежащую на сфере. Таким образом, каждый постулат эллиптической геометрии плоскости преобразуется в теорему евклидовой геометрии пространства. Например, тот же пятый постулат в его эллиптической версии приобретет вид: через точку на сфере невозможно провести окружность большого круга, параллельную данной. Продолжая действовать подобным образом, мы придем к заключению, что все постулаты в нашей модели выполняются и, значит, непротиворечивость эллиптической геометрии доказана. Существенным недостатком такого метода является то, что непротиворечивость одной теории доказывается в предположении непротиворечивости другой – в нашем примере это евклидова геометрия. То есть проблема, строго говоря, не решается окончательно, а перемещается в другую область. А дотошным математикам всегда хочется иметь абсолютное доказательство чего бы то ни было. Альтернативный путь, по которому имело бы смысл пойти, был предложен Дэвидом Гильбертом. Рассмотрим его подробнее.

© Егорычев И. Э., 2013

Прежде всего требуется полная формализация аксиоматической теории. Это достигается заданием алфавита теории, ее синтаксиса (строчку, удовлетворяющую заданным правилам грамматики, называют формулой теории) и конечного набора правил, по которым разрешено из формул теории образовывать другие формулы. При этом образованные «выражения» оказываются освобождены вообще от всякого смысла. Требуется рассматривать их просто как «строчки» конечной длины, состоящие из ничего не значащих и строго предписанных алфавитом «пустых» символов. Вывод теорем в такой теории – это всего лишь преобразование некоторого множества строчек, которое было нами по каким-то причинам выделено в качестве аксиом теории, в другое множество строчек. При этом нам может казаться, что символы таким образом формализованного «исчисления» все же имеют значения, а принятые в нем правила переставляют эти символы так, что те ведут себя в точности так же, как должны были бы вести себя символы с приписываемыми нами им значениями, но их «поведение» ни в коем случае не определяется этими значениями, а наоборот, возникающая иллюзия значения есть следствие производимых над ними действий.

Результатом такого выхолащивания смысла является полностью прозрачная структура многообразных отношений между элементами системы, которую мы вполне можем описывать содержательно. Например, мы можем заметить, что некоторая «строчка» является симметричной, или составлена из трех элементарных символов, или первые два символа в ней совпадают с первыми двумя символами другой строчки и т. д. Такие утверждения о бессмысленных строчках теории являются уже, во-первых, вполне осмысленными, а во-вторых, не принадлежат теории – это так называемые предложения метаязыка. И вот оказывается, что описанный нами метатеоретический взгляд на теорию дает возможность установить «абсолютно», без отсылки к другим теориям, противоречив ли набор аксиом, составляющих теорию, а также является ли всякая тавтология, выражаемая средствами языка теории, выводимой в этой теории теоремой. В тех случаях, когда удается доказать и второе свойство, говорят, что данная система не только непротиворечива, но и *полна*.

Если система противоречива, то в ней выводима любая формула (любая формула является теоремой). Но верно и обратное: если существует по крайней мере одна формула, не являющаяся теоремой системы (не выводима из ее аксиом), то такая система непротиворечива. Таким образом, задача теперь сводится к отысканию некоторой особенности в формальной структуре формул системы, которая будет удовлетворять следующим условиям: 1) данной особенностью должны обладать строчки системы, выбранные в качестве аксиом; 2) особенность должна быть «наследуемой»: ею должны обладать все строчки системы, полученные из аксиом по правилам вывода; 3) не все строчки системы, построенные по правилам синтаксиса, обладают данной особенностью.

Если мы укажем хотя бы одну формулу (правильно построенную строчку), которая не обладает такой особенностью, мы докажем непротиворечивость нашей системы, причем докажем «абсолютно». Здесь мы рассуждаем следующим образом: наследуемое свойство передается от аксиом всем теоремам. Но если какая-то формула системы тем не менее не обладает указанным свойством, то эта формула не может быть теоремой, то есть она не выводима в теории, а это и есть, как мы показали, критерий непротиворечивости теории.

Это может показаться удивительным, но свойство «быть тавтологией» удовлетворяет всем перечисленным условиям. Дело в том, что тавтологию можно определить и как такую строчку системы исчисления высказываний, которая обладает некоторым чисто структурным свойством, выделяющим ее таким образом в непересекающийся с другими класс. Используя это, удается показать, что из аксиом теории по разрешенным в ней правилам можно получать формулы вполне определенной структуры – тавтологии. И только полная формализация системы позволила, таким образом, получить столь нетривиальный и глубокий результат[2].

Итак, любая теорема классической системы исчисления высказываний является тождественно-истинной формулой. Но верно ли, что всякая тождественно-истинная формула, выражаемая на языке пропозициональной логики, доказуема, т. е. является теоремой? Или, как говорят математики, является ли классическое исчисление высказываний полным? Ответ на этот вопрос также является утвердительным[3]. Это значит, что аксиом классического пропозиционального исчисления *достаточно* для того, чтобы произвести на свет *все* логические истины, которые можно сформулировать на языке этой формальной теории. Другими словами, все, о чем можно сказать на языке теории, в ней же и доказуемо [7].

Однако пропозициональным исчислением формализуется лишь незначительная часть логики, а его языка и дедуктивного аппарата недостаточно даже для того, чтобы заниматься элементарной арифметикой. И тем не менее до недавнего времени ученые пребывали в уверенности, что в любой области математики могут быть построены формализованные системы, в которых доказываются все истины данной области. Очевидно, что Евклид таким образом подбирал свои постулаты, чтобы из них можно было вывести абсолютно все истины геометрии,

а математики еще совсем недавно верили, что аксиоматизированная теория чисел также является полной или в худшем случае может быть дополнена каким-то конечным набором аксиом. Вышедшая в свет в 1931 году работа Курта Гёделя с красноречивым названием “Über formal unentscheidbare Sätze der ‘Principia Mathematica’ und verwandter Systeme”[4] положила конец всяким надеждам на осуществимость подобных намерений. Доказанные им в этой работе теоремы о неполноте утверждали, что всякая достаточно мощная непротиворечивая формальная теория (то есть такая, в которой по крайней мере аксиоматизируется вся арифметика) необходимо содержит бесконечное число истинных высказываний, недоказуемых средствами самой теории. Более того, такая неполнота является критерием непротиворечивости! А любые попытки дополнить систему новыми аксиомами и более мощными правилами вывода обречены на неудачу, поскольку расширенная система будет обладать точно такими же дефектами. То есть даже если удастся внести в систему изменения, которые позволят доказать какое-то конкретное утверждение, недоказуемое в исходной системе, непротиворечивость и логическая состоятельность примененных правил рассуждения снова с необходимостью окажутся под вопросом.

Доказательство Гёделя существенным образом опиралось на такое свойство «достаточно мощных» систем, как способность высказываться о себе самих, то есть на своего рода «способности» системы к «рефлексии». Гениальная «геделева нумерация» позволила ему сделать *суждения о системе суждениями системы*! Поясним сказанное: высказывания теории чисел – это высказывания о целых числах, образуемых ими множествах и их свойствах, таких как делимость, порядковый тип и пр. Суждения же о том, что некоторая теорема есть строчка конечной длины или начинается с отрицания, относятся к так называемому метаязыку и к числам отношения не имеют. Мы уже пользовались таким взглядом на формальную теорию, когда говорили об «абсолютных» доказательствах, и сейчас это свойство выступает еще более наглядно. Гёделю удалось так занумеровать все возможные суждения о теории чисел, что средствами самой теории оказалось возможным показать: числа с определенными ограничениями на структуру не могут находиться в определенных отношениях с другими числами. А поскольку каждому числу соответствовало некоторое метавысказывание, то Гёдель совершенно строго доказал, что «суждение за номером G недоказуемо в теории чисел» имеет именно этот номер G. То есть оно недоказуемо именно потому, что истинно! И более того, если бы оно было доказуемо, то это одновременно указывало бы и на противоречивость теории, поскольку в ней доказывалась бы ложь![5]

Этот поначалу казавшийся сугубо техническим результат имеет поистине фундаментальное философское значение и касается непосредственным образом как границ онтологии, так и теории Субъекта, поскольку человек вне всякого сомнения – «достаточно мощная система» для того, чтобы высказываться о себе самом. Поэтому полнота аксиоматических теорий одновременно указывает и на их относительную эпистемологическую «бедность» – язык пропозиционального исчисления, дополненный всего лишь двумя кванторами и пятью аксиомами арифметики, уже существенным образом неполон. Заметим, что язык самой формальной логики с кванторами всеобщности и существования, без специальных аксиом (такие теории называются исчислением предикатов первого порядка), тем не менее является полным, что было доказано все тем же Гёделем несколькими годами раньше. Полнота же и непротиворечивость богатых содержательных теорий, как правило, доказываются в предположении непротиворечивости других, заведомо неполных, но более мощных теорий, логическая состоятельность которых остается объектом своего рода научной интуиции или веры.

Очень любопытную, подлинно философскую работу в этом смысле проделывает современный французский философ Ален Бадью [1], [3]. Бадью совершенно справедливо замечает, что еще во времена Гегеля бесконечность, строго говоря, не была известна. Точнее, существовало осознание того, что к любому числу можно прибавить еще одно и что такая процедура не останавливается, но это по сути была, как называл ее Гегель, «дурная», или «скучная», бесконечность [1; 164]. И несмотря на то что в «Науке логики» есть довольно глубокие интуиции на сей счет, Бадью настаивает, что подлинную бесконечность открыл для нас лишь Георг Кантор [4]. И действительно, во всей своей необозримости мир множеств раскрылся перед нами только после того, как Кантор доказал существование сколь угодно больших мощностей[5]. Его идея взаимно-однозначного соответствия впервые позволила строго мыслить и сравнивать бесконечные количества, ставя их во взаимно-однозначное соответствие со множеством натуральных чисел, мощность которого стала называться счетной. Но эта была та самая «дурная» бесконечность Гегеля, и первый удивительный результат Кантора состоял в том, что в математическом мире обнаружились совокупности, которые во взаимно-однозначное соответствие с натуральными числами поставить нельзя. Как вообще возможен такой объект? Среди важных результатов «наивной» теории множеств[6] был и такой: множество подмножеств любого непустого множества имеет мощность бóльшую, чем исходное множество. Но чтобы из какого-то множества начать что-то строить, неплохо бы его уже иметь. Если в случае конечных

совокупностей все болеее или менее очевидно, то вопрос о том, что такое множество подмножеств, скажем, множества натуральных чисел, уже понятно далеко не каждому… И это ровно то, на что обращает наше внимание Бадью: до Кантора мы привыкли обходиться интуицией бесконечного, сводящейся к прибавлению «еще одного», «и так далее», но таким образом мы всякий раз будем иметь что-то конечное, это в лучшем случае так называемая потенциальная бесконечность. Существование же бесконечности как актуально построенного множества целиком зависит от наших «амбиций». Давайте вдумаемся в эту мысль: в мире постулируется некое «количество», радикальное «Иное», к которому не подобраться операцией бесконечного прибавления единицы! То есть это уже даже не онтологический вопрос, а этический, если не сказать – религиозный, поскольку здесь решается, в каком мире нам предстоит отныне жить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Истинность логической эквиваленции вида $a \Rightarrow b \Leftrightarrow \neg b \Rightarrow \neg a$, вообще говоря, не является очевидной и должна доказываться. Доказательство, как правило, проводится от противного и опирается на тот факт, что импликация ложна в том и только том случае, когда ее антецедент истинен, а консеквент ложен.

[2] Следует отметить, что до недавнего времени «абсолютные» доказательства использовали математическую индукцию, т. е. аксиому теории чисел. Первое неиндуктивное доказательство было получено лишь в 2004 году. Подробнее см. [8].

[3] Этот чрезвычайно значимый результат впервые был получен Эмилем Постом. Несмотря на то что его подробная демонстрация выходит за рамки данной статьи, доказательство Поста удивительно изящно. Частично схема доказательства приводится в [7] , но мы также настоятельно рекомендуем обратиться к [6], с тем чтобы понять его полностью.

[4] «О формально неразрешимых суждениях в “Principia Mathematica” и родственных системах» (нем.).

[5] Мощность – количественная категория, «продолженная» на бесконечные множества.

[6] Так математики называют оригинальную теорию множеств Кантора за то, что в ней довольно скоро были обнаружены противоречия, от которых избавлены современные аксиоматические теории множеств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б а д ь ю А. Бытие и событие. Континуум. Нью-Йорк, 2007. 526 с.
2. Б а д ь ю А. Манифест философии: Пер. с фр. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
3. Б а д ь ю А. Логики миров. Бытие и событие 2. Континуум. Нью-Йорк, 2009. 617 с.
4. К а н т о р Г. К обоснованию учения о трансфинитных множествах // Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. 429 с.
5. К а р н а п Р. Философские основания физики. Введение в философию науки: Пер. с англ. М., 2003. 360 с.
6. М е н д е л ь с о н Э. Введение в математическую логику: Пер. с англ. М.: Наука, 1971. 320 с.
7. Н а г е л ь Э., Н ь ю м а н Дж. Доказательство Гёделя. Нью-Йорк, 2001. 129 с.
8. С к о т ч П. Введение в логику и ее философию [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=237C0361241302E10279894173B23E10?doi=10.1.1.138.4446&rep=rep1&type=pdf

---

Egorychev I. E., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

INCOMPLETENESS OF AXIOMATIC THEORIES AS TRUTH OF REALITY

The purpose of the study is to analyze consequences contained in the main thesis of the article, which consists in the following: even though for the purposes of the theory of knowledge, completeness is a desired quality of axiomatic theories, at the same time, it points at their epistemological “poverty”. And in particular, this study shows why this formal fact has crucial philosophical meaning and straightforwardly pertains both to the limits of ontology and the theory of subject. After the survey of historical development of formal deductive structures the author studies axiomatic structures themselves and analyses the limits of axiomatization of propositional logic and arithmetic. Incompleteness of the latter was established by Kurt Gedel. Possible connection between his famous incompleteness theorems and a theory of subject may be established since a man, by all means, can be construed as a “system powerful enough to speak about itself”. Methodology of this study borrows many ideas of contemporary French philosopher Alain Badiou, who thinks that mathematical results are not solely mathematical, but might point to the ontological structure of reality.

Key words: proof, model, consistency, completeness, truth, subject, infinity

REFERENCES

1. B a d ’ y u A. *Bytiye i sobytiye. Kontinuum* [Being and Event. Continuum]. N. Y., 2007. 526 p.
2. B a d ’ y u A. *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. St. Petersburg, Machina Publ., 2003. 184 p.
3. B a d ’ y u A. *Logiki mirov. Bytiye i sobytiye 2. Kontinuum* [Logics of Worlds, Being and Event 2. Continuum]. N. Y., 2009. 617 p.
4. K a n t o r G. Beiträge zur Begründung der transfiniten Mengenlehre. Gesammelte Abhandlungen und philosophischen Inhalts. [K obosnovaniyu ucheniya o transfinitnykh mnozhestvakh]. *Trudy po teorii mnozhestv*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 429 p.
5. K a r n a p R. *Filosofskiye osnovaniya fiziki. Vvedeniye v filosofiyu nauki* [Philosophical foundations of physics. An introduction to the philosophy of science]. Moscow, 2003. 360 p.
6. M e n d e l ’ s o n E. *Vvedeniye v matematicheskuyu logiku* [Introduction to mathematical logic]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 320 p.
7. N a g e l ’ E., N ’ y u m a n Dzh. *Dokazatel’stvo Gyedelya* [Godel’s Proof]. N. Y., 2001. 129 p.
8. S k o t c h P. *Vvedeniye v logiku i eye filosofiyu* [Introduction to Logic and Its Philosophy]. Available at: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download;jsessionid=237C0361241302E10279894173B23E10?doi=10.1.1.138.4446&rep=rep1&type=pdf

Поступила в редакцию 11.10.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Экономика** **2013**

УДК 336.71

СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ БЕЛОЗЁРОВ
доктор экономических наук, профессор, заместитель декана экономического факультета по научной работе, заведующий кафедрой управления рисками и страхования, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
belsa@nm.ru

ЗАЩИТА БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ

Представлены критерии классификации систем защиты банковских вкладов как инструмент их идентификации. Приведены основные параметры и принципы функционирования российской системы защиты банковских вкладов. Поставлен вопрос о рациональной оценке экономической целесообразности функционирования подобных систем. Основной вывод по результатам проведенного исследования заключается в том, что хотя целесообразность функционирования системы банковских вкладов очевидна, вопрос об ее рациональной оценке остается открытым.

Ключевые слова: организованные сбережения домашних хозяйств, банковский вклад, банковский счет, вкладчик, система страхования банковских вкладов, система защиты банковских вкладов

ВВЕДЕНИЕ

Защита банковских вкладов, обеспечение интересов вкладчиков является важным фактором, препятствующим внезапному, массовому изъятию вкладов их владельцами, а следовательно, стабильности и устойчивости национальной банковской системы. Самым простым способом, не требующим больших затрат и разработки специальных механизмов, является предоставление вкладчикам права на первоочередное удовлетворение их претензий к обанкротившемуся банку. Однако в 106 государствах действуют системы защиты банковских вкладов (всего на сегодняшний день в мире 192 полноценных государства, являющихся членами ООН, признанных остальными государствами). Такие системы выполняют две основные функции: 1) защита вкладчиков от полной потери сбережений, размещенных ими во вкладах; 2) финансовая поддержка банков, оказавшихся на грани банкротства.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ СИСТЕМ ЗАЩИТЫ БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ

Любой исследователь сталкивается с проблемой точного определения изучаемых категорий, установления границ и тенденций анализируемых процессов, идентификации функционирующих систем. Такая проблема существует и в отношении систем защиты банковских вкладов. Часто в научных публикациях понятия «банковский счет» и «банковский вклад» синонимичны; без установления взаимосвязи с двумя предыдущими используется понятие «депозит»; системы защиты банковских вкладов отождествляются с системами страхования и гарантирования банковских вкладов и т. д. Эта проблема может быть решена, в том числе и посредством классификации систем защиты.

Если в качестве критерия классификации использовать способ реализации основных функций, то следует определить три типа систем: 1) система страхования банковских вкладов; 2) система государственных мер, направленных на выход банка из кризисной ситуации; 3) смешанная система защиты. В первом случае вкладчик обанкротившегося банка получает страховое возмещение из специально созданного фонда. Во втором – реализуется комплекс активных экономических мер, позволяющих банку выйти из кризисной ситуации. Системы третьего типа включают в себя элементы двух предыдущих. Большинство действующих систем защиты вкладов относится к смешанному типу. Поэтому, с нашей точки зрения, отождествление системы страхования вкладов с системой их защиты неправомерно: первая система является подсистемой, функционирующей в границах второй.

Рациональная классификация систем страхования банковских вкладов предполагает:

1. Характер участия банков в системе. Данный критерий позволяет определить *добровольное* и *обязательное* страхование вкладов.

2. Метод правового регулирования отношений банка и вкладчика. В практике функционирования систем страхования используются два метода: *императивный* и *диспозитивный (договорной).* При императивной системе процедуры страхования депозитов и банкротства банков определены и реализуются в законодательном порядке, отношения банков и вкладчиков четко регламентированы. Диспозитивный метод предполагает регламентацию только процедуры заключения договора между банком и вкладчиком, условия договора могут быть различными. Государство вмешивается в отношения сторон по договору только в том случае, если они не пришли к согласию самостоятельно.

© Белозёров С. А., 2013

3. Банки предлагают своим клиентам различные вклады [1], [2; 111–121]. Использование в качестве критерия категории страхуемых вкладов позволяет определить *полную, ограниченную* или *дискреционную* системы. В том случае если страхуются все категории привлекаемых банками вкладов, речь идет о *полной* системе. При *ограниченной* системе осуществляется страховая защита депозитов физических лиц. *Дискреционная* система в период стабильного экономического развития действует как ограниченная, а в период кризиса банковской системы перечень попадающих под защиту вкладов расширяется.

4. Тип учредителя системы. Системы страхования могут быть *государственными*, *частными* и *смешанными*. Государственную систему учреждают органы государственной власти; учредителями частных систем являются коммерческие структуры; смешанных – государство и коммерческие структуры совместно.

5. Способ определения ставки банковских взносов в страховой фонд. Ставка может быть *фиксированной* – все банки делают взносы в фонд по единой ставке; *дифференцированной* – в зависимости, например, от суммы застрахованных вкладов. Может быть установлена также шкала ставок, величина которых определяется для каждого банка индивидуально в зависимости от выполнения нормативов Центрального банка России (ЦБ) или других показателей.

6. Уровень самостоятельности системы. Система может быть *самостоятельной* или *гарантированной* – иметь гарантию, например, со стороны ЦБ, который при недостаточном размере фонда для обеспечения интересов вкладчиков откроет системе кредитную линию.

Системы защиты банковских вкладов имеют национальные особенности [2; 121–132], [3]. Различают две основные модели организации систем защиты банковских вкладов: американскую и германскую. Первая предполагает создание государственной структуры. Участие банков в системе обязательно. Финансирование системы осуществляется банками и государством. Американский вариант взяли за основу при создании систем Канада, Великобритания, Япония. Государственное финансирование в рамках германской модели минимально, так как системой страхования вкладов управляют ассоциации банков. Участие банков в системе добровольное. Такими системами пользуются во Франции, Нидерландах и некоторых других странах.

РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА СТРАХОВАНИЯ БАНКОВСКИХ ВКЛАДОВ

Российская система страхования банковских вкладов (Система) начала формироваться с 1 января 2004 года в соответствии с ФЗ от 3 декабря 2003 года № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках РФ» [5]. Система была создана для того, чтобы обеспечить достижение трех взаимосвязанных целей: 1) защита прав и законных интересов вкладчиков банков; 2) укрепление доверия к банковской системе РФ; 3) стимулирование привлечения сбережений населения в банковскую систему. Задачи по реализации указанных целей решает Агентство по страхованию вкладов (Агентство), которое является государственной корпорацией со статусом некоммерческой организации. Высший орган управления Агентства – совет директоров. В него входят 13 членов: 7 представителей Правительства РФ, 5 представителей ЦБ России и генеральный директор Агентства. В правление Агентства входят 8 человек.

В РФ подлежат страхованию денежные средства в рублях или иностранной валюте, размещаемые физическими лицами или в их пользу в банке на территории РФ на основании договора банковского вклада или договора банковского счета, включая капитализированные (причисленные) проценты на сумму вклада. Отметим, что в научной литературе пока не существует единого мнения по поводу того, что же «именно является объектом страхования вкладов – риск утраты вклада как имущества, принадлежащего гражданину, или риск ответственности банка за неисполнение договора банковского вклада» [6]. Не подлежат страхованию: 1) вклады физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица; 2) вклады на предъявителя (в том числе удостоверенные сберегательным сертификатом или сберегательной книжкой на предъявителя); 3) денежные средства, переданные физическими лицами банкам в доверительное управление; 4) вклады в филиалах российских банков, находящихся за пределами РФ; 5) электронные денежные средства.

Участие банков в системе страхования вкладов является обязательным. Вклады физических лиц могут привлекать только банки, имеющие соответствующую лицензию ЦБ и участвующие в системе обязательного страхования вкладов физических лиц в банках. Согласно закону, банк, отказавшийся от участия в системе страхования вкладов или не соответствующий требованиям[1] [7], лишается права на привлечение во вклады денежных средств физических лиц.

Страховым случаем признается или отзыв лицензии на осуществление банковских операций, или введение ЦБ моратория на удовлетворение требований кредиторов. Предельный размер страхового возмещения по вкладам с 1 октября 2008 года установлен в размере полной суммы вклада в банке, в отношении которого наступил страховой случай, но не более 700 тыс. руб.[2] Если вкладчик открыл несколько вкладов в одном банке, общая сумма которых превышает предельную сумму компенсации, то возмещение выплачива-

ется по каждому из вкладов пропорционально их размерам. Если страховой случай наступил сразу в отношении нескольких банков, в которых вкладчик имеет вклады, то размер страхового возмещения исчисляется в отношении каждого банка отдельно в пределах установленной суммы (т. е. остатки во вкладах не суммируются). Если величина претензий вкладчика к банку, в отношении которого наступил страховой случай, превышает полученное им возмещение по вкладу, то он сохраняет право требования к данному банку на сумму, определяемую как разница между размером его требований и суммой уже выплаченного ему возмещения. Согласно ст. 64 Гражданского кодекса РФ, в случае ликвидации банка в первую очередь удовлетворяются требования физических лиц, являющихся его кредиторами (по заключенным договорам банковского вклада и (или) договорам банковского счета).

Выплата возмещения производится Агентством из средств Фонда страхования вкладов в рублях в течение трех дней со дня предъявления вкладчиком соответствующих документов. Выплата может осуществляться как наличными, так и путем безналичного перечисления на счет в банке, указанный вкладчиком. Для этого могут использоваться банки-агенты, определяемые Агентством на конкурсной основе и действующие от его имени и за его счет. К Агентству, выплатившему возмещение по вкладам, переходит в пределах выплаченной суммы право требования, имевшееся у вкладчика к банку, в отношении которого наступил страховой случай. Фонд страхования вкладов формируется из: 1) первоначального имущественного взноса РФ в размере 3 млрд руб.; 2) страховых взносов банков, уплачиваемых ежеквартально по ставке 0,1 % от расчетной базы (она определяется как средняя хронологическая ежедневных балансовых остатков на счетах по учету страхуемых вкладов); 3) пеней за несвоевременную и (или) неполную уплату страховых взносов; 4) доходов от размещения временно свободных денежных средств фонда и др. Временно свободные денежные средства фонда обязательного страхования вкладов могут быть размещены: 1) в государственные ценные бумаги РФ и субъектов РФ; 2) в депозиты и ценные бумаги ЦБ; 3) в облигации и акции российских эмитентов, а также в российские ипотечные ценные бумаги; 4) в паи (акции, доли) индексных инвестиционных фондов, размещающих денежные средства в зарубежные государственные ценные бумаги, облигации и акции иных иностранных эмитентов; 5) в ценные бумаги экономически развитых иностранных государств и др.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРЫ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ВЫХОД БАНКА ИЗ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ

В 2004 году в ФЗ РФ от 25 февраля 1999 года № 40-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» были введены нормы, позволяющие Агентству участвовать в процедуре ликвидации банков-банкротов [8]. В период финансового кризиса был принят ФЗ РФ от 27 октября 2008 года № 175-ФЗ «О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2011 года»[3] [9]. Агентство по страхованию вкладов получило право принимать меры по предупреждению банкротства банков (до отзыва у банка лицензии и по согласованию с Банком России): 1) оказать финансовую помощь инвесторам, готовым приобрести преобладающую долю в уставном капитале такого банка; 2) временно выкупить преобладающую долю в уставном капитале для ее перепродажи; 3) передать третьим лицам обязательства банка; 4) исполнять функции временной администрации банка.

В настоящее время в России в целом сформировалась и развивается смешанная система защиты вкладов.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ВКЛАДОВ

Система защиты банковских вкладов существует в России практически десять лет. Об экономической целесообразности ее организации и функционирования говорит ряд показателей.

С учетом того, что по состоянию на 17 апреля 2013 года на территории РФ зарегистрировано 1095 кредитных организаций [10], деятельность Агентства по страхованию вкладов характеризуют данные, приведенные в таблице.

Показатели деятельности Агентства по страхованию вкладов (по состоянию на 1 апреля 2013 года) [11]

№	Наименование показателя	Значение показателя
1	Количество банков – участников системы	891
2	Объем фонда обязательного страхования вкладов	217 млрд руб.
3	Количество страховых случаев с момента создания системы страхования вкладов	131
4	Размер страховой ответственности Агентства по банкам, в отношении которых наступил страховой случай	77 млрд руб.
5	Количество вкладчиков, имеющих право на страховое возмещение в банках, в отношении которых наступил страховой случай	1 342,1 тыс. чел.
6	Количество вкладчиков, получивших страховое возмещение	414,6 тыс. вкладчиков
7	Размер страхового возмещения, полученного вкладчиками	75,8 млрд руб.

Некоторые показатели (рис. 1) также говорят о положительных результатах деятельности Агентства [11].

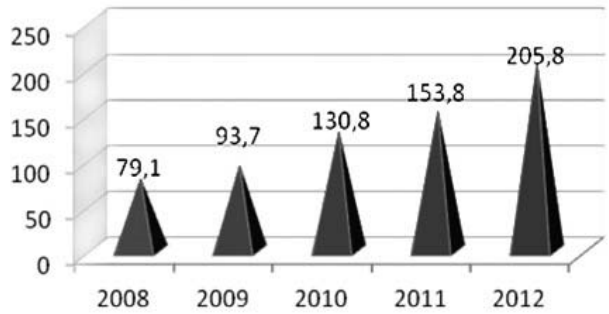


Рис. 1. Объем фонда страхования (млрд руб.)

Объем фонда страхования вкладов поступательно увеличивается. За пять лет он вырос на 126,7 млрд руб., фактически на 160,2 %. Фонда, сформированного в таком объеме, достаточно для обеспечения страховых выплат, динамика которых представлена ниже (рис. 2). Такое соотношение, на наш взгляд, говорит о стабильности системы страхования вкладов.

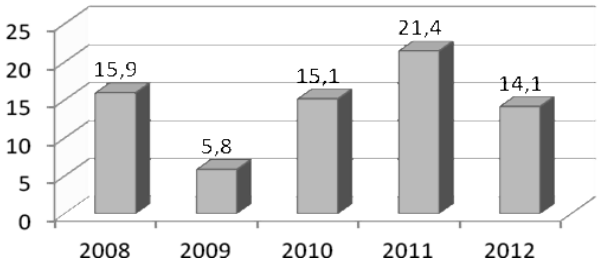


Рис. 2. Объем ответственности по наступившим за год страховым случаям (млрд руб.)

Говоря об экономической целесообразности создания системы защиты банковских вкладов, необходимо сопоставить приведенные данные с показателями, характеризующими величину сбережений домашних хозяйств или хотя бы величину организованных сбережений домашних хозяйств в части остатков на счетах по вкладам населения в банках, играющих важную роль в реализации инвестиционной функции. Остатки на счетах по вкладам населения с 2004 по 2012 год показали положительную динамику, увеличившись с 1559 до 11 849 млрд руб. – более чем в 7,5 раза [11]. Но, возможно, на рост организованных сбережений повлияла не система защиты вкладов, а такие факторы, как рост доходов населения или ставок по привлекаемым банками вкладам (в январе 2012 года рост процентных ставок по вкладам и низкая инфляция привели к тому, что вклады физических лиц приобрели положительную доходность). Как объяснить, например, такой факт, что в марте – декабре 2012 года на рынке активизировались продажи сберегательных сертификатов на предъявителя, не попадающих под страховую защиту. За год их объем вырос в 20 раз (на 216 млрд руб.), составив 9,1 % всего годового прироста вкладов.

Оставляют открытым вопрос об экономической целесообразности системы защиты банковских вкладов и данные социологического опроса, который в феврале – марте 2010 года организовало Агентство для оценки текущего инвестиционного поведения населения под влиянием действия системы страхования вкладов[4]. Результаты опроса позволяют охарактеризовать ситуацию в сфере сберегательного поведения населения как стабильную. Несмотря на кризис, благосостояние населения в целом не ухудшилось. Количество вкладчиков увеличилось и составляет 40 % взрослого населения страны (или в абсолютном выражении[5] около 45 млн чел.), объем и сроки вкладов населения возросли. Доля лиц, имеющих денежные накопления, с 2008 по 2010 год не уменьшилась и составила 28 %.

Гарантом стабильности банковской системы население видит государство. Информированность населения о наличии системы страхования вкладов незначительно возросла: с системой страхования вкладов знакомо 49 % (в 2007 году – 38 %). Это максимальный показатель информированности населения за пять лет. 16 % респондентов в общих чертах знакомо с правилами и принципами функционирования системы страхования (против 12 % в 2007 году). Система страхования вкладов оказала влияние на инвестиционное поведение 8 % россиян (в 2006 и 2007 годах – 15 %). Снижение этого показателя объясняется тем, что с течением времени знание о системе становится «фоновым»: воздействие системы страхования вкладов проявилось в отказе 3 % россиян (или 12 % вкладчиков) изымать деньги из банков в период кризиса.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Устойчивость банков оценивается на основании количественных (оценка капитала, активов, доходности и ликвидности) и качественных (прозрачность структуры собственности, организация системы управления, службы внутреннего контроля) показателей. Участвовать в системе страхования вкладов банк может в том случае, если по каждой из групп показателей его итоговый результат меньше или равен 2,3 балла.

[2] В ближайшее время в Госдуму будет внесен проект закона, в соответствии с которым страховое возмещение по вкладам увеличится с 700 тыс. до 1 млн руб. Были предложены два проекта. Проект Минфина предполагает привязку отчислений в фонд страхования вкладов (ФСВ) к размеру ставок банка по депозитам физических лиц. Если банк предлагает ставки, превышающие среднее арифметическое максимальных ставок банков, на которые приходится две трети вкладов, на 2 %, то его взносы в ФСВ увеличиваются на 40 % – до 0,14 % от квартального объема средств физических лиц на счетах; если на 3 % и более – на 200 %, до 0,3 %. Против такого подхода выступили Федеральная антимонопольная служба (ФАС), а также Государственно-правовое и Экспертное управления Президента РФ. По их мнению, такой вариант ставит банки в неравное положение и может привести к ограничению конкуренции. Проект Агентства страхования вкладов (АСВ) предлагает более либеральный подход к дифференциации ставок. Агентство планирует проводить дифференциацию взносов не на основе ставок по депозитам, а на основании показателей, которые ЦБ применяет для оценки финансовой

устойчивости банка для участия в системе страхования вкладов. Согласно проекту, базовая ставка отчислений в ФСВ сохраняется на уровне 0,1 % от квартального объема средств граждан. При этом АСВ должно ежеквартально рассчитывать величину надбавки к базовой ставке для каждого участника Агентства и сообщать ее банку. Ее размер, согласно проекту, не может превышать 150 %. Величина надбавки зависит от финансовой устойчивости банка, рассчитанной согласно 1379-У. При показателе финансовой устойчивости, равном 1, надбавка к базовой ставке равна 0. При превышении максимального показателя (2,3 балла) надбавка составит 150 %, а ставка отчисления в ФСВ – 0,25 %. В Госдуму будет внесен вариант Минфина. Основной аргумент Правительства РФ: подход Минфина снимает риски безответственного поведения банков, завлекающих вкладчиков, недостаточно взвешенно оценивающих свои риски, высокими ставками.

[3] В редакции от 3 декабря 2011 года действие закона продлено до 31 декабря 2014 года.

[4] В опросе приняли участие 1600 чел. в возрасте от 18 лет. Опрос проводился по репрезентативной общероссийской выборке с учетом квот по полу и возрасту, согласно данным Росстата, в 153 населенных пунктах 46 областей, краев и республик РФ. Метод исследования – индивидуальное интервью.

[5] Численность взрослого дееспособного населения страны составляет около 110 млн чел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белозёров С. А. Сбережения частных лиц на счетах в коммерческих банках // Вестник СПб ун-та. Сер. 5. Экономика. Вып. 2. 2001. С. 99–107.
2. Белозеров С. А., Мотовилов О. В. Банковское дело. М.: Проспект, 2012.
3. Белозёров С. А. Зарубежный опыт страхования банковских вкладов // Ученые записки. Институт управления и экономики. 2002. № 5. С. 95–103.
4. Вешкин Ю. Г., Аганян Г. Л. Банковские системы зарубежных стран. М.: Экономистъ, 2004.
5. «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». ФЗ РФ от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ.
6. Семенова В. И. О месте страхования вкладов в системе страховых обязательств // Деньги и кредит. 2011. № 12. С. 44–46.
7. «Об оценке финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов». Указание ЦБ России от 16 января 2004 года № 1379-У.
8. «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций». ФЗ РФ от 25 февраля 1999 года № 40-ФЗ.
9. «О дополнительных мерах для укрепления стабильности банковской системы в период до 31 декабря 2014 года». ФЗ РФ от 27 октября 2008 года (ред. от 3декабря 2011 года) № 175-ФЗ.
10. http://www.cbr.ru – официальный сайт ЦБ России.
11. http://www.asv.org.ru – официальный сайт государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов».

Belozerov S. A., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

BANK DEPOSITS' PROTECTION

The article presents classification criteria of the bank deposits' security systems as a way of their identification. The main operational characteristics and principles of the Russian bank deposits' security system are specified. The author raises a question of effective evaluation of the economic practicability of such systems on the example of the Russian bank system of deposits' protection.

Key words: organized household savings, bank deposit, bank account, depositor, bank deposit insurance system, bank deposit security system

REFERENCES

1. Belozerov S. A. Private Individual Savings on Commercial Bank Accounts [Sberezheniya chastnykh lits na schetakh v kommercheskikh bankakh]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5. Ekonomika* [Bulletin of Saint-Petersburg University. Series 5. Economics]. Vol. 2. 2001. P. 99–107.
2. Belozerov S. A., Motovilov O. V. *Bankovskoe delo* [Banking]. Moscow, Prospekt Publ., 2012.
3. Belozerov S. A. Foreign experience of the bank deposit insurance [Zarubezhnyi opyt strahovaniya bankovskikh vkladov]. *Uchenye zapiski Instituta upravleniya i ekonomiki* [*Academic Proceedings of Institute of Management and Economics*]. 2002. №. 5. P. 95–103.
4. Veshkin Yu. G., Aganyan G. L. *Bankovskie sistemy zarubezhnykh stran* [The banking systems of the foreign countries]. Moscow: Ekonomist Publ., 2004.
5. *"O strakhovanii vkladov fizicheskikh lits v bankakh Rossiyskoy Federatsii". FZ RF ot 23 dekabrya 2003 goda № 177-FZ* ["On Individual Person Deposit Insurance at the Banks in the Russian Federation". The Federal Law of the Russian Federation. No. 177-FZ of December 23rd, 2003].
6. Semenova V. I. On the Issue of the Place of the Deposit Insurance in the Insurance Commitment System [O meste strakhovaniya vkladov v sisteme strakhovykh obyazatel'stv]. *Den'gi i kredit* [Money and Credit]. 2011. №. 12. P. 44–46.
7. *"Ob otsenke finansovoy ustoychivosti banka v tselyakh priznaniya ee dostatochnoy dlya uchastiya v sisteme strakhovaniya vkladov". Ukhazaniye Tsentral'nogo banka Rossii ot 16 yanvarya 2004 goda № 1379-U* ["On Bank Financial Stability Identified as Sufficient to Participate in Deposit Insurance System". Note the Central Bank of the Russian Federation. No. 1379-U of January 16th, 2004].
8. *"O nesostoyatel'nosti (bankrotstve) kreditnykh organizatsiy". FZ RF ot 25 fevralya 1999 goda № 40-FZ* ["On Credit Institutions Insolvency (Bankruptcy)". The Federal Law of the Russian Federation. No. 40-FZ of February 25th, 1999].
9. *"O dopolnitel'nykh merakh dlya ukrepleniya stabil'nosti bankovskoy sistemy v period do 31 dekabrya 2014 goda". FZ RF ot 27 oktyabrya 2008 goda (red. ot 3 dekabrya 2011 goda) № 175-FZ* ["On the Additional Arrangements for the Banking System Stability Increase in the Period till December 31st, 2014". The Federal Law of the Russian Federation. No. 175-FZ of October 27th, 2008 (the version of December 3rd, 2011)].
10. Available at: http://www.cbr.ru
11. Available at: http://www.asv.org.ru

Поступила в редакцию 01.05.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Экономика** **2013**

УДК 658:331.215:331.106.6

ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА КРАСНОПЕВЦЕВА
кандидат экономических наук, доцент кафедры торгового дела и управления производством Института финансов, экономики и управления, Тольяттинский государственный университет (Тольятти, Российская Федерация)
i.krasnopevtseva@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ МАТЕРИАЛЬНОГО СТИМУЛИРОВАНИЯ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА РАБОЧИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Обоснована необходимость усиления стимулирования роста производительности труда в современных условиях промышленного производства. Определены факторы, влияющие на формирование уровня заработной платы на отечественных промышленных предприятиях. Проведены международные сравнения стоимости труда наемных работников Российской Федерации (РФ) и уровня покупательной способности их заработной платы. Раскрыты проблемы материального стимулирования труда на российских промышленных предприятиях. Определены основные направления повышения стимулирующего воздействия заработной платы на трудовую активность наемных работников.

Ключевые слова: заработная плата, наемные работники, минимальный размер оплаты труда, прожиточный минимум, производительность труда, квалификация работника, тарифные ставки

Ведущим мотивом эффективной трудовой деятельности наемного работника всегда будет справедливое вознаграждение за труд. При этом основным законным источником вознаграждения за труд и его конечным результатом является заработная плата, которая в условиях развитого потребительского рынка выступает основным элементом обеспечения достойного уровня жизни.

В РФ только около 8 % занятого населения приходится на лиц, работающих не по найму (работодатели и самостоятельно занятые работники), поэтому в структуре денежных доходов населения основное место принадлежит заработной плате наемных работников.

Статистические данные [11], [12] показывают, что доля оплаты труда в денежных доходах населения в течение последних 10 лет оставалась примерно на одинаковом уровне, в пределах 63,9–68,4 %. При этом социальные выплаты в доходах населения составляли 18–20 %, доходы от бизнеса – 8–9 %, доходы от собственности – 4–5 %. Поэтому можно сделать вывод, что и в условиях рыночных отношений основным источником доходов для российского населения остается заработная плата и ее роль в воспроизводстве рабочей силы достаточно велика.

Однако удельный вес оплаты труда наемных работников в валовом внутреннем продукте РФ как не превышал 50 % в начале 2000-х годов, так и не превышает данный показатель сегодня. В экономически же развитых странах (США, Япония, страны Европейского экономического сообщества (ЕЭС)) удельный вес оплаты труда в ВВП устойчиво держится на уровне выше 75–80 % [1]. Из этого следует, что уровень оплаты труда, определяемый рыночной стоимостью рабочей силы, в российской экономике имеет низкую долю в производимой добавленной стоимости и слабо выполняет свою стимулирующую функцию. Но существует и другая серьезная проблема: в массовом сознании работников отечественных промышленных предприятий мотивы материальной выгоды не всегда связаны с мотивами производительного труда.

Вопросу повышения производительности труда с помощью применения эффективных систем материального стимулирования посвящены многие научные работы отечественных и зарубежных экономистов. Большой вклад в развитие теории и практики материального стимулирования труда на отечественных промышленных предприятиях внесли такие российские ученые, как Н. А. Волгин, Б. М. Генкин, Б. Г. Мазманова, Ю. Г. Одегов, А. И. Рофе, Г. Э. Слезингер, С. В. Шекшня, Р. А. Яковлев и др. Однако проблема активизации трудового поведения работников отечественных промышленных предприятий на протяжении многих лет остается одной из самых сложных проблем управления персоналом.

Исключительную важность стимулирования роста производительности труда в современных условиях промышленного производства предопределяют следующие причины.

1. В стране резко обострилась проблема трудовых ресурсов. Прогнозные данные о динамике численности населения [10] показывают, что с 2007 года наряду с долговременным и ежегодным снижением общей численности населения страны и его старением будет стремительно сокращаться численность трудоспособного населения, более чем на 1 млн человек в год (рис. 1).

Сокращение численности трудоспособного населения грозит возникновением дефицита

© Краснопевцева И. В., 2013

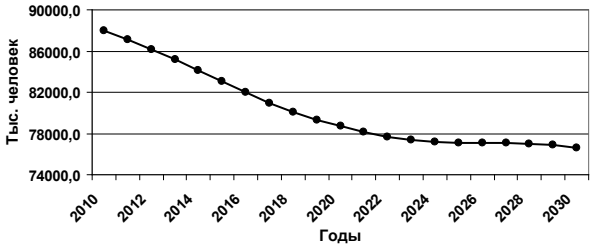


Рис. 1. Среднегодовая численность населения РФ в трудоспособном возрасте (прогноз до 2030 года)

предложения рабочих рук, особенно в отраслях материального производства.

2. В последние годы темпы роста заработной платы, несмотря на ее невысокий уровень в стране, во многих отраслях производства стали опережать темпы роста производительности труда [14] (рис. 2).

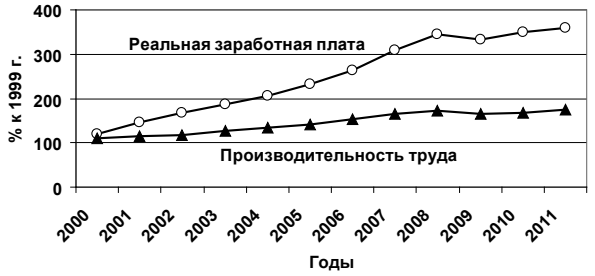


Рис. 2. Динамика темпов роста реальной заработной платы и производительности труда в экономике РФ

Разрыв в темпах роста производительности труда и заработной платы в пользу последней приводит к росту издержек производства на рабочую силу, снижению рентабельности произведенной продукции и валовой прибыли экономики, отрицательно сказывается на конкурентоспособности российских предприятий [4].

3. Огромная важность стимулирования роста производительности труда в нашей стране вытекает и из сравнения с другими странами [13] (см. таблицу).

4. Необходимость усиления стимулирования производительности труда на промышленных предприятиях определяется наличием огромных резервов ее повышения, которые никогда полностью не использовались.

Важная роль в организации заработной платы принадлежит государству. Государство устанавливает минимальный размер оплаты труда (МРОТ), обозначающий нижнюю границу цены рабочей силы, который должен быть достаточным для удовлетворения самых необходимых потребностей работника.

В международном праве вопрос установления минимальной заработной платы впервые был рассмотрен в 1928 году Международной организацией труда (МОТ). Введение минимального уровня заработной платы было необходимо для противодействия недобросовестной конкуренции, когда снижение расходов на оплату труда ведет к снижению себестоимости продукции, и для устранения чрезмерной эксплуатации работающих. Конвенцией МОТ было рекомендовано положить в основу расчета минимума оплаты труда самые необходимые потребности работника и его семьи, общий уровень заработной платы в стране, уровень и темпы роста национального дохода, уровень занятости населения и платежеспособный баланс [5].

ВВП на душу населения (долл. США)

Страна	ВВП на душу населения
Россия	11 861
Австрия	34 108
Бельгия	32 077
Германия	30 496
Греция	25 520
Дания	33 626
Ирландия	38 058
Исландия	35 630
Испания	27 270
Италия	27 750
Люксембург	70 014
Нидерланды	34 724
Норвегия	47 551
Португалия	20 006
Великобритания	31 580
Финляндия	30 469
Франция	29 644
Чехия	20 281
Швейцария	35 520
Швеция	31 995

В странах ЕЭС прожиточный минимум для трудоспособного населения служит нижней границей минимальной заработной платы, что определяется законодательством этих стран [2].

В РФ минимальная заработная плата гораздо меньше величины прожиточного минимума и ее размер никак не соответствует требованиям, заложенным в рекомендациях международного права. Сравнение динамики МРОТ и прожиточного минимума в РФ наглядно демонстрирует рис. 3.

Статистические данные [16] показывают, что разрыв между величиной прожиточного ми-

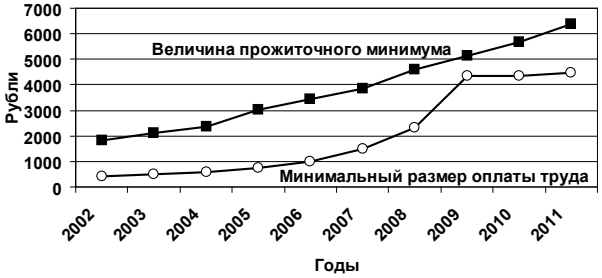


Рис. 3. Динамика величины прожиточного минимума и МРОТ в РФ

нимума и минимальной заработной платой до 2009 года постоянно увеличивался. В 2009 году уровень минимальной заработной платы был поднят на 188,26 % и она существенно приблизилась к уровню прожиточного минимума. В последующие годы разрыв между уровнями прожиточного минимума и минимальной заработной платой снова стал возрастать.

В 2012 году МРОТ составлял всего две трети от прожиточного минимума. С 1 января 2013 года МРОТ в России увеличен на 12,9 % и теперь составляет 5205 руб. в месяц. Прожиточный же минимум равен 6913 руб., что на 24,7 % больше, чем новый уровень МРОТ. В связи с этим профильный комитет по социальной политике Совета Федерации считает, что новый МРОТ не соответствует требованиям Трудового кодекса РФ [18], согласно которому минимальный размер оплаты труда не может быть ниже величины прожиточного минимума для трудоспособного населения (ст. 133). Однако эта норма в России не работает [9].

Таким образом, существующий в РФ уровень минимальной заработной платы не выполняет своей главной функции – обеспечения приемлемого жизненного уровня работающих по найму. Он не стимулирует стремления работников к эффективному труду, способствует сохранению низкого уровня его производительности.

Несмотря на то что размер минимальной заработной платы фактически не лежит в основе формирования размера часовой тарифной ставки первого разряда рабочих промышленных предприятий, низкий уровень МРОТ позволяет российским работодателям занижать оценку трудового вклада наемных работников, серьезно ограничивая рост их доходов.

Академиком Д. С. Львовым в работе «Экономика развития» [6] были представлены статистические данные международных сравнений средней почасовой заработной платы в промышленности разных стран. Согласно приведенным в работе данным, РФ по уровню средней почасовой заработной платы в промышленности оказалась на 14-м месте. В первую десятку вошли страны ЕЭС, США и Япония. При этом самый высокий уровень средней почасовой заработной платы был отмечен в промышленности Германии и Швейцарии. США в этом рейтинге заняли 3-е место, Япония – только 8-е, после стран Европы и Канады. Более высокий, чем в РФ, уровень средней почасовой заработной платы имеет место в промышленности таких стран, как Гонконг, Тайвань, Южная Корея и Мексика.

В РФ еще достаточно высока численность наемных работников, имеющих заработную плату ниже величины прожиточного минимума (рис. 4).

Статистические данные [16] показывают, что в рассматриваемых субъектах Федерации самая

Рис. 4. Численность наемных работников, имеющих заработную плату ниже величины прожиточного минимума

высокая численность наемных работников, имеющих заработную плату ниже величины прожиточного минимума, в 2005–2009 годах была в Поволжском федеральном округе. В 2009 году во всех трех рассматриваемых субъектах численность таких работников значительно снизилась в связи с тем, что уровень минимальной заработной платы был поднят на 188,26 %. В последующие годы численность работников, имеющих заработную плату ниже величины прожиточного минимума, снова стала увеличиваться. Наиболее интенсивно она увеличивалась в Поволжском федеральном округе.

На заработную плату, более низкую, чем в экономически развитых странах, российский работник покупает необходимые для жизни продукты и товары, цены на которые немногим ниже, чем в экономически развитых странах. Это и предопределяет более низкую покупательную способность заработной платы российских работников.

Проведенные исследователями международные сравнения стоимости рабочего времени показали, что российскому наемному работнику нужно отработать гораздо большее количество времени для приобретения необходимого повседневного товара, чем наемному работнику других стран. К примеру, чтобы заработать деньги на покупку 1 кг говядины, рабочему в Австрии требуется отработать немногим более 27 мин, в Венгрии и Хорватии – около 2 и 2,5 ч соответственно, в РФ – более 11 ч [6].

Низкая заработная плата влечет за собой сокращение потребительских расходов. Однако потребление и производство товаров неразрывно связаны между собой, и сокращение потребительского спроса населения влечет за собой вынужденное сокращение объемов производства. На неизбежное сокращение объемов производства промышленные предприятия обычно отвечают снижением зарплат и увольнениями работников. Все это приводит к снижению темпов роста внутреннего рынка и сокращению розничного товарооборота, что отрицательно сказывается на эффективности функционирования всей российской экономики.

В экономически развитых странах главным фактором экономического роста служит именно

увеличение потребительских расходов. В этих странах учитывается, что рост спроса на конечные продукты потребления увеличивает спрос на средства производства, повышая тем самым стимулы предприятий к внедрению более высокопроизводительного оборудования, росту производительности труда и улучшению качественных характеристик выпускаемых товаров.

Когда международные сравнения имеют целью показать, насколько население в одной стране живет лучше, чем в другой, показывают в первую очередь уровень потребления мяса и мясных продуктов.

Статистические данные о социальном положении и уровне жизни населения России [15], [16] показывают, что потребление мяса и мясных продуктов в нашей стране значительно меньше, чем в США и странах ЕЭС, что еще раз доказывает низкую покупательную способность заработной платы российских работников. Меньшее, чем в России, потребление мяса и мясных продуктов отмечено на Украине, что связано со сложной экономической обстановкой в этой стране.

Необходимость справедливого распределения трудового дохода и стимулирующий характер заработной платы отмечали еще К. Маркс в работе «Критика Готской программы» [7] и А. Маршалл в работе «Принципы экономической науки» [8]. В отечественной научной литературе заработная плата всегда рассматривалась как наиважнейший фактор стимулирования активности трудовой деятельности работников. И наконец, Трудовой кодекс РФ, определяя экономическое содержание категории «заработная плата», подчеркивает ее компенсационный и, главное, стимулирующий характер [18].

Однако, как показывает государственная статистика [17], основная часть трудоспособного населения РФ (52,4 %), а также 52,8 % работников обрабатывающих производств, по данным выборочных обследований, проведенных в 2011 году, получают заработную плату в размере от одного до трех прожиточных минимумов. При таком уровне заработной платы говорить о ее стимулирующем характере достаточно сложно.

Согласно ст. 129 Трудового кодекса [18], заработная плата имеет три составляющие:

1) вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, которое определяется тарифной частью заработной платы;

2) компенсационные выплаты (доплаты и надбавки компенсационного характера за работу во вредных и тяжелых условиях труда);

3) стимулирующие выплаты (доплаты и надбавки стимулирующего характера).

В научной литературе имеются различные подходы к формированию структуры заработной платы рабочих промышленных предприятий. Одни ученые считают, что размер заработка рабочего должен определяться в первую очередь переменными стимулирующими выплатами, зависящими от конечных результатов работы, причем совершенно неважно, какая у рабочего квалификация. По мнению других ученых, размер заработка рабочего должен определяться в первую очередь его тарифной частью, которая зависит от квалификации, благодаря которой работник может выполнять работу высокой сложности и качества. И с этим следует согласиться, поскольку перевыполнение производственных заданий рабочим низкой квалификации дает продукцию соответствующего качества, и если у рабочего отсутствуют необходимые навыки и умения, стимулирующие доплаты и надбавки качество продукции не изменят.

Усиление заинтересованности рабочих в повышении квалификации, выполнении сложных и ответственных работ, по нашему мнению, должно строиться на том, что размер тарифной составляющей заработной платы должен возрастать от разряда к разряду значительно, чувствительно для рабочего, что позволит устранить элементы уравнительности между заработной платой рабочих смежных разрядов. Только такое условие может побуждать работников повышать свою квалификацию, стремиться к росту профессионализма, выполнять сложную и ответственную работу, соблюдать культуру производства, осваивать смежные профессии.

В настоящее время на многих промышленных предприятиях надтарифная часть заработной платы значительно превышает тарифную. Например, в структуре заработной платы производственных рабочих ОАО «АВТОВАЗ» оплата по тарифу составляет только 46 % (для справки, в 2001 году она была равна 38,5 %). При этом около 45 % заработной платы приходится на различные стимулирующие доплаты, предусмотренные системой поощрения производственных рабочих. Основным недостатком такой системы является то, что любая поощрительная доплата всегда несет в себе элементы субъективизма со стороны работодателя или того, кто эти доплаты определяет. Поэтому наибольший процент в структуре заработной платы должна занимать тарифная составляющая, дающая работнику серьезный стимул к повышению квалификационного уровня.

По мнению исследователей [3], основными проблемами стимулирования труда на российских промышленных предприятиях являются:

1) недостаточная гибкость механизма формирования оплаты труда, не позволяющая оперативно реагировать на изменения в эффективности и качестве труда отдельного работника;

2) отсутствие оценки или необъективная оценка трудовых показателей работника;

3) негативное отношение работников предприятия к размеру оплаты их труда и к существующей на предприятии системе оплаты труда.

Одним из эффективных направлений перестройки организации заработной платы на промышленных предприятиях, особенно на предприятиях обрабатывающих производств, должно являться повышение существующего на сегодняшний день размера тарифных ставок. Это обеспечит рост престижности работы на промышленных предприятиях, повышение заинтересованности работников в результатах труда и возможность более эффективного регулирования уровня заработной платы в зависимости от способностей рабочего, его опыта, знаний и производственных навыков.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. В условиях рыночных отношений основным источником доходов для российского населения остается заработная плата и ее роль в воспроизводстве рабочей силы достаточно велика.

2. Материальное стимулирование рабочих промышленных предприятий является важнейшим элементом стратегии роста производительности труда в российской экономике.

3. Низкий уровень минимального размера оплаты труда позволяет российским работодателям занижать оценку трудового вклада наемных работников, серьезно ограничивая рост их доходов, в связи с чем оплата труда не выполняет свою стимулирующую функцию.

4. Низкая заработная плата наемных работников отрицательно влияет на развитие экономики страны, сокращая спрос на высококачественную наукоемкую продукцию, так как при дешевой рабочей силе отпадает необходимость в техническом перевооружении и использовании новой техники и технологии.

5. Действующие в настоящее время на промышленных предприятиях системы материального стимулирования труда не учитывают интересы наемных работников, носят упрощенный уравнительный характер и не способствуют полной реализации профессиональных и квалификационных возможностей работника.

Для эффективного материального стимулирования роста производительности труда организация заработной платы на промышленных предприятиях должна осуществляться с учетом следующих требований.

1. Проведение постоянного мониторинга уровня мастерства и качества работы каждого работника, увязка динамики оплаты труда с динамикой его производительности.

2. Повышение значений тарифных коэффициентов для большей дифференциации тарифных ставок по разрядам в целях стимулирования рабочих к повышению квалификации.

3. Повышение существующего размера тарифных ставок, что обеспечит рост престижности работы на промышленных предприятиях и условия нормального воспроизводства рабочей силы.

4. Установление зависимости размера заработной платы как от квалификационного уровня работника и роста его профессионализма, так и от конечных результатов работы.

5. Обеспечение более тесной связи темпов роста средней заработной платы работающих и уровня производительности труда в структурных подразделениях предприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аналитик: доля зарплат в ВВП России за 10 лет не изменилась [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.metronews.ru/den-gi/
2. Белокрылова О. С. Экономика труда: Конспект лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 224 с.
3. Волгин Н. А. Современные модели оплаты труда: методика и рекомендации по внедрению. М.: Экономика, 1992. 94 с.
4. Краснопевцева И. В. Кадровые проблемы российских промышленных предприятий // Вестник Иркутского гос. техн. ун-та. 2012. № 9 (68). С. 274–280.
5. Кулинцев И. И. Экономика и социология труда. М.: Центр экономики и маркетинга, 2001. 312 с.
6. Львов Д. С. Экономика развития. М.: Экзамен, 2002. 512 с.
7. Маркс К. Критика Готской программы. М.: Наука, 1989. 267 с.
8. Маршалл А. Принципы экономической науки: Пер. с англ.: В 2 т. М.: Прогресс, 1993. Т. 1. 414 с.
9. МРОТ поднимется, но не превысит прожиточный минимум [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vestifinance.ru/articles/17002
10. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г. (Статистический бюллетень). М., 2010. 240 с.
11. Российская экономика в 2007 году. Тенденции и перспективы. Вып. 29. М.: ИЭПП, 2007. 657 с.
12. Российская экономика в 2011 году. Тенденции и перспективы. Вып. 33. М.: Институт Гайдара, 2012. 612 с.
13. Российский статистический ежегодник. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 813 с.
14. Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 786 с.
15. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. 493 с.
16. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 319 с.
17. Труд и занятость в России. 2011: Стат. сб. / Росстат. М., 2011. 637 с.
18. Трудовой кодекс Российской Федерации. М.: ОСЬ-89, 2002. 208 с.

Krasnopevtseva I. V., Tolyatti State University (Tolyatti, Russian Federation)

PROBLEMS OF MATERIAL STIMULATION OF INDUSTRIAL WORKERS' LABOR PRODUCTIVITY

A necessity to stimulate the increase of the workforce productivity in modern conditions of industrial production is proven. The factors influencing determination of the payment level at domestic industrial enterprises are singled out. The international comparisons of the cost of work among workers hired in the Russian Federation and the level of their wages' purchasing capacity are conducted. The problems of material stimulation of the workers employed by the Russian industrial enterprises are revealed. The basic directions of the wages' stimulating influence on the labor activity of hired workers are identified.

Key words: wages, hired workers, minimal wage, a living wage, workforce productivity, qualification of the worker, tariff rates

REFERENCES

1. *Analitik: dolya zarplat v VVP Rossii za 10 let ne izmenilas'* [Analyst: the share of salaries in gross national product of Russia for 10 years has not changed]. Available at: http://www.metronews.ru/den-gi/
2. B e l o k r y l o v a O. S. *Ekonomika truda: Konspekt lektsiy* [Economy of work: the Abstract of lectures]. Rostov on Don, Feniks Publ., 2002. 224 p.
3. V o l g i n N. A. *Sovremennye modeli oplaty truda: metodika i rekomendatsii po vnedreniyu* [Modern models of payment: a technique and recommendations for introduction]. Moscow, Ekonomika Publ., 1992. 94 p.
4. K r a s n o p e v t s e v a I. V. Personnel problems of the Russian industrial enterprises [Kadrovye problemy rossiyskikh promyshlennykh predpriyatiy]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo teknicheskogo universiteta*. 2012. № 9 (68). P. 274–280.
5. K u l i n t s e v I. I. *Ekonomika i sotsiologiya truda* [Economy and sociology of work]. Moscow, The center of economy and marketing, 2001. 312 p.
6. L' v o v D. S. *Ekonomika razvitiya* [Economy of development]. Moscow, Ekzamen Publ., 2002. 512 p.
7. M a r k s K. *Kritika Gotskoy programmy* [Criticism of the Gothic program]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 267 p.
8. M a r s h a l l A. *Printsipy ekonomicheskoy nauki: V 2 t.* [Principles of economic science: In 2 vol.]. Moscow, Progress Publ., 1993. Vol. 1. 414 p.
9. *MROT podnimetsya, no ne prevysit prozhitochnyy minimum* [MPOT will rise, but will not exceed a living wage]. Available at: http://www.vestifinance.ru/articles/17002
10. *Predpolozhitel'naya chislennost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii do 2030 g. (Statisticheskiy byulleten')* [Presumable population number of the Russian Federation up to 2030 (the Statistical bulletin]. Moscow, 2010. 240 p.
11. *Rossiyskaya ekonomika v 2007 godu. Tendentsii i perspektivy. Vyp. 29* [The Russian economy in 2007. Tendencies and prospects (release 29)]. Moscow, IEPP Publ., 2007. 657 p.
12. *Rossiyskaya ekonomika v 2011 godu. Tendentsii i perspektivy. Vyp. 33* [The Russian economy in 2011. Tendencies and prospects (release 33)]. Moscow, Institute of Gaydar Publ., 2012. 612 p.
13. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2010* [The Russian statistical year-book. 2010: the statistical collection]. Moscow, 2010. 813 p.
14. *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik. 2012* [The Russian statistical year-book. 2012: the statistical collection]. Moscow, 2012. 786 p.
15. *Sotsial'noye polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2006* [Social status and standard of living of the population of Russia. 2006: the statistical collection]. Moscow, 2006. 493 p.
16. *Sotsial'noye polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii. 2012* [Social status and standard of living of the population of Russia. 2012]. Moscow, 2012. 319 p.
17. *Trud i zanyatost' v Rossii. 2011* [Work and employment in Russia. 2011: the statistical collection]. Moscow, 2011. 637 p.
18. *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [The labour code of the Russian Federation]. Moscow, OS'-89 Publ., 2002. 208 p.

Поступила в редакцию 08.04.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Экономика** **2013**

УДК 332

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ПАДИСОВ
кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Кольский филиал, Петрозаводский государственный университет (Апатиты, Российская Федерация)
padisov@mail.ru

ЮЛИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ВОЛОВА
аспирант, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН (Апатиты, Российская Федерация)
volova88@bk.ru

ОЦЕНКА МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РЕГИОНОВ СЕВЕРА*

Рассмотрена и дана оценка уровня межрегиональной экономической дифференциации регионов Севера России. При выполнении оценки проанализированы такие показатели, как ВРП, ВРП на душу населения, среднемесячная номинальная заработная плата в расчете на одного работника, среднедушевые денежные доходы. Сделан вывод, что уровень межрегиональной дифференциации высок, и это может негативно сказаться на социально-экономическом развитии регионов.

Ключевые слова: межрегиональная экономическая дифференциация, регионы Севера

Проблемы пространственных диспропорций характерны для больших многорегиональных экономических систем с высоким уровнем начальной неоднородности экономического пространства, к которым, несомненно, относится и Россия. Особенно остро это проявилось в начале 1990-х годов и было связано с формированием нового экономического пространства и принципиально новой модели экономического развития. Российская экономика в период реформ характеризуется кардинальным изменением системы межрегиональных связей, роли и места отдельных регионов и территорий в национальном хозяйстве. Сложившаяся в условиях дореформенной системы хозяйствования неоднородность экономического пространства явилась фактором, определяющим различие стартовых условий для реформирования и адаптации к рыночным условиям. Обострение проблем регионального развития явилось следствием противоречивых тенденций в системе размещения элементов национального богатства и динамичных изменений экономических условий и факторов, формирующих рыночную среду. Возникшие по этой причине диспропорции между спросом и предложением товаров, услуг, труда и капитала на региональных и межрегиональных рынках определяли особенности трансформационных процессов отдельных регионов, территорий и экономических районов.

Северные территории представляют зону стратегических интересов РФ по целому ряду причин. Во-первых, в настоящее время они выступают важнейшим фактором стабилизации экономики, обеспечивая относительно дешевые поставки сырья и энергоносителей. Во-вторых, после распада Советского Союза резко возросло для отечественной экономики значение северных портов и транспортных магистралей. В-третьих, Север выступает как стратегический территориальный и экологический резерв, причем не только в национальном, но и в мировом масштабе. Наконец, в условиях нарастания процессов глобализации значительно возрастает роль северных регионов в международной деятельности. Север находится в сфере стратегических интересов России и играет ключевую роль в функционировании и развитии ее экономики. Это обстоятельство имеет не только экономическое, но и политическое значение для формирования российской модели рыночных отношений [4].

Регионы Севера существенно отличаются друг от друга по наличию различного рода ресурсов, по удаленности от центральных районов страны и границ с другими государствами, по развитию транспортной сети, по численности населения и по другим параметрам. Исторически наличие того или иного вида природных ресурсов являлось определяющим фактором формирования отраслевой специализации и пространственного размещения экономической деятельности в регионах Севера. Сегодня отраслевая специализация регионов является не только преимуществом, позволяющим использовать принцип разделения труда в национальной и глобальной экономике, но и причиной различий экономических показателей регионов. Иными словами, наличие различных природных ресурсов, отличающиеся условия хозяйствования (в том числе разная транспортная доступность), исторически сложившиеся отраслевая специализация и пространственная организация экономики, а также

© Падисов С. Г., Волова Ю. А., 2013

величина спроса на продукцию отраслей специализации в сегодняшней глобальной экономике обусловливают неравномерность экономического развития регионов Севера – экономическую дифференциацию. Как и любая другая дифференциация, она заставляет экономически более слабые регионы подтягиваться к более сильным. На этот процесс существенно влияет реализуемая властями страны политика межбюджетного выравнивания. Ключевое значение имеет то, за счет чего происходит такое выравнивание: то ли за счет более интенсивного экономического развития более слабых регионов, то ли за счет их массированной бюджетной политики. Однако прежде чем совершенствовать механизмы снижения межрегиональной дифференциации, необходимо оценить ее уровень [3].

Основным показателем, с помощью которого в мировой и отечественной практике обычно производится оценка уровня экономического развития страны, является валовой внутренний (региональный) продукт (ВВП или ВРП). Этот показатель является интеграцией множества других показателей и потому считается, что он наиболее объективно характеризует обобщающий результат экономической деятельности. Но абсолютная величина ВРП обычно не позволяет объективно сравнивать регионы по уровню экономического развития. Использование этого показателя было бы оправдано, если сравниваемые регионы изначально обладали одинаковыми ресурсами и вели бы свою хозяйственную деятельность в равных условиях. На практике же возможна ситуация, когда небольшой регион эффективно использует ресурсы и обеспечивает высокий уровень жизни своему населению, но при этом имеет ВРП в разы меньше, чем регион, занимающий большую территорию и обладающий большими ресурсами. Поэтому в дополнение к ВРП при оценке экономической дифференциации используются и другие показатели, позволяющие сравнить эффективность использования ресурсов и уровень жизни населения на рассматриваемой территории. Обычно такими показателями являются: ВВП (ВРП) на душу населения, среднемесячная номинальная заработная плата в расчете на одного работника, среднедушевые денежные доходы. Именно они наряду с ВРП использованы в данной работе при анализе межрегиональной экономической дифференциации на российском Севере [1].

В табл. 1 показан уровень ВРП регионов Севера. Из приведенных данных видно, какие регионы лидируют по величине этого показателя, а какие отстают. В 2009 году у нескольких регионов наблюдался явный спад ВРП в связи с экономическим кризисом, но в целом в 2001–2010 годы наблюдалась стабильная динамика роста[1].

Доля ВРП регионов Севера в ВВП отмечена небольшими колебаниями в диапазоне от 11,6 до 13 %. В 2008 году произошло сокращение до 10,8 %, что связано с последствиями экономического кризиса, а следующее заметное сокращение произошло в 2010 году. Более чем

Таблица 1

ВРП регионов Севера, млн руб.

Наименование субъекта РФ	Год									
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Ханты-Мансийский АО	497 981	552 483	717 219	956 196	1 399 335	1 594 097	1 728 340	1 937 159	1 778 637	1 976 223
Ямало-Ненецкий АО	184 315	262 447	283 181	355 718	441 721	546 365	594 678	719 397	649 640	771 769
Сахалинская обл.	47 140	47 139	63 139	91 729	121 014	166 105	286 273	333 581	392 380	492 730
Республика Саха	100 922	115 117	132 964	153 496	183 027	206 845	242 656	309 518	328 201	384 725
Архангельская обл.	67 274	83 158	103 951	142 564	166 433	215 932	268 672	289 755	323 606	355 884
Республика Коми	78 276	86 019	107 149	131 588	171 307	218 490	241 150	291 812	302 629	352 334
Мурманская обл.	57 569	68 445	80 604	124 972	132 870	158 127	191 584	213 733	202 235	234 649
Ненецкий АО	11 883	16 480	25 040	39 586	44 718	67 248	97 838	91 476	130 177	145 750
РК	33 721	41 362	46 588	53 964	77 124	84 228	104 603	115 208	105 924	127 733
Камчатский край	23 031	25 881	29 747	35 139	43 974	56 119	66 076	77 854	94 643	101 677
Магаданская обл.	17 151	22 374	24 325	24 612	27 167	31 203	35 314	42 053	47 895	58 174
Чукотский АО	6 944	10 155	13 501	12 357	12 355	15 538	20 984	30 558	45 067	41 974
РФ (для справки)	7 170 968	8 741 219	10 742 423	13 964 305	18 034 385	22 492 119	27 963 955	33 908 756	32 007 228	37 398 520
Доля ВРП регионов Севера в ВВП страны, %										
	12,6	12,3	12,3	12,4	13	12,6	11,6	10,8	11,3	9

Таблица 2

ВРП на душу населения в регионах Севера, руб.

Регион	Год								
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Ненецкий АО	289 841,5	401 970,7	610 746,3	965 529,3	1 064 721	1 601 152,3	2 329 483	2 178 009	3 099 469
Ямало-Ненецкий АО	371 604,6	529 127,8	570 929,8	717 174,2	844 592,3	1 044 676,0	1 103 299	1 324 856	1 194 191
Ханты-Мансийский АО	366 162,8	384 179,1	527 367,4	703 085,6	952 577,2	1 085 158,0	1 161 519	1 287 149	1 170 156
Чукотский АО	123 130,9	187368,1	256992,1	238227,2	237134,5	295107,1	396907,1	582270,4	872 422
Сахалинская обл.	84 769,1	85 927,4	116 731	172 004,4	230 298,2	321 108,8	559 774,1	657 783,3	779 943,2
Республика Саха	105 733,3	121 163,1	140 065,1	161 309	191 896	216 535,9	253 423,5	322 922,2	342 520,1
Республика Коми	75 534,6	84 101,9	106 304,1	132 733,1	176 075,2	229 053,7	256 586,2	314 251,6	329 967,4
Магаданская обл.	89 987,5	121 272,5	135 180,6	139 840,3	157 798,9	185 017,6	213 449,6	258 848,1	299 403,8
Камчатский край	63 274,0	71 934,1	83 980,4	101 205,1	129 240,8	168 173,2	200 610,1	238 404,5	291 953,6
Архангельская обл.	49 474,0	61 989,4	78 507,0	109 045,7	128 965,3	169 458,4	212 908,3	231 492,8	260 584,7
Мурманская обл.	62 965,4	76 236,9	91 442,1	144 469,3	156 652,5	190 124,3	233 765,5	263 755,5	251 956,9
РК	46 499,2	57 575,7	65 708,0	77 509,7	112 950,3	125 613,2	157 959,0	175 465,8	162 649,3
РФ (для справки)	49 474,8	60 611,4	74 840,5	97 691,9	125 658,7	157 233	195 819	237 552,2	224 163,3
Квинтильный коэффициент	4,8	4,5	4,8	5,5	5,1	4,1	3,2	3,8	3,2
«Коэффициент размаха»	8	9,2	9,3	12,4	9,4	12,7	14,7	12,4	19

две трети суммарного объема ВРП северных регионов сосредоточено в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, более четверти – в республиках Саха (Якутия) и Коми, Архангельской, Мурманской и Сахалинской областях и менее десятой части – в оставшихся регионах. Во многом этот контраст объясняется малым объемом экспортной продукции добывающих и обрабатывающих видов деятельности в регионах-аутсайдерах, локальностью их экономики, в основном обслуживающей внутренний рынок, и малочисленностью населения. Эти территориальные диспропорции в распределении ВРП имеют исторические корни и связаны главным образом с неравномерностью освоения территории Севера и последствиями рыночных реформ [2].

Как уже было показано выше, анализа ВРП недостаточно для оценки межрегиональной экономической дифференциации. Важную роль играют и другие показатели. Среди перечня базовых индикаторов для первичной оценки уровня развития регионов наиболее часто выделяют: ВРП на душу населения, среднедушевые доходы населения субъекта и среднемесячную номинальную заработную плату в расчете на одного работника.

ВРП на душу населения – один из основных показателей, характеризующих масштаб и эффективность региональных экономик. Численное значение ВРП на душу населения позволяет обосновывать государственную политику по стимулированию регионального экономического развития и поддержке проблемных регионов (депрессивных, отсталых и др.).

В табл. 2 представлена величина ВРП на душу населения в регионах Севера. Видно, что территориальная дифференциация уровня жизни населения в северных регионах РФ высока. По величине этого показателя среди регионов Севера лидируют Ненецкий автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ и Ханты-Мансийский автономный округ. Хуже всего дела обстоят у Республики Карелия (РК) и Мурманской области. Это подтверждает и подсчитанный нами «коэффициент размаха» показателя ВРП на душу населения субъекта с максимальным значением данного показателя относительно субъекта с самым минимальным значением показателя. К тому же, стоит заметить, что разница показателя с каждым годом увеличивается. Если в 2001 году соотношение показателя ВРП на душу населения субъекта с максимальным значением относительно субъекта с самым минимальным значением данного показателя равнялось 8 раз, то к 2009 году он вырос до 19 раз. Из значений, приведенных в табл. 2, видно, что не все субъекты к 2009 году оправились от влияния экономического кризиса. Нетрудно заметить, что быстрее остальных оправился Ненецкий АО, прибавивший к значению показателя 2008 года 42,3 %. Вероятно, это связано с увеличением в структуре ВРП Ненецкого АО доли добычи полезных ископаемых с 66,4 %

в 2008 году до 77,3 % в 2009 году [4]. По данным Архангельскстата, добыча нефти в НАО выросла с 14,6 млн т. в 2008 году до 18,8 млн т. в 2009 году[2]. Регионы-аутсайдеры по показателю ВРП на душу населения, наоборот, отметились отрицательным трендом в 2009 году: Мурманская область (–4,4 %) и РК (–7,3 %). Стоит заметить, что ВРП регионов в реальном выражении (с учетом инфляции) показывает еще более серьезное снижение: объем валового регионального продукта Мурманской области в 2009 году по сравнению с 2008 годом сократился на 13 %, в РК – на 15,5 %. Помимо вышеупомянутого уже макроэкономического фактора, к причинам, повлиявшим на изменение данного показателя, стоит отнести изменения структурно-отраслевого характера. Стоит взглянуть на изменение показателей валовых добавленных стоимостей (ВДС) основных видов экономической деятельности регионов. В Мурманской области в 2009 году снижение обусловлено в значительной степени уменьшением объемов в добывающих и обрабатывающих производствах, потребительском секторе. Индекс промышленного производства за 2009 год составил 90,6 %, в том числе по видам деятельности: добыча полезных ископаемых – 85,5 %, обрабатывающие производства – 89,9 %. Снижение обусловлено сокращением производства в развитых экономиках мира и экспортно ориентированных отраслях России, потребляющих сырьевую продукцию, производимую в Мурманской области[3]. Что касается снижения показателя добычи полезных ископаемых, отдельно стоит отметить то, что в феврале – мае 2009 года отгрузка нефелинового концентрата на предприятии-флагмане горно-добывающей промышленности ОАО «Апатит», входящем в холдинг «ФосАгро», была приостановлена в связи с известными событиями, связанными с остановкой Пикалевского глиноземного завода. Данные факторы отрицательным образом сказались на производственных показателях предприятия – поставщика сырья (выпуск концентрата снизился на 14,9 %).

Однако изменение абсолютных показателей еще мало о чем говорит. Для рассмотрения изменения размеров дифференциации регионов Севера по показателю ВРП на душу населения был произведен расчет квинтильного коэффициента, показывающего во сколько раз 20 % наиболее развитых субъектов превышает 20 % наименее состоятельных субъектов. Из расчетов видно следующее: во-первых, значение квинтильного коэффициента снижается из года в год; во-вторых, его значение до сих пор высоко – по состоянию на 2009 год разница между 20 % наиболее развитых субъектов и 20 % наименее состоятельных достигает 3,2 раза (рис. 1).

Следующим показателем, характеризующим межрегиональную экономическую дифференциацию, является среднемесячная номинальная заработная плата в расчете на одного работника – один из важнейших индикаторов уровня жизни населения, определяющий социальную эффективность общественного производства. Данный показатель является синтетическим, поскольку, с одной стороны, отражает результат экономической деятельности в отдельном регионе, а с другой – характеризует социальную ситуацию в конкретных условиях места и времени.

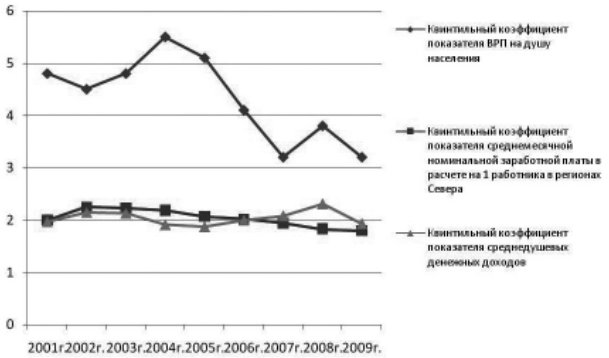


Рис. 1. Динамика значений квинтильного коэффициента дифференциации за период 2001–2009 годов

Величина среднемесячной номинальной заработной платы в расчете на одного работника в регионах Севера приведена в табл. 3. Лидерами по данному показателю являются Ямало-Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, а также Чукотский АО.

Межрегиональная дифференциация населения по среднемесячной начисленной заработной плате в 2001–2009 годах также была значительной, однако постепенно сокращалась. Если в 2001 году зарплата в 20 % самых высокооплачиваемых регионах превышала зарплату в 20 % самых низкооплачиваемых регионах в 2 раза, то в 2009 году этот показатель уменьшился несущественно – до 1,8 раза. Произошло уменьшение и «коэффициента размаха» с 3,7 раза в 2001 году до 2,5 раза в 2009 году (рис. 2). Возможными причинами могли стать как снижение темпов роста зарплат в наиболее высокооплачиваемых регионах, так и результат ускоренного роста доходов в субъектах РФ с наименьшим уровнем зарплат. Причем в первую очередь вследствие

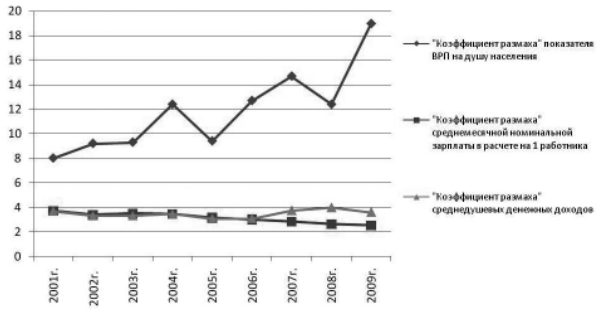


Рис. 2. Динамика значений «коэффициента размаха» по категориям за период 2001–2009 годов

Таблица 3

Среднемесячная номинальная заработная плата в расчете на одного работника в регионах Севера, тыс. руб.

Регион	Год								
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Ямало-Ненецкий АО	12,6	15,9	20,0	23,9	27,5	32,3	37,4	44,4	46,5
Ненецкий АО	9,2	12,6	15,9	19,0	23,0	28,6	34,4	41,2	44,0
Чукотский АО	8,2	13,5	17,3	18,6	23,3	25,7	30,9	38,3	42,5
Ханты-Мансийский АО	12,6	14,6	17,2	19,7	22,8	26,8	32,2	37,4	38,4
Камчатский край	6,2	8,7	10,3	12,3	15,5	18,5	21,8	27,3	37,6
Магаданская обл.	5,6	7,4	9,4	11,2	14,7	17,7	22,1	28,0	32,7
Сахалинская обл.	5,0	7,0	9,3	11,7	15,2	18,8	23,3	30,1	32,6
Мурманская обл.	5,4	7,2	8,6	10,2	12,5	15,2	18,6	23,8	26,6
Республика Саха	6,1	8,2	9,7	11,3	13,4	16,2	19,4	23,8	26,5
Республика Коми	5,2	6,5	7,9	9,5	11,6	14,1	17,1	20,8	23,7
Архангельская обл.	3,7	5,0	6,2	7,9	9,9	11,7	14,4	18,2	20,2
РК	3,4	4,7	5,7	6,9	8,7	10,7	13,3	16,9	18,4
РФ (для справки)	3,2	4,4	5,5	6,7	8,6	10,6	13,6	17,3	18,6
Квинтильный коэффициент	2	2,25	2,23	2,19	2,07	2,02	1,94	1,83	1,8
«Коэффициент размаха»	3,7	3,38	3,5	3,46	3,16	3	2,81	2,62	2,52

политики межбюджетного выравнивания, дотаций регионам и повышения зарплат работникам бюджетной сферы. Так, среднегодовой темп роста зарплат в РК до кризиса составлял в среднем от 21 до 27 % ежегодно, а в Ямало-Ненецком АО, где самые высокие зарплаты, в последние годы наблюдался рост показателя в 16–18 % ежегодно. Вместе с тем тенденция сокращения межрегиональной дифференциации по среднемесячной заработной плате объясняется пока в большей степени не новыми возможностями отстающих регионов вследствие их ускоренного экономического развития, а дотационностью регионов. Если в 2001 году сумма финансовой помощи, выделенной федеральным бюджетом бюджету РК на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности, равнялась 500 822 тыс. руб., или 12,5 %[4] от суммы всех доходных поступлений бюджета, то в 2009 году сумма подобных дотаций выросла до 1 132 478 тыс. руб., или до 25 %[5]. При сохранении нынешней тенденции межрегиональный разрыв в уровне зарплат будет только сокращаться.

Тенденция снижения межрегиональной дифференциации по показателю среднедушевых денежных доходов тесно коррелирует с отмеченным выше снижением разницы в среднемесячной заработной плате в расчете на одного работника. Лидером по этому показателю является Ненецкий АО, за ним следуют Ямало-Ненецкий АО и Чукотский АО. Стоит отметить, что за период с 2001 по 2009 год «коэффициент размаха» уменьшился до 3,6 раза. Показатель квинтильного коэффициента снизился к 2009 году до 1,93 раза (табл. 4).

Таким образом, можно констатировать, что межрегиональная экономическая дифференциация регионов Севера остается до сих пор на достаточно высоком уровне. Поэтому необходимо принятие мер, направленных на ее сглаживание. Перед государством стоит серьезная задача по определению курса дальнейшего развития политики в отношении регионов Севера. Можно с уверенностью утверждать, что в вопросе относительно способов выравнивания социально-экономического уровня регионов появилась дилемма: поддерживать развитие регионов за счет более интенсивного экономического развития регионов-аутсайдеров либо за счет их массированной бюджетной подпитки.

Таблица 4

Среднедушевые денежные доходы, тыс. руб.

Регион	Год								
	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Ненецкий АО	5,9	8,6	14,2	20,1	21,5	27,2	37,9	48,8	48,8
Ямало-Ненецкий АО	10,7	13,3	16,0	18,9	21,8	27,1	31,5	38,1	38,9
Чукотский АО	8,0	11,3	13,7	15,0	20,3	24,3	27,9	32,1	35,1
Ханты-Мансийский АО	9,6	10,8	12,9	15,0	18,0	22,4	27,1	32,9	32,3
Сахалинская обл.	3,9	5,5	7,7	9,5	12,5	16,2	20,2	24,6	27,6
Магаданская обл.	5,1	6,7	8,2	9,5	11,1	13,7	16,5	19,7	24,2
Камчатский край	4,6	5,9	7,1	8,3	10,8	13,2	16,0	19,1	22,6
Республика Саха	5,0	6,3	8,2	9,6	11,4	13,6	15,7	18,7	21,3
Мурманская обл.	4,6	5,9	7,1	8,4	10,4	12,6	15,2	18,8	21,2
Республика Коми	4,9	6,2	7,5	9,3	11,2	13,4	16,3	18,6	20,1
Архангельская обл.	3,0	4,0	4,8	6,1	7,9	9,5	11,6	14,8	17,2
РК	2,9	4,1	4,9	5,8	7,1	8,8	10,1	12,2	13,5
РФ (для справки)	3,1	3,9	5,2	6,4	8,1	10,2	12,6	14,9	16,9
Квинтильный коэффициент	1,97	2,15	2,13	1,91	1,87	2	2,08	2,31	1,93
«Коэффициент размаха»	3,7	3,32	3,33	3,46	3,07	3,09	3,75	4	3,61

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#

[2] Сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области. Режим доступа: http://www.arhangelskstat.ru/bgd/senao_11/Main.htm

[3] Постановление Правительства Мурманской области № 473-ПП/18. О прогнозе социально-экономического развития Мурманской области на 2010 год и плановый период 2011 и 2012 годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minec.gov-murman.ru/opencms/export/sites/mineconomy/content/forecasts/ sub01/sub06/1.pdf

[4] Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/account

[5] Российская Федерация. Законы. О федеральном бюджете на 2009 год и на плановый период 2010 и 2011 годов: Федеральный закон от 24 ноября 2008 г. № 204 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc; base=LAW; n=94413

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов А. И. Региональная экономика и управление [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/regionalnaja_ekonomika
2. Гаджиев Ю. А., Акопов В. И. Макроэкономическая динамика Северных регионов России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.iespn.komisc.ru/pub/books/m0902–1.pdf
3. Котов А. В. Постиндустриальная трансформация: есть ли шанс у северных регионов России? // Проблемы современной экономики. 2010. № 3 (35) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.m-economy.ru/art.php? nArtId=3278
4. Селин В. С. Экономический и инвестиционный потенциал российского Севера [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.kolasc.net.ru/russian/innovation/ksc70/4.1.pdf

---

Padisov S. G., Kola Branch of Petrozavodsk State University (Apatity, Russian Federation)
Volova Yu. A., Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russian Federation)

ASSESSMENT OF INTERREGIONAL ECONOMIC DIFFERENTIATION OF NORTHERN REGIONS

The reasons for regional economic differentiation in the northern regions of Russia are analyzed, and the level of differentiation is estimated. Such indicators as gross domestic product, gross regional product per capita, average monthly nominal wage, and per capita income were analyzed and assessed. It was concluded that the level of differentiation is high, and it may negatively affect both social and economic development of the regions.

Key words: regional economic differentiation, northern regions of Russia

REFERENCES

1. Gavrilov A. I. *Regional'naya ekonomika i upravleniye* [Regional economics and management]. Available at: http://sbiblio.com/biblio/archive/regionalnaja_ekonomika
2. Gadzhiyev Yu. A., Akopov V. I. *Makroekonomicheskaya dinamika Severnykh regionov Rossii* [Macroeconomic dynamics of northern regions of Russia]. Available at: http://www.iespn.komisc.ru/pub/books/m0902–1.pdf
3. Kotov A. V. The post-industrial transformation: is there a chance for the northern regions of Russia? [Postindustrial'naya transformatsiya: est' li shans u severnykh regionov Rossii?]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [Problems of contemporary economy]. 2010. № 3 (35). Available at: http://www.m-economy.ru/art.php? nArtId=3278
4. Selin V. S. *Ekonomicheskiy i investitsionnyi potentsial rossiyskogo Severa* [The economic and investment potential of the Russian North]. Available at: http://www.kolasc.net.ru/russian/innovation/ksc70/4.1.pdf

Поступила в редакцию 06.05.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Экономика** **2013**

УДК 336.71

НАТАЛИЯ ЭДУАРДОВНА ОВЧИННИКОВА
аспирант кафедры экономики и финансов факультета экономики и менеджмента, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Орел, Российская Федерация)
n.e.ovchinnikova@mail.ru

АДАПТИВНАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мировой финансовый кризис поставил вопрос об устойчивости как национальных банковских систем, так и отдельных кредитных организаций. Дается терминологический обзор и сравнительный анализ понятий «устойчивость», «стабильность», «надежность» и «равновесие». Результат анализа показал, что термин «устойчивость» является наиболее соответствующим требованиям современного развития банковского сектора. Определена цель обеспечения устойчивости банковской системы – защита функциональной целостности совокупности кредитных организаций в постоянно меняющейся внешней среде путем осуществления корректирующих воздействий. Результирующий вывод заключается в том, что устойчивость банковской системы как совокупности кредитных организаций определяется степенью устойчивости составляющих ее субъектов, а также в целом зависит от достижения каждым субъектом банковского сообщества состояния, соответствующего установленным общебанковским нормам и возможностям быстрой адаптации к изменению внешних условий.

Ключевые слова: финансовый кризис, банковская система, адаптивная устойчивость банковской системы, стабильность, равновесие

Последствия мирового финансового кризиса 2007–2008 годов оказали ощутимое влияние на устойчивость финансово-кредитных систем практически всех государств. Финансовая устойчивость – это сбалансированность финансовых потоков, наличие средств, позволяющих поддерживать свою деятельность в течение определенного периода времени. Она во многом определяет финансовую независимость [5].

Согласно определению Ф. Мишкина, финансовая нестабильность возникает, когда шоки, которые действуют на финансовую систему, препятствуют информационному потоку так, что финансовая система не может больше канализировать денежные средства туда, где имеются возможности для продуктивных инвестиций [13].

Следовательно, финансовая нестабильность подразумевает такое соотношение рисков и уязвимости в финансовой системе, при которых она перестает осуществлять свои функции, а негативные шоки передаются через финансовую систему реальному сектору экономики. В состоянии финансовой дестабилизации финансовая система не способна самостоятельно восстанавливаться от отрицательных воздействий.

Г. Дж. Шинази определяет финансовую стабильность как состояние, при котором финансовая система способна противостоять шокам и устранять дисбалансы, снижая тем самым вероятность серьезных сбоев [11; 18].

Под финансовой стабильностью понимается такое состояние финансовой системы, при котором она эффективно выполняет свои ключевые функции и способна абсорбировать шоки, возникающие эндогенно и экзогенно, внутри себя, не нанося ущерба реальному сектору [5].

В условиях глобализированной рыночной экономики, подверженной периодическим финансовым кризисам, представляется более обоснованным применять понятие «устойчивость». Если стабильность предполагает сохранение равновесия системы, то устойчивость – это способность системы возвращаться к равновесию при воздействии внешних и внутренних шоков.

Понятие «устойчивость» может характеризовать состояние национальной экономики и отдельных ее сегментов как хозяйственной системы следующим образом: 1) способность автономно и стабильно осуществлять целенаправленную деятельность в обозримом периоде и на перспективу; 2) функционировать в рыночной среде экономических отношений, преодолевая возможные неблагоприятные воздействия; 3) обеспечивать сбалансированность темпов достижения хозяйственных целей на достаточно продолжительный период времени.

Устойчивость банковской системы трудно определить, используя обычное определение «понятия» или «категории», учитывая его многослойность, наличие относительно локализуемых блоков (функционально-ориентированных), связанных с особенностями достижения и обеспечения состояния устойчивости банковской системы страны, которая может быть представлена многомерной моделью. Общее экономическое равновесие, как и причины, его нарушающие, определяют внешнюю среду функционирования

© Овчинникова Н. Э., 2013

банковской системы и характер проблем, решаемых в ходе управления ее устойчивостью.

«Устойчивость» как термин широко используется различными отраслями науки и техники. По В. Далю, «устойчивость» происходит от слов «устаивать, устоять против кого, чего, стоять твердо, выстоять, успешно противиться силе, выдержать, не уступить. Устойчивый – это значит стойкий, крепкий, твердый, не шаткий» [4; 29].

С позиции техники устойчивость сооружения – это его способность противостоять усилиям, стремящимся вывести его из исходного состояния статистического или динамического равновесия. Устойчивость транспортных машин – это способность противостоять внешним силам, стремящимся отклонить их от заданного направления движения [12; 40–42].

Чаще всего понятие устойчивости применяется как характеристика сложных динамических систем, подверженных влиянию большого числа факторов, в том числе факторов со случайными характеристиками. Поскольку банковская система в целом и отдельный банк в частности являются сложной динамической системой, функционирующей в изменяющихся условиях рыночной среды, их необходимо рассматривать с точки зрения системного подхода.

При рассмотрении особенностей исследуемого объекта предлагается использовать понятие устойчивости системы и ее субъектов, имея в виду особенности их функциональной ориентации, которые работают на нестабильном рыночном пространстве и находятся в стадии развития. Можно утверждать, что устойчивость любой системы связана с ее стремлением к сохранению равновесия, которое предполагает такое взаимодействие составных элементов системы, при котором обеспечивается наивысшая эффективность движения к целям развития.

Если банковскую систему рассматривать по аналогии с кибернетической системой, то для обеспечения собственной устойчивости, ей необходимо обладать разнообразием элементов.

В целом можно отметить, что для всех возможных употреблений термина «устойчивость» в технической, экономической и литературе по системному анализу общим моментом является интуитивное понимание того, что словосочетание «устойчивая система» обозначает способность последней реагировать на изменения в окружающей среде и сохранять приблизительно ту же самую структуру (поведение) на протяжении определенного периода времени [9; 17].

Кроме того, не следует забывать, что по законам системного анализа устойчивость любой системы определяется наличием в ней механизмов саморегуляции. В кибернетических системах устойчивость системы обеспечивается наличием регулятора, блокирующего или пропускающего разнообразие. Таким регулятором в рамках банковской системы выступает, безусловно, Центральный банк. Для того чтобы справиться с разнообразием возмущений, сам регулятор также должен обладать разнообразием. Причем количество этого разнообразия можно определить достаточно точно. Если разнообразие состояния системы в пределах меры, т. е. допустимое разнообразие равно P_c, а разнообразие возмущений конечно и равно P_b, то количество разнообразия регулятора определяется по формуле:

$$P_b / Pc = P_p.$$

Если разнообразие регулятора в точности соответствует приведенной формуле, то регулятор является совершенным. Очевидно, что закон необходимого разнообразия как закон обеспечения устойчивости применим лишь к кибернетическим системам. В естественной неживой природе увеличение разнообразия, заключенного в элементах, связях и отношениях, не повышает степень безопасности, а наоборот, ведет к снижению устойчивости за счет сложности управления большим разнообразием.

В современных условиях существенно изменились факторы, которые могут определить устойчивость банковской системы: 1) процессы глобализации, предполагающие не только усиление роли транснациональных корпораций и банков в международной конкуренции и сотрудничестве, но и реализацию политики «общий интерес в сотрудничестве» в противоположность ранее поставленной – «частный интерес в сотрудничестве». Взаимовыгодное сотрудничество подразумевает занятие всевозможных, доступных и оставшихся относительно свободными ниш общественной жизни, где впоследствии компаньоны будут наращивать свой интерес со стремлением аккумулировать большую часть стоимости. Важно, что при ситуации соразвития «используются возможности, которые предоставляет мирохозяйственное общение и одновременно нейтрализуются сопутствующие негативные тенденции и угрозы» [3; 294]; 2) государство стремится наиболее полно контролировать финансовые потоки, а решающим фактором при этом выступает не интеграция или работа в мировой финансовой системе, а «чистота» источников финансовых ресурсов от криминала, террористических организаций; 3) глобальная сеть Интернет, в том числе социальные сети, которые могут спровоцировать банковскую панику, способствовать массовому изъятию вкладов и созданию негативного имиджа как отдельной кредитной организации, так и в целом банковской системы региона или даже страны.

Исходя из вышесказанного целью обеспечения устойчивости банковской системы является защита функциональной целостности совокупности кредитных организаций в постоянно ме-

няющейся внешней среде путем осуществления корректирующих воздействий.

Тогда устойчивость банковской системы – это способность системы выполнять свое функциональное назначение вне зависимости от характера, силы и длительности внешних воздействий.

Согласно теории организации, степень эффективности и успеха ее функционирования определяется степенью адаптации ее структуры и поведения факторам внешней среды.

Внутренняя среда системы зависит от внешней среды: получая из нее все необходимое для реализации своего предназначения, она предлагает ей результаты своих усилий по преобразованию ресурсов в продукцию и услуги [6; 273]. Эволюция связывается с достижением устойчивого состояния системы, при котором последняя адаптируется к окружению [10]. Возможность адаптации обусловлена тем, что изменение внешних условий происходит медленнее, чем приспособление к ним системы [2]. Адаптация обеспечивает повышенный уровень универсальности системы [7; 89].

Таким образом, адаптивный подход предполагает рассмотрение системы с точки зрения ее сохранения и развития, несмотря на происходящие изменения. Адаптивные системы принадлежат к классу самоорганизующихся и характеризуются способностью изменять порядок и устройство в зависимости от влияния различных факторов. Принципы самоорганизации, являясь доминирующими в складывающейся ныне синергетической концепции менеджмента, знаменуют возникновение нового подхода на основе классического (кибернетического) [8; 75]. Его признаками являются: неопределенность среды, сетевой характер структур, виртуализация бизнес-процессов. Концепция адаптивности предполагает как формализованное рассмотрение ситуации, так и образное ее видение [6; 26–28].

Сложности концепции адаптивности предопределены противоречивостью исходных допущений. С одной стороны, банковская система – реальный объект для возможных построений, с другой – сама концепция адаптивности предполагает соответствующий менталитет топ-менеджмента как конкретного банка, так и руководителей Центрального банка, их развитое образное мышление, применение неформализуемых построений, вариативность решений, вероятностный результат. Адаптивность – это скорее форма поведения, соответствующая определенному способу, образу мышления, а не набор конкретных действий. Тогда адаптивная устойчивость банковской системы – это способность системы воспринимать, реализовывать нововведения, позволяющие ей гибко реагировать на изменение внешней среды, и выполнять функциональное назначение в новых условиях с минимальными структурными потерями.

Таким образом, адаптивная устойчивость характеризует фазу становления направления развития банковской системы.

Определение устойчивости системы можно сформулировать для следующих направлений: экономическая устойчивость как базисная (сохранение капитала); организационно-структурная, финансовая, техническая, технологическая, коммерческая, коммуникационная, информационная, функциональная устойчивость. В совокупности взаимосвязи этих форм и проявлений устойчивости позволяют системе комплексно реагировать на внутренние и внешние воздействия, поддерживать равновесное состояние и дальнейшее развитие, являться конкурентоспособным субъектом рынка, достигая тем самым выполнения стратегической функции устойчивости системы.

При теоретическом анализе отдельный банк сначала следует рассматривать преимущественно как закрытую систему, которой присущи замкнутость, повторяемость, сохраняемость индивидуального капитала.

Устойчивость банковской системы как совокупности кредитных организаций определяется степенью устойчивости составляющих ее субъектов и тенденциями структурных сдвигов банковского сообщества по основным ключевым параметрам – объему и структуре активов, объемам собственного капитала и т. п. Устойчивость банковской системы в целом зависит от достижения каждым субъектом банковского сообщества состояния, соответствующего установленным общебанковским нормам.

Однако необходимо очень осторожно подходить к оценке устойчивости банковской системы. «Только накапливаемый опыт расчета систем определенного типа позволяет, уверенно выбирая расчетную модель, заранее оценивать, чем можно и чем нельзя пренебрегать при ее составлении» [1; 55–59].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айзерман М. А. Теория автоматического регулирования. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1966. 520 с.
2. Афонасова М. А. Современные подходы к исследованию экономической эволюции и управлению экономическим развитием // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2005. № 4 (42). С. 214–220.
3. Грязновой А. Г., Думной Н. Н. В поисках новой теории: Книга для чтения по экономической теории с проблемными ситуациями: Учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2004. 368 с.
4. Дарков А. В., Митропольский Н. М., Шпиро Г. С. Сопротивление материалов. М.: Высшая школа, 1959. 657 с.
5. Кормилицына И. Г. Финансовая стабильность: сущность, факторы, индикаторы // Финансы и кредит. 2011. № 35. С. 15–17.

6. Л е в ч а е в П. А. Обеспечение стоимостного прироста финансовых ресурсов экономических субъектов в условиях инновационной экономики: теория и методология исследования: Дис. … д-ра экон. наук. Орел, 2007. 352 с.
7. Л е м С. Сумма технологий: Пер. с польск. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2004. 668 с.
8. М а е в с к и й В. Введение в эволюционную макроэкономику. М.: Япония сегодня, 1997. 106 с.
9. Р у д ь к о - С и л и в а н о в В. В. Концептуальные основы и тенденции развития региональных сегментов банковской системы России (на примере Дальнего Востока): Дис. … д-ра экон. наук. М., 1998. 412 с.
10. Р у з а в и н Г. И. Концепции современного естествознания: Учеб. для вузов. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1999. 228 с.
11. Ш и н а з и Г. Сохранение финансовой стабильности // Вопросы экономики. 2005. № 36. С. 17–20.
12. Э ш б и У. Р. Введение в кибернетику. М., 1959. 432 с.
13. M i s h k i n F. S. Global Financial Instability: Framework, Events, Issues // Journal of Economic Perspectives. 1999. № 4. Vol. 13. P. 72–73.

Ovchinnikova N. E., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)

ADAPTIVE STABILITY OF BANKING SYSTEM: THEORETICAL ASPECT

The global financial crisis has raised a question of stability of both national banking system and separate credit organizations. In spite of numerous scientific research there is still no precise definition of the category “stability of the banking system”. A terminological review of existing definitions together with comparative analysis results on the concepts “soundness”, “stability”, “reliability”, and “balance” are provided. The author substantiates a necessity to introduce a new concept “adaptive stability of the banking system”. It will provide an opportunity for adaptation to dynamic environment without essential changes in principles of functioning. The goal of securing the banking system stability is defined. The purpose is to protect the functioning integrity of credit institutions by implementation of corrective actions. It was concluded that stability of the banking system represented by a set of credit institutions is determined by the degree of its constituent entities’ stability. Stability of the banks generally depends on the achievements reached by each entity of the banking community and the ability to adapt quickly to changing conditions. To be stable the banking community should also meet all standards of banking regulations.

Key words: financial crisis, banking system, adaptive stability of the banking system, stability, balance

REFERENCES

1. A y z e r m a n M. A. *Teoriya avtomaticheskogo regulirovaniya* [Theory of automatic control]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 520 p.
2. A f o n a s o v a M. A. Modern approaches to research of economic evolution and management of economic development [Sovremennye podkhody k issledovaniyu ekonomicheskoy evolyutsii i upravleniyu ekonomicheskim razvitiyem]. *Nauchno-tekhnicheskiye vedomosti SPbGPU* [Scientific and technical sheets SPbGPU]. 2005. № 4 (42). P. 214–220.
3. G r y a z n o v o y A. G., D u m n o y N. N. *V poiskakh novoy teorii: Kniga dlya chteniya po ekonomicheskoy teorii s problemnymi situatsiyami: Ucheb. posobiye* [In searches of new theory: a book for reading on the economic theory with problem situations: studies]. Moscow, KNORUS Publ., 2004. 368 p.
4. D a r k o v A. V., M i t r o p o l ’ s k i y N. M., S h p i r o G. S. *Soprotivleniye materialov* [Resistance of materials]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1959.657 p.
5. K o r m i l i t s y n a I. G. Financial stability: essence, factors, indicators [Finansovaya stabil’nost’: sushchnost’, faktory, indikatory]. *Finansy i kredit* [The Finance and the credit]. 2011. № 35. P. 15–17.
6. L e v c h a e v P. A. *Obespecheniye stoimostnogo prirosta finansovykh resursov ekonomicheskikh sub”ektov v usloviyakh innovatsionnoy ekonomiki: teoriya i metodologiya issledovaniya. Diss. ... d-ra ekon. nauk* [Maintenance of a cost gain of financial resources of economic subjects in conditions of innovational economy: the theory and methodology of research. Dr. econ. sci. diss.]. Orel, 2007. 352 p.
7. L e m S. *Summa tekhnologiy* [The sum of technologies]. Moscow, AST; Sankt Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2004. 668 p.
8. M a e v s k i y V. *Vvedeniye v evolyutsionnuyu makroekonomiku* [Introduction in evolutionary macroeconomic]. Moscow, Yaponiya segodnya Publ., 1997. 106 p.
9. R u d ’ k o - S i l i v a n o v V. V. *Kontseptual’nye osnovy i tendentsii razvitiya regional’nykh segmentov bankovskoy sistemy Rossii (na primere Dal’nego Vostoka). Diss. ... d-ra ekon. nauk* [Conceptual framework and trends of regional segments of the banking system of Russia (an example of the Far East). Dr. econ. sci. diss.]. Moscow, 1998. 412 p.
10. R u z a v i n G. I. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya. Ucheb. dlya vuzov* [Concept of modern natural sciences. Studies. Textbook for higher schools]. Moscow, Kul’tura i sport Publ.: UNITY Publ., 1999. 228 p.
11. S h i n a z i G. Preservation of financial stability [Sokhraneniye finansovoy stabil’nosti]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy]. 2005. № 36. P. 17–20.
12. E s h b i U. R. *Vvedeniye v kibernetiku* [Introduction in cybernetics]. Moscow, 1959. 432 p.
13. M i s h k i n F. S. Global Financial Instability: Framework, Events, Issues. Journal of Economic Perspectives. 1999. № 4. Vol. 13. P. 72–73.

Поступила в редакцию 07.05.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Юридические науки** **2013**

УДК 347.9

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ДУШНЮК
судья Верховного суда Республики Карелия, соискатель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dushnuknat@mail.ru

ПОЛНОМОЧИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ*

Рассматривается актуальный вопрос о полномочиях суда апелляционной инстанции в гражданском процессе в свете вступивших с 1 января 2012 года в законную силу изменений гражданского процессуального законодательства и ранее принятых Конституционным судом РФ постановлений. Особое внимание уделяется имевшемуся у суда апелляционной инстанции ранее полномочию по направлению дела на новое рассмотрение в случае отмены судебного решения. В качестве самостоятельного основания для отмены судебного акта выделяется неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров РФ. Наличие некоторых имеющихся проблем гражданского процессуального законодательства связывается с пробелами законодательства, корректируемыми Верховным судом РФ. Вопрос о процессуальном оформлении действий суда апелляционной инстанции при отмене решения суда первой инстанции в связи с существенными процессуальными нарушениями освещается путем сравнительного анализа норм гражданского процессуального законодательства, арбитражного процессуального законодательства и их официального толкования. В содержание включается и анализ позиций ученых-процессуалистов по спорным процессуальным вопросам.

Ключевые слова: гражданский процесс, суд апелляционной инстанции, полномочия суда апелляционной инстанции, направление дела на новое рассмотрение

С 1 января 2012 года вступили в силу изменения, внесенные в гражданское процессуальное законодательство на основании Федерального закона от 9 декабря 2010 года № 353-ФЗ. В результате указанных изменений реформированы все проверочные инстанции гражданского процесса. В частности, вместо ранее действовавших двух разных способов проверки судебных решений, не вступивших в законную силу, – апелляционного и кассационного, действует один способ – апелляционный. Объектом проверки апелляции стали не вступившие в законную силу постановления всех судов первой инстанции, а не только мировых судей, как это было ранее. Унификация правил проверки судебных постановлений во второй инстанции позволяет обеспечить единство судебной практики судов общей юрисдикции, а также реализовать равенство прав граждан на справедливое судебное разбирательство.

Вопрос о полномочиях второй инстанции неоднократно являлся объектом исследования в юридической литературе. И. М. Зайцев под полномочиями суда понимает неделимое единство его прав и обязанностей [4]. Более полно раскрывает суть полномочий суда апелляционной инстанции Е. Г. Гойденко, определяя полномочия суда второй инстанции как разновидность законодательно установленных процессуальных средств, позволяющих суду проверочной инстанции осуществлять закрепленные за ним функции устранения судебных ошибок и восстановления нарушенного права на судебную защиту, реализовать в процессе своей деятельности стоящие перед ним задачи и цели [2]. Полномочия суда апелляционной инстанции неразрывно связаны с сущностью апелляционного производства.

В гражданском процессе выделяют два вида апелляции: полную и неполную. Изменения, внесенные в гл. 39 Гражданского процессуального кодекса РФ, свидетельствуют о том, что новый вид апелляционного производства включает в себя элементы полной и неполной апелляции. Новый вид апелляционного производства определен как смешанная апелляция [1]. При этом основным видом проверки постановлений суда первой инстанции является неполная апелляция, которая при существенных процессуальных нарушениях трансформируется в полную апелляцию.

Перечень полномочий суда апелляционной инстанции определен в ст. 328 ГПК РФ. С января 2012 года данная норма фактически не претерпела изменений. Аналогичные полномочия согласно ст. 269 Арбитражного процессуального кодекса РФ имеет суд апелляционной инстанции в арбитражном процессе.

Действующее гражданское процессуальное законодательство не предоставляет суду апелляционной инстанции право на отмену решения суда первой инстанции и направление дела на новое рассмотрение. Ключевым полномочием суда апелляционной инстанции является приня-

© Душнюк Н. В., 2013

тие по делу нового решения. Это основной способ устранения судебных ошибок в суде второй инстанции.

В Определении от 3 июля 2007 года № 623-О-П «По запросу Новооскольского районного суда Белгородской области о проверке конституционности абзаца четвертого ст. 328 ГПК РФ» Конституционный суд РФ признал, что абз. 4 ст. 328 ГПК РФ не может рассматриваться как препятствующий суду апелляционной инстанции в отмене решения мирового судьи в случае рассмотрения им дела с нарушением правил подсудности и направлении дела в тот суд, к подсудности которого данное дело отнесено законом, или (в случае, если данное дело подсудно самому суду апелляционной инстанции) принять его к своему производству в качестве суда первой инстанции. Аналогичную позицию высказал Верховный суд РФ, изложив ее в обзоре своей судебной практики за 3-й квартал 2002 года и указав на возможность отмены решения мирового судьи с направлением дела на новое рассмотрение в случае нарушения правил подсудности.

21 апреля 2010 года Конституционный суд РФ принял Постановление № 10-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 320, ч. 2 ст. 327 и ст. 328 ГПК РФ в связи с жалобами гражданки Е. В. Алейниковой и ООО “Три К” и запросами Норильского городского суда Красноярского края и центрального районного суда г. Читы», где в п. 3 и п. 4 указал, что в случае, когда мировым судьей был разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, которые не были привлечены к участию в деле, и лиц, участвующих в деле и не извещенных о времени и месте судебного заседания, суд апелляционной инстанции вправе отменить решение мирового судьи и направить дело на новое рассмотрение, поскольку разрешение спора по существу судом апелляционной инстанции противоречит принципу справедливости и основанным на нем конституционным гарантиям судебной защиты прав и свобод человека, нарушает закрепленное в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое судебное разбирательство в его толковании Европейским судом по правам человека.

Конституционный суд РФ пришел к выводу, что без предоставления данного полномочия суду апелляционной инстанции будут нарушены права лиц, не участвовавших в деле, на рассмотрение дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых по первой инстанции данное дело отнесено законом. Также эти лица имели возможность отстаивать свои права лишь в суде второй инстанции, что ставило их в заведомо неравное положение с иными лицами, привлеченными к участию в деле и извещенными надлежащим образом о заседании суда первой инстанции.

Следует отметить, что в данном постановлении Конституционный суд РФ указал законодателю на необходимость внести соответствующие изменения в нормы ГПК РФ. Однако при внесении в гл. 39 ГПК РФ изменений законодатель пошел по иному пути, предложив новое правовое регулирование работы судов второй инстанции в режиме полной и неполной апелляции.

Ученые-процессуалисты предлагают наделить суд апелляционной инстанции правом отменять решения суда первой инстанции и направлять дело на новое рассмотрение в случаях существенного нарушения норм процессуального права. То есть, когда решение отменяется в связи с нарушением норм процессуального права, перечисленных в ч. 4 ст. 330 ГПК РФ (безусловные основания для отмены решения) [10]. По мнению Л. А. Тереховой, только такой подход обеспечит лицам, как участвовавшим, так и не участвовавшим в деле, весь объем их процессуальных прав и возможностей. Будет разрешен и конфликт между Постановлением Конституционного суда РФ от 21 апреля 2010 года и ГПК РФ [12].

Вместе с тем, говоря о возможности предоставления судам апелляционной инстанции полномочия по направлению дел на новое рассмотрение в случае отмены судебных решений, не связанных с существенными нарушениями процессуальных требований, Б. И. Поспелов отмечает, что необходимости в этом нет, если законодатель в процессе законотворчества посредством опережающего видения проблемных вопросов, с учетом доктринальных положений процессуального права создаст эффективно действующий механизм апелляционного производства [7].

В настоящее время недочеты закона корректирует Верховный суд РФ, создавая нормативную судебную практику. Ряд вопросов, возникающих при реализации новых правовых норм, регламентирующих апелляционное производство, разъяснен в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 19 июня 2012 года № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции». Из п. 36 и п. 37 указанного Постановления следует, что при наличии безусловных оснований для отмены судебного решения суда первой инстанции направление дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции не допускается. Исключением является нарушение судом первой инстанции норм процессуального права, устанавливающих правила подсудности. В этом случае суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции на основании ч. 3 ст. 330 ГПК РФ, передает дело в суд первой

инстанции, к подсудности которого законом отнесено его рассмотрение. Право передачи дела на рассмотрение в суд первой инстанции предусмотрено и в п. 38 указанного постановления в случае отмены решения суда, которому отказано в иске в предварительном судебном заседании в связи с пропуском срока исковой давности или срока обращения в суд.

Перечень оснований для отмены или изменения решения суда первой инстанции в апелляционном порядке не претерпел значительных изменений. Такие основания определены в ст. 330 ГПК РФ, и в ч. 4 данной статьи утвержден перечень безусловных оснований для отмены судебного решения. Как указывает Ю. А. Тимофеев, это столь существенные нарушения процессуального законодательства, при наличии которых дело не может быть признано рассмотренным и разрешенным в судебном порядке, а итоговый акт суда первой инстанции не может быть признан судебным решением [13]. При наличии таких оснований для отмены решения суда первой инстанции суд апелляционной инстанции в силу ч. 5 ст. 330 ГПК РФ рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ. О переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции выносится определение с указанием действий, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, и сроков их совершения.

В силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью правовой системы РФ. В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» при осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ может являться основанием к отмене или изменению судебного акта.

Согласно разъяснениям указанного Постановления Пленума Верховного суда РФ, под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государства в целом, отклонение от которых недопустимо.

Т. Н. Нешатаева к устоявшимся международным, а точнее общеевропейским, принципам относит: 1) верховенство основных прав человека; 2) верховенство права; 3) право на суд; 4) субсидиарность (в значительной мере перекликается с общим принципом международного права невмешательства и неприменения силы) [6]. Вместе с тем стоит согласиться с мнением, высказанным В. В. Ершовым и Е. А. Ершовой о том, что перечень общепризнанных принципов международного права не может быть исчерпывающим [3].

Действовавшая до 1 января 2012 года редакция ст. 329 ГПК РФ указывала на две формы постановлений суда апелляционной инстанции. При вынесении нового решения, а также при изменении решения суд апелляционной инстанции принимал апелляционное решение. Отказывая в удовлетворении жалобы, прекращая производство по делу, оставляя заявление без рассмотрения, выводы суда апелляционной инстанции выражались в форме определения.

В настоящее время, независимо от выводов апелляционной инстанции, итоговым документом рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции является апелляционное определение, которое вступает в законную силу со дня его принятия (вынесения).

Вопрос о процессуальном оформлении действий суда апелляционной инстанции при отмене решения суда первой инстанции в связи с существенными процессуальными нарушениями обсуждался в юридической литературе. Так, Б. И. Поспелов полагает, что в случае отмены решения суда суд апелляционной инстанции должен вынести соответствующее определение, в котором необходимо указать на факт нарушения и констатировать процессуальные последствия, после чего вынести другое определение о подготовке дела к судебному разбирательству. В связи с чем следует внести изменения в закон, дополнив ст. 328 ГПК РФ п. 5 следующего содержания: «…отменить решение суда и перейти к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции», который будет корреспондировать с п. 5 ст. 330 ГПК РФ и определять процессуальные действия апелляционного суда после отмены судебного решения [8].

Р. В. Шакирьянов считает, что решение об отмене постановления суда первой инстанции апелляционной инстанцией выносится лишь по результатам рассмотрения дела по существу, этим же судебным постановлением принимается и решение по рассмотренному апелляционной инстанцией делу. Отмена решения суда первой инстанции еще при переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции привела бы к изменению действующих судоустройственных и судопроизводственных начал в гражданском судопроизводстве [14].

Высказанная Р. В. Шакирьяновым правовая позиция согласуется с разъяснением Верховного суда РФ, изложенным в п. 32 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 19 июня 2012 года № 13, согласно которому суд апелляционной инстанции при установлении в судебном

заседании предусмотренных ч. 4 ст. 330 ГПК РФ безусловных оснований для отмены судебного постановления суда первой инстанции на основании ч. 5 ст. 330 ГПК РФ выносит мотивированное определение о переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ, которыми обжалуемое судебное постановление суда первой инстанции не отменяется.

Положения ч. 5 ст. 330 ГПК РФ заимствованы из Арбитражного процессуального кодекса РФ, а именно из ранее действующей ч. 5 ст. 270 АПК РФ (ч. 6.1 ст. 268 АПК РФ действующей редакции). В ходе обсуждения указанной нормы права учеными-процессуалистами высказывались две разные позиции: 1) при отмене апелляционной инстанцией решения суда первой инстанции по безусловным основаниям должно выноситься одно судебное постановление, оканчивающее рассмотрение дела в апелляционном порядке [5]; 2) для реализации нормы ч. 5 ст. 270 АПК РФ одного судебного акта апелляционной инстанции недостаточно; необходимо выносить сначала определение апелляционной инстанции, которым отменяется судебное решение первой инстанции по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 270 АПК РФ, а затем, после рассмотрения спора по правилам первой инстанции, принимается окончательное постановление по его существу [9].

Согласно информационному письму Президиума Высшего Арбитражного суда РФ от 13 августа 2004 года № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса РФ», суд апелляционной инстанции принимает постановление об отмене решения и указывает в нем или в отдельном определении на переход к рассмотрению дела по правилам, установленным для рассмотрения дела в арбитражном суде первой инстанции. Однако в п. 29 Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 28 мая 2009 года № 36 «О применении Арбитражного процессуального кодекса РФ при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции» указано, что по результатам рассмотрения дела суд апелляционной инстанции, согласно п. 2 ст. 269 АПК РФ, выносит постановление, которым отменяет судебный акт первой инстанции с указанием обстоятельств, послуживших основаниями для отмены судебного акта, и принимает новый судебный акт. Соответствующее разъяснение получило свое отражение в ч. 6.1 ст. 268 АПК РФ.

Таким образом, аналогичные нормы ГПК РФ и АПК РФ в результате разъяснений высших судебных инстанций в итоге получили одинаковую реализацию в практической деятельности судов.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить, что немногим более года действуют изменения, внесенные в ГПК РФ, регламентирующие производство в суде апелляционной инстанции. Данный срок является незначительным, однако достаточным для выявления ряда спорных процессуальных вопросов. Дискуссии по вопросам реализации апелляционного производства позволят разрешить спорные вопросы правоприменения и ориентировать законодателя на дальнейшее его совершенствование.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова Е. А. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе: изменения в ГПК РФ // Закон. 2009. № 12. С. 171.
2. Гойденко Е. Г. Отмена не вступивших в законную силу судебных решений в гражданском процессе. Калуга: Полиграф-Информ, 2009. С. 120.
3. Ершов В. В., Ершова Е. А. Современные проблемы международного права // Российское правосудие. 2006. № 2. С. 25.
4. Зайцев М. И. Процессуальные функции гражданского судопроизводства. Саратов, 1990. С. 70–75.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу РФ / Под ред. В. В. Яркова. М.: Бек, 2003. С. 618.
6. Нешатаева Т. Н. Уроки судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М.: Городец, 2007. С. 30–31.
7. Поспелов Б. И. Проблемы правового регулирования полномочий суда апелляционной инстанции в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 3. С. 31–35.
8. Поспелов Б. И. Спорные вопросы нового законодательного регулирования апелляционного производства в гражданском процессе // Юрист. 2011. № 6. С. 26.
9. Приходько И. А. Судебная практика вносит коррективы // ЭЖ-Юрист. 2002. № 45. С. 5.
10. Проверка судебных постановлений в гражданском процессе стран ЕС и СНГ / Под ред. Е. А. Борисовой. М., 2007. С. 515.
11. Смагина Е. С. О некоторых новеллах и перспективах развития апелляционного производства в гражданском процессе // Юрист. 2011. № 14. С. 35–40.
12. Терехова Л. А. Система пересмотра судебных решений в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3.
13. Тимофеев Ю. А. Полномочия суда второй инстанции в гражданском процессе: современные проблемы. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 106.
14. Шакирьянов Р. В. О некоторых проблемах производства в суде апелляционной инстанции: изменения в ГПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2012. № 1. С. 42–50.

Dushnyuk N. V., Supreme Court of the Republic of Karelia, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

COURT OF APPEAL POWERS

The author of the article studies a question of pressing issue concerning the powers of the Court of Appeal in civil processes in light of the latest changes in civil procedural legislation, which became effective in 01.01.2012, and resolutions of the Constitutional Court of the Russian Federation, which were accepted earlier. Special attention is paid to the power of the appellate court to direct lawsuits to new trials in case of judgment cancellation. As an example of independent cancellation of a judicial act, the author singles out cases marked by the wrong application of conventional principles and norms of the international law and international treaties of the Russian Federation. The occurrence of problems in the civil procedural legislation is caused by the presence of legislation gaps, which are corrected by the Supreme Court of the Russian Federation. The question of procedural registration of the Court of Appeal acts aimed at cancellation of the first instance judgment due to essential procedural violations is studied by means of comparative analysis of the standards of the civil procedural legislation, the arbitration procedural legislation, and their official interpretation. The article also includes in-depth analysis of some scientist-processualists' positions on controversial procedural questions involving the question in focus.

Key words: civil procedure, court of appeal, powers of the court of appeal, send the case to a new trial

REFERENCES

1. B o r i s o v a E. A. Control of judicial decisions in civil procedures: changes in the code of civil procedure of the Russian Federation [Proverka sudebnykh postanovleniy v grazhdanskom protsesse: izmeneniya v GPK RF]. *Zakon.* 2009. № 12. P. 171.
2. G o y d e n k o E. G. *Otmena ne vstupivshikh v zakonnuyu silu sudebnykh resheniy v grazhdanskom protsesse* [Cancellation of judgments, which have not become effective in civil process]. Kaluga, Poligraf-Inform Publ., 2009. P. 120.
3. E r s h o v V. V., E r s h o v a E. A. Modern problems of international law [Sovremennye problemy mezhdunarodnogo prava]. *Rossiyskoye pravosudiye.* 2006. № 2. P. 25.
4. Z a y t s e v M. I. *Protsessual'nye funktsii grazhdanskogo sudoproizvodstva* [Procedural functions of civil legal proceedings]. Saratov, 1990. P. 70–75.
5. *Kommentarii k Arbitrazhnomu protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Comments on the Arbitration procedural code of the Russian Federation]. Moscow, Bek Publ., 2003. P. 618.
6. N e s h a t a e v a T. N. *Uroki sudebnoy praktiki o pravakh cheloveka: evropeyskiy i rossiyskiy opyt* [Jurisprudence lessons about human rights: European and Russian experience]. Moscow, Gorodets Publ., 2007. P. 30–31.
7. P o s p e l o v B. I. Problems of legal regulations of the court of appeal powers in civil procedures [Problemy pravovogo regulirovaniya polnomochiy suda apellyatsionnoy instantsii v grazhdanskom protsesse]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess.* 2012. № 3. P. 31–35.
8. P o s p e l o v B. I. Controversial questions of new legislative regulations of appeal proceedings in civil procedures [Spornye voprosy novogo zakonodatel'nogo regulirovaniya apellyatsionnogo proizvodstva v grazhdanskom protsesse]. *Yurist.* 2011. № 6. P. 26.
9. P r i k h o d ' k o I. A. Jurisprudence introduces amendments [Sudebnaya praktika vnosit korrektivy]. *EZh-Yurist.* 2002. № 45. P. 5.
10. *Proverka sudebnych postanovleniy v grazhdanskom protsesse stran ES i SNG* [Verification of judicial resolutions in civil procedures carried out in EU countries and in the Union of independent states]. Moscow, 2007. P. 515.
11. S m a g i n a E. S. About some short stories and prospects of development of appeal proceedings in civil procedures [O nekotorykh novellakh i perspektivakh razvitiya apellyatsionnogo proizvodstva v grazhdanskom protsesse]. *Yurist.* 2011. № 14. P. 35–40.
12. T e r e k h o v a L. A. System of revision of judgments in Code of civil procedure Russian Federation [Sistema peresmotra sudebnykh resheniy v GPK RF]. *Vestnik grazgdanskogo protsessa.* 2012. № 3.
13. T i m o f e e v Yu. A. *Polnomochiya suda vtoroy instantsii v grazhdanskom protsesse: sovremennye problemy* [Powers of the court of the second instance in civil procedure: modern problems]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. P. 106.
14. S h a k i r ' y a n o v R. V. About some problems in the court of appeal proceedings: changes in the Code of civil proceedings of the Russian Federation [O nekotorykh problemakh proizvodstva v sude apellyatsionnoy instantsii: izmeneniya v GPK RF]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa.* 2012. № 1. P. 42–50.

Поступила в редакцию 12.11.2012

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Юридические науки** **2013**

УДК 342.849.2

АННА ПАВЛОВНА УХАНОВА
преподаватель кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
anna.ukhanova@onego.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К СОДЕРЖАНИЮ И СТАДИЯМ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Исследуется современное содержание понятия избирательного процесса в Российской Федерации, его стадии. Установлено, что избирательный процесс определяется как через его нормативное содержание, так и через последовательность действий его участников. Наиболее удачным современным подходом к раскрытию структуры избирательного процесса является выделение трех составляющих его компонент: субъектной, технологической и институциональной. Однако последние изменения в нормативном регулировании порядка применения информационных технологий при проведении выборов обусловливают необходимость расширить принятое в научной среде содержание технологической компоненты избирательного процесса. Ее содержание необходимо раскрывать в том числе через такой признаваемый в электоральной практике элемент, как ресурсное обеспечение выборов. В свою очередь, к ресурсному обеспечению выборов следует относить: Государственную автоматизированную систему Российской Федерации «Выборы»; электронное голосование и подсчет голосов; организацию видеонаблюдения за ходом голосования. Сформулированные предложения по уточнению и дополнению содержания стадий избирательного процесса будут способствовать выявлению их значения для организации выборов и реализации избирательных прав граждан Российской Федерации. Также эти предложения могут быть учтены при внесении изменений в действующее избирательное законодательство.

Ключевые слова: избирательный процесс, стадии избирательного процесса, субъектная, технологическая и институциональная компоненты избирательного процесса, информационные технологии на выборах, право граждан на информацию о выборах

Избирательный процесс – понятие, которое на сегодняшний день в российском законодательстве не определено. В связи с отсутствием нормативной дефиниции оно по-разному трактуется в академической среде. Так, А. В. Зиновьев и И. С. Поляшова, обобщая существующие варианты установления содержания понятия избирательного процесса, приводят следующие его трактовки: подинститут избирательной системы, представляющей совокупность юридических норм различной отраслевой принадлежности (материальных, процессуальных, процедурных); особый вид деятельности, отличающейся комплексным, полиструктурным и полифункциональным характером, поскольку охватывает действия всех его субъектов (государственных органов, избирательных комиссий, граждан, их политических объединений и т. д.) [2].

Как видно, избирательный процесс определяется и через его нормативное содержание, и через последовательность действий его участников, что свидетельствует о многозначности данного понятия. По нашему мнению, наиболее удачное определение, отражающее такую многозначность, приведено С. Д. Князевым. Он определяет избирательный процесс как систему правоотношений, обеспечивающих в установленной последовательности динамику избирательной кампании [3; 14], и выделяет три его компоненты: *субъектную*, *технологическую* и *институциональную* (стадийную) [3; 16]. Субъектная компонента охватывает участников избирательной кампании, технологическая – сроки и избирательные документы, институциональная – стадии подготовки и проведения выборов, формирующихся на основе избирательных действий и этапов [3; 15–19]. Если исходить из такой структуры избирательного процесса, то можно представить его нормативное воплощение следующим образом.

Субъектная компонента с точки зрения Конституции Российской Федерации[1], Федерального закона от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[2] (далее – Закон «Об основных гарантиях…»), процессуального законодательства охватывает следующий круг лиц: граждане; иностранные граждане; избирательные комиссии; избирательные объединения; наблюдатели; органы муниципальной власти; органы государственной власти; организации, осуществляющие выпуск СМИ; охранительные органы.

Технологическая компонента в части определенных законодательством сроков, в течение которых совершаются юридически значимые действия участников избирательного процесса, включает в себя общий и специальные сроки

© Уханова А. П., 2013

в зависимости от круга лиц и характера совершаемых ими действий.

К общему сроку, на наш взгляд, следует отнести срок проведения избирательной кампании. Как закреплено в п. 19 ст. 2 Закона «Об основных гарантиях», это деятельность по подготовке и проведению выборов, осуществляемая в период со дня официального опубликования (публикации) решения уполномоченного на то должностного лица, государственного органа, органа местного самоуправления о назначении выборов до дня представления избирательной комиссией, организующей выборы, отчета о расходовании средств соответствующего бюджета, выделенных на подготовку и проведение выборов. Общим данный срок является в связи с тем, что охватывает осуществление действий всех участников избирательного процесса.

Между тем из буквального толкования приведенной нормы следует, что срок избирательной кампании не охватывает период, в рамках которого уполномоченное должностное лицо или орган власти принимает решение о назначении выборов, а также годичный период, в течение которого допускается оспаривание итогов голосования и (или) результатов выборов. Мы не усматриваем здесь каких-либо теоретических или практических проблем: институт сроков призван стабилизировать и упорядочить избирательные отношения; период избирательной кампании по существу связан с непосредственным формированием органа власти; возможность оспаривания решений, действий (бездействий) участников избирательного процесса, выходящих за пределы срока избирательной кампании, законодательно гарантирована.

Специальные сроки – те, что имеют ограничения по кругу субъектов и по характеру совершаемых ими действий. К таким срокам следует отнести сроки назначения выборов; формирования и осуществления деятельности избирательных комиссий; выдвижения и регистрации кандидатов, списков кандидатов; проведения агитации; формирования специальных избирательных фондов кандидатов и избирательных объединений; представления финансовых отчетов кандидатов и избирательных объединений; определения итогов голосования, результатов выборов и их опубликования; обжалования решений, действий (бездействий) участников избирательного процесса, принятия решения по жалобам.

Особенность как общего, так и специальных сроков в том, что они являются пресекательными, что также направлено на стабилизацию избирательного процесса. Несоблюдение соответствующим участником избирательного процесса таких сроков влечет за собой негативные последствия, которые, в свою очередь, связаны как с утратой возможности совершить должные юридически значимые действия в последующем, так и с применением к просрочившему лицу мер ответственности, как правило, административной и конституционно-правовой (например, невозможность выдвижения кандидата или подачи документов для его регистрации по истечении сроков выдвижения, регистрации; привлечение к административной ответственности за проведение агитации за пределами установленного срока; прекращение производства по делу об отмене регистрации кандидата в связи с истечением предельного срока для рассмотрения заявления и т. д.).

Касательно *процессуальных документов* следует отметить, что законодатель подвергает их четкому нормативному регулированию. Это обусловлено тем, что документы, оформляющие юридически значимые решения и действия участников избирательного процесса, обеспечивают реализацию избирательных прав или устанавливают ограничения. Так, можно выделить постановления, акты (неопределенные по наименованию письменные решения) избирательных комиссий; акты кандидатов и избирательных объединений о выдвижении кандидатов (списков кандидатов), назначении доверенных лиц, финансовых уполномоченных, наблюдателей, снятии кандидата (списков кандидатов) с выборов; постановления судов; протоколы и постановления административных органов; акты прокурорского реагирования.

Важность избирательных документов сложно переоценить, поскольку они материализуют избирательный процесс. Как заключает А. А. Макарцев, «избирательные документы, которые закрепляют разнообразные факты и данные, имеющие непосредственное правовое значение для организации и проведения избирательных кампаний, имеют большое значение в определении количественных показателей выборов» [4; 30]. В свою очередь, представленная А. А. Макарцевым концепция использования количественных показателей выборов как обобщение числовых характеристик избирательного процесса имеет методологическое значение для рассмотрения дел об оспаривании итогов голосования и результатов выборов несмотря на то, что единого подхода правоприменителя к определению «действительного волеизъявления избирателей» нет.

С учетом последних изменений, касающихся технического обеспечения избирательного процесса, нам видится необходимым расширить содержание технологической компоненты избирательного процесса *ресурсной составляющей*, к которой целесообразно отнести: 1) Государственную автоматизированную систему Российской Федерации «Выборы» (ГАС «Выборы»); 2) электронное голосование и подсчет голосов; 3) организацию видеонаблюдения за ходом голосования. Наша позиция основана на действую-

щей регламентации использования соответствующих технических средств.

Так, в преамбуле Федерального закона от 10.01.2003 № 20-ФЗ «О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы”»[3] сказано, что использование ГАС «Выборы» при подготовке и проведении выборов и референдума является одной из гарантий реализации прав граждан РФ на основе обеспечения гласности, достоверности, оперативности и полноты информации о выборах и референдуме. В свою очередь, в п. 2 ст. 5 названного закона статус ГАС «Выборы» определен следующим образом: применяется для автоматизации информационных процессов подготовки и проведения выборов и референдума, обеспечения деятельности избирательных комиссий, комиссий референдума, а также для решения задач, не связанных с выборами и референдумом, в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами, нормативными правовыми актами Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК РФ).

Использование технических средств электронного голосования и подсчета голосов обусловлено положениями ст. 64, 68 и 74 Закона «Об основных гарантиях…». В этой связи ЦИК РФ применительно к соответствующим выборам принимает постановление, регламентирующее использование технических средств.

На сегодняшний день на выборах могут быть использованы такие виды технических средств подсчета голосов, как комплексы обработки избирательных бюллетеней (КОИБ) и комплексы для электронного голосования (КЭГ).

При этом использование КОИБ допускается по согласованию ЦИК РФ по запросам комиссий субъектов Российской Федерации. Так, например, Постановлением Центральной избирательной комиссии РФ № 137–1058/6 от 28.08.2012 «Об использовании технических средств подсчета голосов – комплексов обработки избирательных бюллетеней при проведении выборов в единый день голосования 14 октября 2012 года на территории Республики Дагестан, Республики Мордовия, Самарской области, Смоленской области, Ульяновской области»[4] согласовано использование комплексов обработки избирательных бюллетеней на соответствующих муниципальных и региональных выборах.

Порядок электронного голосования с использованием комплексов для электронного голосования на выборах, проводимых в Российской Федерации, утвержден постановлением ЦИК РФ № 31/276–6 от 07.09.2011. Согласно данному постановлению, решение о проведении электронного голосования принимается ЦИК Российской Федерации или по ее поручению соответствующей избирательной комиссией субъекта РФ. При этом порядок электронного голосования устанавливает голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, подсчета голосов избирателей и установления итогов голосования на избирательном участке, устанавливает форму протокола участковой комиссии об итогах голосования, а также особенности установления вышестоящими комиссиями итогов электронного голосования и определения результатов выборов с учетом итогов электронного голосования.

Электронное голосование проводится с применением комплексов для электронного голосования, с использованием электронных бюллетеней – бюллетеней, подготовленных в электронном виде программно-техническими средствами ГАС «Выборы».

При этом постановление, видимо, в связи с тем, что электронное голосование проходит апробацию как недавно внедренная система, ограничивает количество избирательных участков, где проводится электронное голосование, одним процентом от числа избирательных участков, образованных на территории, на которой проводятся выборы, при условии, что задействовано будет не менее пяти избирательных участков.

Впервые в Российской Федерации на выборах президента РФ 04.03.2012 на избирательных участках была использована система видеонаблюдения. Такая ресурсная составляющая в день голосования, безусловно, была направлена на обеспечение принципа гласности в деятельности избирательных комиссий, исключение фальсификации итогов голосования, а в итоге и на обеспечение свободного волеизъявления граждан.

Порядок видеонаблюдения в помещении для голосования на выборах президента Российской Федерации 4 марта 2012 года был утвержден постановлением ЦИК РФ № 82/635–6 от 27.12.2011[5]. Как было установлено в п. 1.1 и 2.3 Порядка, средства видеонаблюдения и трансляции изображения представляют собой технические устройства, предназначенные для видеонаблюдения за процедурой голосования и подсчета голосов избирателей, происходящей в помещении для голосования участка, и трансляции их изображения. Объектами видеонаблюдения являлись: помещение для голосования в целом (камера видеонаблюдения № 1); места выдачи избирателям избирательных бюллетеней и работы со списками избирателей (камера видеонаблюдения № 1); стационарные и переносные ящики для голосования (камера видеонаблюдения № 2); места погашения неиспользованных и непосредственного подсчета использованных избирательных бюллетеней (камера видеонаблюдения № 2).

По нашему мнению, нельзя не согласиться с отмеченным в п. 1.1 Порядка значением совре-

менных информационных технологий в электоральном процессе: оптимизация деятельности избирательных комиссий; повышение уровня доверия граждан к избирательному процессу; обеспечение максимальной открытости и гласности процедуры голосования и подсчета голосов. На сегодняшний день порядок применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в помещениях для голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации, регулируется Постановлением ЦИК РФ от 26.09.2012 № 142/1076–6, который носит универсальный характер[6].

Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, как видно из доклада ее председателя В. Е. Чурова «Техническое обеспечение выборов и электронного голосования в Российской Федерации», подчеркивается, что «организаторам выборов необходимо работать над тем, чтобы технологическое обеспечение избирательных процедур соответствовало пониманию и ожиданиям информационного общества. Информация должна быть открыта для широкой общественности и предоставляться с гарантией достоверности и полноты… Прошедший цикл федеральных выборов ознаменовался широкомасштабным применением технических устройств, которые использовались на избирательных участках во всех 83 регионах страны»[7].

Помимо оценки важной роли информационных технологий в электоральном процессе, в докладе отмечена перспектива «автоматизирования работы участковых избирательных комиссий в части формирования электронного протокола об итогах голосования, подписанного с использованием электронно-цифровой подписи членами комиссии, и его автоматизированную передачу в ГАС “Выборы”».

Таким образом, ресурсное обеспечение избирательной кампании является важной составляющей технологической компоненты современного избирательного процесса.

Институциональная компонента избирательного процесса раскрывается через его стадии, которые, в свою очередь, по-разному определяются в научной литературе.

Например, И. Б. Борисов считает, что хотя стадии избирательного процесса по-разному закреплены в законодательстве каждого отдельного государства, тем не менее всегда относительно универсальны и независимо от конкретной страны включают в себя:

• назначение выборов;

• формирование инфраструктуры для проведения выборов;

• выдвижение и регистрация кандидатов, списков кандидатов;

• информационное обеспечение выборов, включая агитацию;

• голосование, подсчет голосов, установление результатов и их обнародование [1].

С. Д. Князев выделяет основные и факультативные стадии избирательного процесса. Основными являются следующие стадии:

• назначение выборов;

• формирование организационно-технологической основы выборов;

• выдвижение и регистрация кандидатов (списков кандидатов);

• агитация при проведении выборов;

• голосование на выборах;

• определение итогов голосования, результатов выборов и их легитимация.

К факультативным стадиям С. Д. Князев относит следующие:

• стадия переноса выборов;

• дополнительное выдвижение кандидатов;

• повторное голосование [3; 21].

Последняя классификация представляется нам наиболее оправданной, поскольку она имеет свое нормативное обрамление, в частности при регулировании сроков таких стадий, о которых речь шла выше.

Между тем следует отметить, что стадийность, поскольку она в современном российском законодательстве нормативно определяется достаточно четко, требует более точных формулировок. В этой связи стадия легитимации итогов голосования, результатов выборов нуждается в некотором разъяснении. В свете положений ст. 72 Закона «Об основных гарантиях…» под такой легитимацией следует понимать опубликование (обнародование) результатов выборов.

Кроме этого, поскольку материальные гарантии реализации прав не могут быть обеспечены без соответствующих охранительных механизмов, следует приведенную классификацию факультативных стадий дополнить стадией обжалования итогов голосования, результатов выборов, что закреплено в ст. 77 Закона «Об основных гарантиях…», ст. 259 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[8].

Мы считаем, что сформулированные предложения по уточнению и дополнению содержания стадий избирательного процесса будут способствовать выявлению их значения для организации выборов и реализации избирательных прав граждан Российской Федерации. Также эти предложения могут быть учтены при внесении изменений в действующее избирательное законодательство.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.

[2] Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (в редакции от 05.04.2013) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[3] О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Выборы». Федеральный закон от 10.01.2003 № 20-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. 13 янв. № 2. Ст. 172.

[4] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации № 137–1058/6 от 28.08.2012 «Об использовании технических средств подсчета голосов – комплексов обработки избирательных бюллетеней при проведении выборов в единый день голосования 14 октября 2012 года на территории Республики Дагестан, Республики Мордовия, Самарской области, Смоленской области, Ульяновской области» // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cikrf.ru/law/decree_of_cec/2012/08/28/Zp121058.html

[5] Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации № 82/635–6 от 27.12.2011 «О порядке видеонаблюдения в помещении для голосования на выборах Президента Российской Федерации 4 марта 2012» // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cikrf.ru/law/decree_of_cec/2011/12/27/Zp11635.html

[6] О порядке применения средств видеонаблюдения и трансляции изображения в помещениях для голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации. Постановление ЦИК РФ от 26.09.2012 № 142/1076–6 // Вестник ЦИК России. 2012. № 10.

[7] Доклад председателя Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В. Е. Чурова «Техническое обеспечение выборов и электронного голосования в Российской Федерации» // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cikrf.ru/news/relevant/2012/07/19/doclad_churov_tech.html

[8] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 26.04.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 18 ноября. № 46. Ст. 4532.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисов И. Б. Электоральный суверенитет. М.: РОИИП, 2010. 51 с.
2. Зиновьев А. В., Полянова И. С. Избирательная система России: теория, практика и перспективы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 359 с.
3. Князев С. Д., Цырфа В. М. Избирательный процесс в Российской Федерации. Понятие, структура, стадии. Хабаровск: Избирательная комиссия Хабаровского края, 2000. 112 с.
4. Макарцев А. А. Количественный фактор как средство отражения действительной воли избирателей при разрешении избирательных споров // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 5. С. 29–32.

Ukhanova A. P., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MODERN APPROACH TO CONTENT AND STAGES OF ELECTORAL PROCESS IN RUSSIAN FEDERATION

The article reveals modern approaches to the definition of electoral process in the Russian Federation. The stages of electoral process inherent to the Russian Federation are also determined. It was established that the electoral process in focus can be defined both through the content of its regulations and a succession of actions undertaken by its participants. The most apposite approach to the understanding of the essence and structure of the studied electoral process is achieved by singling out its three components: subjective, technological, and institutional. However, the latest legislative changes related to information technologies' use during elections revealed the need to expand the content of the technological component. This extension is reached by the inclusion of "resource's provision" element into the essence of technological component. Resources' provision includes: state automated system of the Russian Federation "Elections", electronic voting system, and video surveillance. Proposals made in the article contribute to a deeper understanding of the electoral process structure in the Russian Federation, which in turn leads to the improvement of electoral management and realization of the citizens' electoral rights. These proposals can also be considered when changes in electoral legislation are made.

Key words: electoral process, stages of electoral process, subjective, technological, and institutional components of electoral process, informational technologies during elections, the right for information about elections

REFERENCES

1. Borisov I. B. *Elektoral'nyy suverenitet* [Electoral sovereignty]. Moscow, ROIIP Publ., 2010. 51 p.
2. Zinov'ev A. V., Polyashova I. S. *Izbiratel'naya sistema Rossii: teoriya, praktika i perspektivy* [Electoral system of Russia: theory, practice, and perspectives]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2003. 359 p.
3. Knyazev S. D., Tsyrfa V. M. *Izbiratel'nyy protsess v Rossiyskoy Federatsii. Ponyatie, struktura, stadii* [Electoral process in the Russian Federation: definition, structure, stages]. Khabarovsk, Izbiratel'naya komissiya Khabarovskogo kraya, 2000. 112 p.
4. Makartsev A. A. Quantitative factor as a remedy to reflect a real will of voters during electoral disputes' resolution [Kolichestvennyy faktor kak sredstvo otrazheniya deystvitel'noy voli izbirateley pri razreshenii izbiratel'nykh sporov]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State authority and local government]. 2010. № 5. P. 29–32.

Поступила в редакцию 13.05.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Рецензии** **2013**

УДК 94(470)“1941/1945”

СЕРГЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВЕРИГИН
доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
verigin@psu.karelia.ru

Рец. на кн.: **Макуров В. Г. Великая Отечественная война в Карелии: Историографический очерк. – Петрозаводск: ООО «Строительный стандарт», 2012. – 43 с.**

В 2012 году небольшим тиражом (100 экз.) и объемом (2,1 усл.-печ. л.) вышла в свет работа старшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН, канд. ист. наук В. Г. Макурова «Великая Отечественная война в Карелии: Историографический очерк» (далее – «Историографический очерк»). Изучение историографии Великой Отечественной войны всегда актуально. Поэтому появление новой историографической работы в Карелии можно только приветствовать.

Во введении В. Г. Макуров сформулировал главную задачу – дать информационно-аналитический обзор литературы и источников по данной теме, подвести итоги ее изучения, определить направления дальнейших исследований. Однако эта задача оказалась нереализованной. Историографическое издание предполагает, что его автор выделит основные этапы исследования проблемы. Они определяются обычно двумя обстоятельствами: с одной стороны, теми политическими и идеологическими установками, которые господствовали в государстве в тот или иной период его развития; с другой стороны, наличием достаточной и доступной для исследования темы источниковой базы. Однако четко выделить и обосновать периоды развития историографии общей темы «Карелия в Великой Отечественной войне» В. Г. Макурову не удалось. Изложение материала не имеет четко определенной структуры, что затрудняет его восприятие. Автор «Историографического очерка» допустил целый ряд методологических ошибок. Во-первых, историография истории Карелии периода войны не может существовать отдельно от общесоюзной и российской историографии. Наличие одной ссылки на общесоюзные издания [10; 3] не решает эту проблему. Работа В. Г. Макурова создает впечатление определенной изолированности карельской историографии от общероссийской. Более того, автор вообще не упоминает о работах исследователей республики по различным проблемам истории Карелии периода Великой Отечественной войны, которые публиковались в общероссийских изданиях Москвы и С.-Петербурга [5], [6]. За рамками остаются и общероссийские исторические журналы, на страницах которых карельскими историками излагались отдельные аспекты названной темы. Так, например, автор обошел вниманием журнал «Отечественная история» № 4 за 2006 год, в котором были опубликованы материалы круглого стола «Советская Карелия в пространстве оккупации: 1941–1944 годы», подготовленные С. Г. Веригиным, О. А. Киселевой, О. И. Кулагиным, Э. П. Лайдиненом, Г. В. Чумаковым, Т. В. Никулиной [11; 70–87]. Во-вторых, как уже отмечалось, развитие историографии напрямую зависит от наличия и доступности для исследователей исторических документов. В. Г. Макуров выделяет раздел об источниках, но не связывает его с развитием историографии, хотя именно рассекречивание архивных документов в конце 1980-х – начале 1990-х годов позволило историкам приступить к изучению слабо освещенных страниц военной истории и в итоге определило новый этап развития историографии.

Непонятны принципы отбора литературы для «Историографического очерка». Странным является включение в него одних работ и полное игнорирование других. Это касается всех периодов развития данной проблемы. Так, анализируя литературу 1950–1980-х годов, В. Г. Макуров справедливо включает в этот раздел книги и статьи по военным сражениям на Карельском фронте [10; 8], но многочисленные и очень важные работы по партизанскому и подпольному движению в республике (А. А. Шпак, А. И. Смирнова и др.) остались за рамками исследования. В «Историографическом очерке» вообще не упоминаются некоторые авторы (например, Ю. М. Килин, Э. П. Лайдинен), которые внесли весомый вклад в разработку истории Великой Отечественной войны в Карелии. Удивительно и то, что В. Г. Макуров обошел вниманием издания, которые имели не только научную значимость, но и вызвали большой общественный резонанс как в России, так и в Финляндии. Причем это касается и российских, и финляндских исследователей. Приведем один пример. В 2007 году известный карельский писатель-документалист К. В. Гнетнев опубликовал книгу «Тайны лесной войны. Партизанская война в Карелии 1941–1944 годов в воспоминаниях, фотографиях и документах». Ценность ее – в собрании доверительных рассказов партизан Карельского фронта, свободных от цензуры и затрагивающих острые «непопулярные» для

© Веригин С. Г., 2013

обсуждения темы: бессмысленные приказы и чрезмерная жесткость командования, расстрелы своих бойцов за совершенные ими проступки, добивание раненых и др. Большой общественный резонанс в Финляндии и Карелии получила книга Вейкко Эрккиля «Замалчиваемая война. Нападения советских партизан на финские деревни», вышедшая в Хельсинки в 1999 году. Это результат расследования, проведенного автором в 1995–1998 годах. За это время В. Эрккиля совершил 34 поездки в Россию, встретился с 19 бывшими партизанами, участвовавшими в рейдах на территории Финляндии. В. Эрккиля утверждает, что партизаны убили 147 мирных финляндских жителей. Основной причиной нападения партизан на гражданские объекты был страх не выполнить задание [13; 109, 224]. Вторая возможная причина террора партизан против мирных финляндских жителей – стремление советского правительства запугать Финляндию и таким образом заставить ее выйти из войны. В 2011 году крупнейшее финское издательство «Отава» выпустило новую книгу этого автора – «Последнее утро. Замолчанные следы советских партизан» [14]. В ней В. Эрккиля, продолжая прежнюю тему, рассказывает о трагедии небольших приграничных поселений в Лапландии, которые подверглись нападениям советских партизанских отрядов в 1941–1944 годах. Корни жесткости В. Эрккиля видит в связи между партизанским движением и репрессивным аппаратом советских органов государственной безопасности. По мнению автора, за годы войны от рук советских партизан погибло около 170 мирных жителей Финляндии [14; 7].

Казалось бы, в «Историографическом очерке» необходимо затронуть эту сложную и болезненную тему для российско-финляндских отношений, дать объективную оценку этим событиям, изложить российскую точку зрения, чтобы прекратить политические спекуляции, которые еще присутствуют в СМИ соседней страны. Но В. Г. Макуров обходит этот вопрос, не упоминая ни работы К. В. Гнетнева, ни книги В. Эрккиля.

Финляндская историография слабо представлена в «Историографическом очерке». Его автор ограничился одним абзацем, в котором перечислил некоторые работы финляндских исследователей, переведенные на русский язык [10; 19]. В. Г. Макуров пишет, что на оккупированной территории республики проживало немногим более 80 тыс. чел. [10; 14]. Эти данные появились в работах карельских историков еще в 1950-х годах и затем переходили из одного исследования в другое. Но есть точная статистика финляндских архивов и авторов, которая основана на переписи местного населения, проведенной финской оккупационной администрацией в конце 1941 года. Она гласит, что численность гражданского населения, проживавшего на оккупированной территории, на декабрь 1941 года составляла 86 119 чел., в том числе «национального населения» (финно-угорского) – 35 919 чел.; «ненационального населения» (русских и представителей других народов, не относящихся к финно-угорским народам) – 50 200 чел. [15; 106].

Не вызывает удовлетворения и выделенный отдельно в «Историографическом очерке» раздел «Источники». Во-первых, он очень неполный, в нем отсутствуют важные составные части источниковой базы – статистика и периодическая печать. Во-вторых, автор путает источники с литературой. В раздел литературы он включил воспоминания Г. Н. Куприянова, К. А. Мерецкова, В. А. Фролова, П. С. Прокконена [10; 20], а также сборники документов («Петрозаводск. Хроника трех столетий. 1703–2003» и др.), которые должны быть представлены в разделе «Источники». К сожалению, В. Г. Макуров не упоминает о таком важнейшем источнике, каким является устная история. Уходит из жизни поколение фронтовиков и тружеников тыла, поэтому тем ценнее становятся интервью с ними. Надо заметить, что в настоящее время устные воспоминания ветеранов свободны от всякой цензуры. В 2007 году центр устной истории ПетрГУ выпустил сборник «Устная история в Карелии…» [12], в который включены как свидетельства заключенных финских трудовых и концлагерей, так и воспоминания представителей финно-угорского населения, проживавших «на свободе». Но и этот важнейший источник остался за рамками «Историографического очерка». Не менее важной частью источниковой базы являются архивные документы, однако автор только перечисляет центральные и региональные архивы. Можно и далее указывать на то, что не отражено в «Историографическом очерке».

Читая очерк, сталкиваешься с недопустимым для исследователя явлением – искажением фактов. Покажем это на примере анализа монографии С. Г. Веригина «Карелия в годы военных испытаний…» [3]. В. Г. Макуров критикует хронологические рамки гл. V «Карелия на заключительном этапе военных действий (лето 1944 года – осень 1945 года)», отмечая, что в заголовке главы (да и в названии книги) обозначены хронологические рамки Второй мировой войны, а на самом деле автор «закрывает» все вопросы до мая 1945 года [10; 16]. Но сразу возникает вопрос: что это – либо сознательное искажение фактов, изложенных в монографии, либо просто невнимательное чтение самой работы. Так, на с. 445 указанной главы подводятся итоги выпуска валовой промышленной продукции республики за весь 1945 год (а не только до мая 1945 года). Более того, автор монографии в ряде случаев даже выходит за обозначенные хронологические рамки Второй мировой, приводя, например, данные по восстановлению промышленных предприятий,

колхозов, МТС и совхозов на начало 1946 года [3; 445]. Также В. Г. Макуров выдергивает отдельные цитаты из общего контекста, а затем делает чуть ли не политические выводы. Так, касаясь партизанской проблематики, он пишет: «Наверное, в какой-то мере справедливо замечает исследователь С. Г. Веригин, что большинство исследований и мемуаров по данной проблематике были написаны в советское время… Они идеологизированы и политизированы. Основной упор в них сделан на показ патриотизма, героизма и мужества партизан… Партийно-государственная цензура принуждала авторов изображать только положительные и победоносные стороны партизанского движения, опуская при этом тяжелые и трагические стороны партизанской войны на Севере… Официальная политика 1950-х – начала 1980-х годов, требовавшая отражать только положительные факты в изображении как партизанского движения в военный период, так и в целом истории Великой Отечественной войны, неизбежно приводила не только к возникновению научной цензуры, но и появлению самоцензуры и у авторов научных работ, и у самих ветеранов, пишущих мемуары». Непонятно, почему у В. Г. Макурова возникают вопросы: существовал ли патриотизм и героизм у советских людей в борьбе с агрессорами-завоевателями? Какие основные факторы были в основе обеспечения победы нашего народа в Великой Отечественной войне в целом и в частности на Европейском Севере? [10; 15].

Автор монографии «Карелия в годы военных испытаний…» [3] ни в коем случае не принижает патриотизм и героизм советского народа, о которых подробно рассказывается на страницах исследования. Он останавливается на недостатках и упущениях в организации партийно-политической работы в военный период, а также показывает особенности отражения вопросов партизанского движения в литературе 1950-х – начала 1980-х годов. То же самое касается и вопросов возрождения народного хозяйства. В. Г. Макуров пишет, что в работе нет характеристики тяжелейшего социально-экономического положения республики после освобождения от оккупации, данных об ущербе, нанесенном северному краю, однако уделено более чем достаточное внимание военнопленным и спецпоселенцам, участвовавшим в восстановительных работах. И далее следует опять чуть ли не политический вывод: возрождение Карелии из пепла делалось усилиями и руками народа, о чем не следует забывать нынешним и будущим поколениям российских граждан [10; 17]. Но непредвзятое чтение монографии показывает, что и ущерб, нанесенный республике в годы оккупации, и самоотверженный труд советских людей по возрождению экономики и культуры достаточно полно отражены на страницах книги [3; 435, 436, 440, 442], а внимание к военнопленным и спецпоселенцам объясняется тем, что до последнего времени эта тема была закрыта для исследователей и только сейчас начинается разрабатываться историками, в частности коллегой В. Г. Макурова Л. И. Вавулинской [1].

Остановимся на закрытой ранее теме коллаборационизма, освещенной впервые в монографии «Карелия в годы военных испытаний…» [3]. Этого факта не замечает В. Г. Макуров, зато отмечает, что автору монографии недостает четкой оценки в отношении сотрудничивших с оккупантами. У него возникает вопрос об анализе ранее секретной использованной информации и соответствующих авторской позиции выводах [10; 17]. В. Г. Макуров не увидел, а может, просто и не хотел увидеть, что анализ ранее закрытых секретных архивных документов, извлеченных из ведомственных архивов (Архива ФСБ РФ по РК и Архива МВД РК) позволил автору монографии выделить основные группы коллаборации в республике: политическую, экономическую (хозяйственную), военную и культурную и дать им оценку [3; 389]. Что касается поставленных вопросов в монографии по этой теме, то они действительно имели место в 2009 году, на момент издания. Монография носила комплексный характер и не могла со всей полнотой осветить эту тему, требующую специального изучения. Но на поставленные вопросы были даны исчерпывающие ответы в следующей монографии С. Г. Веригина, специально посвященной этой проблеме «Предатели или жертвы войны…» [4]. Однако эта книга вообще не упоминается В. Г. Макуровым.

В. Г. Макуров подверг критике § 2 гл. V «О планах ликвидации Карело-Финской ССР в августе 1944 года» монографии [3] только за то, что он написан на основе неопубликованных воспоминаний секретаря ЦК КП (б) КФССР, члена Военного совета Карельского фронта Г. Н. Куприянова. Но автор монографии провел еще тщательный источниковедческий анализ проблемы по документам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) (ранее – Центральный партийный архив) и Архива Президента РФ (АПРФ) [3; 430–432]. Документы свидетельствуют, что данный вопрос рассматривался 30 августа 1944 года на Секретариате ЦК ВКП (б) и по его итогам было принято постановление «О недостатках массово-политической работы среди населения районов КФССР, освобожденных от финской оккупации», которое было опубликовано в печати.

Анализ историографии любой исторической проблемы предполагает не только подведение итогов, но и определение дальнейших направлений исследования. Это попытался сделать автор «Историографического очерка», сформулировав 7 возможных направлений [10; 30, 31]. Но многие из них уже давно изучаются историками

(начало Великой Отечественной войны и перестройка всей жизни республики на военный лад; ход боевых операций на Карельском фронте на разных этапах войны и др.), по этим сюжетам изданы многочисленные книги, статьи. В то же время целый ряд тем, которые до последнего времени были закрыты для историков, остались за рамками внимания В. Г. Макурова: проблемы коллаборационизма, вопросы противоборства советской контрразведки и финской разведки в годы Второй мировой войны, новые подходы к истории партизанского движения, повседневная жизнь населения в зоне финской оккупации и др. Научные споры по этим вопросам часто выходят за рамки академических дискуссий и несут на себе отпечаток крайней политизированности. Судя по «Историографическому очерку», новые направления и подходы в исследовании темы, связанные с расширением документальной базы, вызывают неприятие автора, хотя именно документы позволяют глубже раскрыть суровую правду войны, осветить ее ранее запретные страницы. Они нисколько не принижают подвиг воинов Красной армии и тружеников тыла (чего опасается автор), а еще ярче показывают, что в тяжелейшие годы войны советский народ выдержал все испытания и вышел победителем.

Вызывает недоумение выбор рецензентов для данного издания. Первый из них – Н. А. Кораблев, ст. науч. сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН, канд. ист. наук, для которого данная проблема не является приоритетной. По этой тематике им опубликовано несколько небольших по объему статей в соавторстве с В. Г. Макуровым. Второй рецензент – В. Н. Копанев, старший преподаватель Петрозаводского филиала С.-Петербургской Академии управления и экономики, публикует статьи по разнообразной тематике: от проблем строительства Беломорканала [7] до Карибского кризиса, опять же в соавторстве с В. Г. Макуровым [8]. Но он недавно стал заниматься проблемами истории Карелии периода Великой Отечественной войны, опубликовав несколько небольших по объему статей [9]. Рецензирование историографического издания, на наш взгляд, требовало обращения к ведущим специалистам по истории Великой Отечественной войны в Карелии.

Не очень понятен и тот факт, что В. Г. Макуров, будучи сотрудником КарНЦ РАН, решил напечатать «Историографический очерк» без грифа столь солидного учреждения и рекомендации сектора истории, в котором выполнялась данная работа. Никто не возбраняет издавать работы в частном порядке. Но, во-первых, это снижает ценность публикации, а во-вторых, неизбежно сказывается на ее научном уровне.

В аннотации к изданию подчеркивается, что оно рассчитано как на специалистов-историков, так и на всех интересующихся историей Карелии и проблемами Великой Отечественной и Второй мировой войн. Однако тираж в 100 экз. вряд ли выполнит эту задачу. Брошюры нет в ведущих библиотеках города Петрозаводска и Карелии, в том числе и в библиотеке ПетрГУ, хотя историю Карелии изучают студенты исторического факультета и данное издание им было бы весьма полезно. Автор данной рецензии с большим трудом получил единственный экземпляр, имеющийся в Дирекции ИЯЛИ КарНЦ РАН, чтобы ознакомиться с его содержанием.

Предпринятая В. Г. Макуровым попытка изложить историографию темы «Великая Отечественная война в Карелии» на уровне современных требований исторической науки не увенчалась успехом. Эта задача еще ждет своего решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавулинская Л. И. Трудовое использование иностранных военнопленных в Карелии в послевоенные годы (1944–1949) // Историк и его время. Памяти проф. В. Б. Конасова. Вологда: Вологодский ин-т права и экономики ФСИН России, 2010. С. 244–250.
2. Вавулинская Л. И. Принудительный труд в Карелии в послевоенные годы // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 5 (98). С. 15–23.
3. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг.: Монография. Петрозаводск, 2009. 544 с.
4. Веригин С. Г. Предатели или жертвы войны: Коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012.
5. Война. Народ. Победа: Материалы междунар. науч. конф. М., 2008. 471 с.
6. Вторая мировая война: История без купюр: Спец. вып. Журнала «Международная жизнь». М., 2009. 218 с.
7. Копанев В. Н. Беломорканал как стратегический фактор в развитии Севера // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2011. № 4.
8. Копанев В. Н., Макуров В. Г. Северный флот и Карибский кризис 1962 года // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 4.
9. Копанев В. Н. Онежская военная флотилия в годы Великой Отечественной войны (Краеведческие чтения. Материалы V науч. конф. (17–18 фев. 2011 г.). Петрозаводск, 2011. С. 61–68.
10. Макуров В. Г. Великая Отечественная война в Карелии: Историографический очерк. Петрозаводск, 2012. 43 с.
11. Отечественная история. 2006. № 4.
12. Устная история в Карелии. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007. 212 с.
13. Erkkilä V. Vaiettu sota. Neuvostoliiton partisaanien iskut suomalaisin kyliin. Helsinki, 1999. 266 s.
14. Erkkilä V. Viimeinen aamu. Neuvostopartisaanien vaietut jäljet. Helsinki, 2011. 355 s.
15. Laine A. Suur-Suomen kahder kasvor. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa… Helsinki, 1982.

Поступила в редакцию 08.08.2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Рецензии** **2013**

УДК 001

ВАСИЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ПИВОЕВ
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
pivoev@mail.ru

Рец. на кн.: **История и философия науки: Основные имена и понятия: Учебное пособие / В. И. Полищук, Б. В. Емельянов, В. Д. Губин и др. / Под ред. В. И. Полищука. – М.: [Prondo], 2013. – 354 с.**

В последние годы опубликовано немало учебных пособий для магистров и аспирантов по дисциплине, включенной в перечень экзаменов кандидатского минимума. Среди них несколько словарей. Рецензируемое издание обладает рядом преимуществ перед ними. «Энциклопедия эпистемологии и философии науки», изданная под редакций И. Т. Карсавина (М.: Канон, РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.), наиболее обстоятельное и объемное пособие, но в нем нет биографических статей, только именной глоссарий. Достаточно насыщен информацией другой словарь, который является дополнением к циклу учебных пособий под ред. С. А. Лебедева (Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции и категории). М.: Академический проект, 2008. 692 с.). Более краткий энциклопедический словарь выпустил В. А. Канке (Философия науки: краткий энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Омега-Л», 2008. 328 с.). В нем есть статьи, посвященные ныне живущим философам, а не только классикам. Наиболее близок по характеру и содержанию к рецензируемому изданию словарь, подготовленный уральскими философами под редакцией Н. В. Бряник (Общие проблемы философии науки: Словарь для аспирантов и соискателей. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2007. 318 с.).

Рецензируемый словарь является кратким и лаконичным (поэтому им удобнее пользоваться) и включает в себя не только важнейшие термины, но и ключевые имена. Он содержит минимально необходимые категории и термины. Особенно важны статьи, характеризующие основные методы научных исследований, и статьи о крупнейших западных ученых, чьи работы внесли весомый вклад в современную философию науки. Словарь адресован аспирантам разных научных специальностей. Авторы стремились избежать чрезмерной детализации и крайностей дискуссионных точек зрения. По этой причине в словарь не включена статья «Иррациональное», поскольку представление об этой категории еще не устоялось и существуют различные точки зрения на существо этого противоречивого феномена. Не попала в словарь биографическая статья об А. Бергсоне, который оказал огромное влияние на европейскую философию XX века, особенно на понимание времени и свободы. Нет статьи об энергии, о В. С. Соловьеве и о всеединстве, о постмодернизме. Но есть статья об иронии. Впрочем, если включить все это в словарь, то он потеряет свои преимущества краткости и доступности, перестанет быть учебным пособием.

Авторы словаря (всего четыре, в отличие, например, от словаря уральских коллег, в котором 40 авторов) представляют различные академические (московскую, екатеринбургскую, сибирскую) школы, хотя бóльшая часть статей принадлежит В. И. Полищуку. Таким образом, издание представляет в немалой степени взгляд на философию науки составителя и редактора. Статьи словаря рассматривают традиционные точки зрения на проблемы истории и философии науки. В то же время во многих статьях проявляются особенности методологической позиции В. И. Полищука и его соавторов. Достаточно сдержанной является статья В. Д. Губина о К. Марксе, в ней нет необоснованных славословий, но и критика достаточно мягкая.

По некоторым статьям хочется высказать небольшие замечания. Так, в статье о материи содержится ссылка на источник слова *лат.* «materia» (вещество), что вполне справедливо, однако к материи отнесено «поле», которое веществом не является. В статье об опыте можно было выделить два значения: 1) этап процесса познания; 2) результат познания и практической деятельности. В статье о постнеклассической науке нет упоминания об И. Пригожине и его исследовании неравновесных состояний. На с. 223 развитие определено как «необратимое, направленное, закономерное изменение», но под такое определение можно подвести процесс гниения, который трудно назвать развитием. В статье о В. С. Степине не названа его важная работа «Теоретическое знание». Эти замечания не носят принципиального характера. В целом можно оценить словарь как удачное и полезное учебное пособие для магистров и аспирантов. В Приложении помещены крылатые (в основном латинские) выражения и термины, которые нередко употребляются в научной среде. Крупный шрифт отвечает требованиям к учебным пособиям.

Поступила в редакцию 06.08.2013

© Пивоев В. М., 2013

Ноябрь, № 7. Т. 1 **Рецензии** **2013**

УДК 821.161.1

ДМИТРИЙ АНДРЕЕВИЧ КУНИЛЬСКИЙ
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dkunilsky@mail.ru

Рец. на кн.: **Фатеев В. А. Жизнеописание Василия Розанова. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2013. – 1056 с.**

В Петербурге вышла большая книга о В. В. Розанове, одном из популярнейших мыслителей рубежа веков. Автор (писатель и филолог В. А. Фатеев) известен как составитель антологий «Розанов: pro et contra» и «Славянофильство: pro et contra», активный участник «Розановской энциклопедии». О своем отношении к герою он недвусмысленно говорит во вступлении: «По мере всё большего освоения творческого наследия Розанова невольно угасала та таинственная притягательность его личности, которой я вдохновлялся в своих трудах многие годы» (С. 4). Взвешенная, порой критическая оценка крайне неоднозначной личности Розанова внушает доверие и обещает объективную картину его жизни.

Повествование идет в хронологическом ключе. Запоминаются годы учебы Розанова в Московском университете, живые портреты профессоров, среди которых особенно близки Розанову были историки В. И. Герье и В. О. Ключевский, филологи Ф. И. Буслаев и Ф. Е. Корш. Увлечение революционными идеями, «писаревщиной» сменилось у Розанова славянофильским настроением. Многим будет интересна история женитьбы Розанова на А. Сусловой, бывшей возлюбленной Ф. М. Достоевского. Связь с Сусловой будет мучить его, хотя, как проницательно замечает В. А. Фатеев, «именно этому обстоятельству, ставшему жизненной трагедией Розанова, мы и обязаны прежде всего возникновением типично “розановских” тем, которые принесут ему всеобщую известность» (С. 110). Описание трудностей, в изобилии возникавших у Розанова на службе, не создает гнетущего впечатления; был у провинциального учителя и свой свет в окошке – работа над книгой «О понимании», сменившаяся перепиской с Н. Н. Страховым и К. Н. Леонтьевым.

Большую часть монографии занимает рассказ о взаимоотношениях Розанова с Вл. Соловьевым, Мережковским, Гиппиус, Блоком, Ремизовым. Важную роль в те годы играли не только поэты-декаденты, но и различные консервативные течения, начиная с кружка петербургских последователей славянофильства во главе с Т. Филипповым и заканчивая «московскими славянофилами» 1910-х годов (к ним Розанов относил таких ярких мыслителей, как о. Павел Флоренский и С. Н. Булгаков). Причем если стоявшие на консервативных позициях журналы «Русское обозрение» и «Русский вестник» уже не пользовались особым успехом, то газета А. С. Суворина «Новое время» – феномен в истории отечественной печати. Атмосфера всеобщей смуты не мешала журналистам-нововременцам публиковать статьи и заметки патриотического содержания, а тиражам газеты могло позавидовать любое либеральное издание. Малоизвестный сейчас журнал «Вешние воды», начинавшийся как сборник студенческих работ, привлек к себе позднее известных ученых и публицистов. В обоих изданиях сотрудничал Розанов.

Не меньшее внимание В. А. Фатеев уделяет другой, противоположной, стороне розановского мировоззрения, глубоко и тактично трактуя критику Розановым христианства, церкви, интерес к теме пола, не отмахиваясь от некоторых негативных фактов (глава «Декадентское, слишком декадентское»). Автор книги не раз предостерегает от упрощенного, однолинейного понимания Розанова (С. 684–685). Вопреки слухам о том, что Розанов перед смертью молился восточным божествам, автор приводит важные свидетельства христианской кончины своего героя.

Нередко ход описываемых событий уклоняется в сторону современников Розанова, их идей и поступков, изложенных хорошим языком с большим количеством деталей. «Жизнеописание Василия Розанова» по обилию различных сведений, имен исторических личностей, используемых архивных материалов можно сравнить с энциклопедией. Это сходство объясняется тем огромным влиянием, которое Розанов оказывал на свою эпоху.

Февральскую революцию Розанов принял восторженно. Еще издаются прежние газеты, но в «Известиях» уже опубликовано объявление о расстреле известного публициста М. О. Меньшикова за участие в «черносотенном» «Новом времени». Розанову удалось избежать такой участи, впрочем, его собственная была не лучше: последние свои дни он провел в Сергиевом Посаде, в голоде и нищите.

Монография В. А. Фатеева, думается, поможет читателям через призму судьбы Розанова понять не только то трагичное время, но и осознать происходящее сегодня.

Поступила в редакцию 18.09.2013

© Кунильский Д. А., 2013

ХРОНИКА

■ 16–18 августа 2013 года в г. Баден-Бадене (Германия) состоялась Международная конференция Тургеневского сообщества, посвященная 195-летию со дня рождения И. С. Тургенева.

Конференция собрала литературоведов из Германии, России, Бельгии, Франции, Канады, Украины, Беларуси, директоров литературных музеев России и Франции, молодых исследователей, почитателей русской литературы и И. С. Тургенева. Основная цель встречи – установление более тесных контактов между представителями разных стран, занимающимися вопросами тургеневского наследия, и объединение усилий по организации празднования в 2018 году 200-летия со дня рождения писателя.

О тургеневском наследии и популяризации его произведений в Германии заботится Тургеневское общество, созданное 20 лет тому назад в Баден-Бадене (где писатель провел почти 10 лет своей жизни), и его бессменный председатель Ренате Эфферн. После торжественного открытия на пленарном заседании прозвучали доклады: «Тургеневский Баден-Баден в романе “Дым” – поэтологический анализ» (Хорст-Юрген Герик, Университет Гейдельберга), «Рассказ “Фауст” И. С. Тургенева» (Рольф-Дитер Клуге, Университет Тюбингена), «И. С. Тургенев – автор бидермейера» (Рудольф Нойхойзер, Университет Клагенфурта). Доклады прозвучали на немецком языке с переводом на русский. В разделе «Тургеневские музеи в России и Франции» были заслушаны доклады Е. Полянской (директор музея И. С. Тургенева, г. Москва), В. Ефремовой (директор Объединенного литературного музея И. С. Тургенева, г. Орел), М. Звигильского (директор музея И. С. Тургенева в Буживале, Париж).

Вопросам поэтики, литературных взаимовлияний, литературных контекстов были посвящены следующие выступления: «Алгоритмы “литературного поведения” Ивана Тургенева и его героев: от 1830-х к 1850-м годам» (Д. П. Бак, РГГУ, директор Государственного литературного музея, г. Москва); вопросу генезиса и модификации тургеневской девушки посвятила доклад профессор О. Б. Кафанова (г. Санкт-Петербург). С точки зрения психоанализа доктором К. Ницшман (Бремен) интерпретировалась повесть «Первая любовь»; о самовыражении посредством одежды в романе «Отцы и дети» говорила О. Касперс (Университет Зальцбурга). В литературном контексте охотничьих рассказов «Записки охотника» рассматривали профессор В. Я. Гуминский (ИМЛИ РАН, г. Москва) и профессор М. М. Одесская (РГГУ, г. Москва). Вопросам сохранения, популяризации и восприятия тургеневского наследия сегодня были посвящены доклады Г. Н. Муратовой (г. Москва) и Е. Петраш (г. Москва). С докладом «Роман “Отцы и дети” в русской литературе: ремейки и пародии» выступил В. А. Доманский (г. Санкт-Петербург); о современном восприятии и исследовании произведений И. С. Тургенева говорила С. Минина (школа № 29, г. Пятигорск); знаковым и символичным оказалось сближение фильма «Меланхолия» Ларса фон Триера с судьбой тургеневского наследия сегодня в докладе Т. Е. Коробкиной (г. Москва). Е. Клочкова (школа № 38, г. Орел) поделилась впечатлениями от поездки вместе с учащимися в Германию и их открытиями «следов» писателя в Берлине. На проблеме перевода текстов остановился профессор Н. Жекулин (Университет Калгари); с докладом «И. С. Тургенев – редактор немецкого перевода “Отцов и детей” для митавского издания» выступила В. Лукина (ИМЛИ РАН, г. Санкт-Петербург).

В последний день конференции состоялся круглый стол, посвященный подготовке празднования 200-летия И. С. Тургенева. Программа празднования должна быть нестандартной, отличаться творческим подходом.

Заключительная дискуссия с участием К. Фурманна, Р.-Д. Клуге, В. Гуминского, Н. Жекулина и Х.-Ю. Герика была посвящена таким вопросам, как место и значение в современном обществе классической литературы, важность распространения и популяризации тургеневского наследия.

Р. Эфферн подчеркнула, что «основание Международного Тургеневского общества – одна из целей этой встречи. Баден-Баден – уникальный город, хотя в нем нет университета, равно как и литературных музеев. Кроме И. С. Тургенева, и другие русские писатели были здесь. Все это дает надежду и право считать Баден-Баден не только городом преуспевающих русских, но и Международным центром русской культуры».

Т. В. Иванова,
кандидат филологических наук, доцент
vantamara@sampo.ru

CONTENTS

HISTORY

Pashkov A. M.
NICHOLAS KOFYRIN: COUNTRYSIDE TEACHERS AND MODERNIZATION PROCESSESAMONG PEASANTRY OF OLONETS GUBERNIYA (PROVINCE) IN EARLY XX CENTURY 7

Shumilov M. I., Shabalin G. S.
USE OF ACCUMULATED EXPERIENCE IN TRAINING YOUNG SKILLED WORKERS 13

Nikonov S. A.
RECRUITMENT OF TRADE LABOR FORCE FOR MURMANSK FISHERY OF NICHOLO-KORELSKY MONASTERY IN SECOND HALF OF XVII CENTURY 17

CULTURAL STUDIES

Nikolskiy S. A.
VIRTUAL RECONSTRUCTION OF LOST HERITAGE OBJECT: ON EXAMPLE OF ST. MYRON CHURCH OF LIFE GUARD JÄGER REGIMENT 23

PEDAGOGICS

Gavrikov A. L., Lisitsyna T. A.
EDUCATIONAL CONTENT DEVELOPMENT BASED ON CLOUD TECHNOLOGIES EMPLOYMENT 29

Dmitrieva N. K.
EXPERIMENTAL RESULTS ON ACADEMIC MOBILITY DEVELOPMENT IN UNIVERSITY STUDENTS IN PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION 35

POLITICAL AND SOCIAL STUDIES

Rozhneva S. S.
FREE POLITICAL ELECTIONS AND SOCIETY'S SECURITY 39

Shedij M. V.
SPECIFICS OF SOCIAL ARCHITECTONICS OF CORRUPT RELATIONS 44

PHILOLOGY

Shirokova E. N.
VERBS *TO LINGER* AND *TO TARRY*: SEMANTICS AND FUNCTIONING 48

Lomakina O. V., Makarova A. S.
PECULIARITIES OF USING ELOQUENT EXPRESSION-GALLICISM *HONEY MOON* IN MODERN RUSSIAN JOURNALISM (BASED ON NATIONAL RUSSIAN LANGUAGE CORPS' MATERIALS) 52

Yudina T. M.
STRUCTURAL TYPES AND SYSTEMIC RELATIONS OF TERMS WITHIN LEXICO-SEMANTIC GROUP "NAMES FOR PERSONS ACCORDING TO THEIR PROFESSION" IN MINING INDUSTRY TERMINOLOGY: BEGINNING OF XVIII CENTURY 57

Zakharova E. V.
SLAVIC SUFFIXES IN SUBSTRATE TOPONYMY OF EASTERN OBONEZHJE 62

Trofimova Yu. M.
AUTHOR'S PERSONALITY AS LITERARY TEXT PHENOMENON (BASED ON STRINDBERG'S NOVEL"THE RED ROOM") 66

Kovriguina L. Yu.
METHODOLOGICAL DIFFERENCES IN MODELING TEXTS' STATISTICAL STRUCTURE(ON THE EXAMPLE OF "THE TALE OF THE ROUT OF MAMAI") 71

PHILOSOPHY

Markov B. V.
APRIORITY KNOWLEDGE IN HUMANITIES 77

Egorychev I. E.
INCOMPLETENESS OF AXIOMATIC THEORIES AS TRUTH OF REALITY 82

ECONOMICS

Belozerov S. A.
BANK DEPOSITS' PROTECTION 86

Krasnopevtseva I. V.
PROBLEMS OF MATERIAL STIMULATION OF INDUSTRIAL WORKERS' LABOR PRODUCTIVITY. 91

Padisov S. G., Volova Yu. A.
ASSESSMENT OF INTERREGIONAL ECONOMIC DIFFERENTIATION OF NORTHERN REGIONS 97

Ovchinnikova N. E.
ADAPTIVE STABILITY OF BANKING SYSTEM: THEORETICAL ASPECT 103

LEGAL STUDIES

Dushnyuk N. V.
COURT OF APPEAL POWERS 107

Ukhanova A. P.
MODERN APPROACH TO CONTENT AND STAGES OF ELECTORAL PROCESSIN RUSSIAN FEDERATION 112

Reviews

Verigin S. G.
The book review: Makurov B. G. Great Patriotic War in Karelia: historiographic essay. 117

Pivoev B. M.
The book review: History and history of science: Basic names and ideas: Study quide. 121

Kunil'skiy D. A.
The book review: Fateev V. A. Life history of Vasiliy Rozanov 122

Scientific information

Ivanova T. V.
International conference of Turgenev community in Baden-Baden 123